

ОБЩЕСТВО ИСТОРИКОВ-МАРКСИСТОВ И ИНСТИТУТ ИСТОРИИ ПРИ
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ ЦИК СССР
ПОПУЛЯРНАЯ ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ БИБЛИОТЕКА «ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ»

ПОД ОБЩИМ РУКОВОДСТВОМ М.Н. ПОКРОВСКОГО
РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:
П.О. ГОРИН, <в экземпляре две фамилии залиты чернилами> М.Н. ПОКРОВСКИЙ

Осип Львович ВАЙНШТЕЙН **ИСТОРИЯ ПАРИЖСКОЙ КОММУНЫ**

М.: ЖУРНАЛЬНО-ГАЗЕТНОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ. 1932

Веб-публикация: библиотека [Vive Liberta](http://vive-liberta.ru), 2010. Дореформенная орфография оригинала сохранена, дополнительные ссылки добавлены нами.

Документы, исследования, публицистика, посвященные Парижской коммуне 1871 года и отдельным ее деятелям:
Гюстав Лефрансе. Воспоминания коммунара (Л.: Прибой. 1925)
Э. Лиссагаре. История Парижской коммуны в 1871 году (СПб., 1906)
М. Вильом. В дни Коммуны: записки очевидца (Л.: Прибой. 1926)
Луи Дюбрейль. Коммуна 1871 года (Пг., 1920)
А. Лурье. Портреты деятелей Парижской коммуны (М.: госполитиздат. 1956)
Речь Эжена Варлена перед судом в 1868 г. (Вятка, 1918)
Белфорт Бакс. Парижская коммуна 1870-1871 гг. (Пг., 1918)
П. Лавров. Парижская коммуна 18 марта 1871 г. (Л.: Прибой. 1925)
К. Беркова. Парижская коммуна и русские революционеры (М., 1926)
С.Н. Красильников. Боевые действия Парижской коммуны 1871 (М.: Государственное военное издательство. 1935)
БЕССМЕРТНАЯ КОММУНА. Воспоминания ветеранов, участников Парижской Коммуны Густава Инара, Антуана Ге, М.П. Сажина, Ашиля Леруа, В.Арендта, Ипполита Ноэля (М.: Издательство ЦК МОПР СССР. 1928)
В.Арендт. Дни Коммуны 1871 года (М.: ЦК МОПР. 1929)
И. Галкин. Франко-прусская война и Парижская Коммуна. Франция и Германия в 1870-1914 гг. (М., 1952)
Э. Вандервельде. Парижская Коммуна (М.: изд-во Всерос. Центр. Исполнит. Комитета Совета Р., С., Кр. и Казач. Депутатов. 1918)
Н. Емельянова. Англия и Парижская Коммуна (М.: Наука. 1981.
Отв. ред. В.М. Далин)

А. Молок. Очерки быта и культуры Парижской Коммуны: организация народного образования, клубы, женское движение (Л., 1924)

А. Молок. Белый террор во Франции в 1871 году (М.: ЦК МОПР. 1936)
Парижская Коммуна: акты и документы. Эпизоды кровавой недели (по книге К. Пельтана) (издание 1920 года, предисловие Г. Зиновьева)

Ю. Данилин. Поэты Парижской Коммуны: историко-литературоведческая монография (М.: Худ. лит.-ра. 1947)

Ж. Дюкло. На штурм неба. Парижская коммуна - предвестница нового мира (М.: Иностранная лит.-ра. 1962)

Парижская Коммуна 1871 г. под ред. Э.А. Желубовской, А.З. Манфреда, А.И. Молока, Ф.В. Потемкина (М.: изд-во АН СССР, 1961). Т.1, 2.

И. Книжник-Ветров. Русские деятели 1-го Интернационала и Парижской коммуны. Е.Л. Дмитриева, А.В. Корвин-Круковская, Е.Г. Бартенева (М.-Л.: Наука. 1964)

П. Керженцев. История Парижской коммуны 1871 г. (М.: Соцэкгиз, 1959.) План Парижа 1871 г. Военные действия коммуны

Э. Желубовская. Крушение Второй империи и возникновение Третьей республики во Франции (М.: АН СССР. 1956)

Письма рабкорров Парижской коммуны (М., 1937)

Б. Итенберг. Россия и Парижская коммуна (М.: Наука. 1971)

Фильм Питера Уоткинса «Коммуна (Париж, 1871)» («La Commune (Paris 1871)», 2000 г.).

Эту литературу можно скачать в специальном разделе нашей библиотеки:

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/biblio_1.htm#commune

в сообществе

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p100499357.htm>

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p64478563.htm>

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p70661197.htm>

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p72861790.htm>

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p81555317.htm>

а также http://community.livejournal.com/znanie_vlast/

а также <http://politazbuka.ru/>

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предисловие автора

ВВЕДЕНИЕ

Ч. I. ФРАНЦИЯ ЭПОХИ ВТОРОЙ ИМПЕРИИ

ПРЕДПОСЫЛКИ РЕВОЛЮЦИИ

Ч. II. ОТ 4 СЕНТЯБРЯ ДО 18 МАРТА 1871 г.

ГЛАВА 1. РЕВОЛЮЦИЯ 4 СЕНТЯБРЯ

ГЛАВА 2. БОРЬБА ЗА КОММУНУ

ГЛАВА 3. РЕВОЛЮЦИЯ 18 МАРТА

Ч. III. РАЗВИТИЕ ДИКТАТУРЫ ПРОЛЕТАРИАТА

ГЛАВА 1. ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ НАЦИОНАЛЬНОЙ ГВАРДИИ И ВОЗНИКНОВЕНИЕ КОММУНЫ

ГЛАВА 2. ГОСУДАРСТВЕННОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО КОММУНЫ

Вряд ли можно переоценить то огромное влияние, какое оказал опыт Парижской Коммуны 1871 г. на выработку марксистско-ленинской теории и тактики революционной борьбы рабочего класса. Основные принципы учения Маркса и Энгельса о социальной революции и диктатуре пролетариата оформились окончательно в результате изучения ими опыта Парижской Коммуны. Богатое наследие этого опыта было затем с исключительной глубиной проработано и всесторонне использовано Лениным и его партией в период борьбы за Октябрь и в период построения первого в мире пролетарского государства. Усвоение положительного опыта Коммуны и преодоление всех ее ошибок позволило пролетариату отвоевать у капитала для построения коммунистического общества шестую часть земного шара. Мы, по словам Ленина, «стоим на плечах Парижской Коммуны»; наша действительность тесно и органически с нею связана.

Эта связь не только историческая. Проблемы, поставленные Коммуной, сохраняют и сохранят еще надолго самое актуальное значение — прежде всего для трудящихся в странах капитала, еще стоящих перед своим Октябрем. Ибо основным содержанием истории Коммуны является то, что она была диктатурой пролетариата и притом первой по времени попыткой такой диктатуры; а вопрос о диктатуре пролетариата, учил нас Ленин, «это самый главный вопрос всей пролетарской классовой борьбы» (т. XXIII, 377). И точно также являются для нас сугубо актуальными важнейшие уроки Коммуны по вопросам железного единства партии пролетариата в период решающих классовых

боев; по вопросам правильных взаимоотношений между рабочим классом и трудовым крестьянством; по вопросам борьбы с вредными «демократическими», парламентскими и конституционными иллюзиями, еще сохраняющимися у значительной части пролетариев капиталистических стран.

Было бы удивительным, если бы всего этого не учитывали и враги революционного пролетариата, в первую очередь социал-фашисты. Прекрасно сознавая огромное революционизирующее влияние опыта Парижской Коммуны, «вожди» и теоретики социал-фашизма, наряду с фальсификацией всего учения Маркса и Энгельса, усердно занимаются также — особенно со времени Октябрьской революции — фальсификацией истории Коммуны Карлу Каутскому в этой почтенной работе принадлежит, несомненно, самое видное место. В своих писаниях «Диктатура пролетариата» (1918 г.), «Терроризм и коммунизм» (1919 г.), «Материалистическое понимание истории» (1927 г.) он для обоснования своей бешеной ненависти к диктатуре пролетариата в Советском союзе прибегает к извращению и взглядов Маркса на Коммуну, и фактической истории самой Коммуны. Любопытным образчиком такого извращения фактов является его статья «*War die Pariser Kommune deutschfeindlich?*» («*Die Gesellschaft*» 1925, № 3). Каутский приводит здесь свежий фактический материал. Коммуна конфисковала промышленное предприятие немца, бежавшего из Парижа. Это вызвало протест дипломата охранявшего немецкие интересы. Коммуна ответила на протест заявлением, что предприятия бежавшей буржуазии конфискуются независимо от национальной принадлежности их собственников. Единственный вывод, который делает отсюда Каутский: Коммуна не была враждебна немцам. Как будто Каутскому и без того не известно, что Коммуна была глубоко интернациональной, что она была резко враждебна всякой национальной розни, что она провозгласила лозунг Всемирной Республики! Наоборот, единственный важный вывод, который сам собою напрашивается и который отличается известной новизной, а именно, что Коммуна не только декларативно, но и практически уже становилась на путь экспроприации экспропри-

торов, этот вывод Каутский обходит полнейшим молчанием. Что это как не сознательное извращение фактической истории первой пролетарской революции?

В таком же фальсификаторском духе выдержана и вся «концепция» Каутского, являющаяся официальной концепцией всего Второго Интернационала. Парижская Коммуна, утверждают социал-фашисты, была демократически организованной формой государственной власти, основанной на всеобщем избирательном праве. Для Коммуны характерно не желание углубить классовую борьбу, а, наоборот, установить сотрудничество классов с целью освобождения труда. Метод действия Коммуны поэтому не насилие над побежденным классом, а охрана всех буржуазно-демократических свобод. Те элементы насилия, которые имелись в практике управления Коммуны, не пользовались симпатиями в самой Коммуне и вызывались лишь крайней необходимостью.

Антимарксистский и контрреволюционный характер этой концепции был полностью разоблачен Лениным в работе «Пролетарская революция и ренегат Каутский». Пойманный с поличным в попытке замолчать основной вывод Маркса, что пролетариат не может просто овладеть буржуазной государственной машиной, а должен сломать эту машину, Каутский старается в своей книге «Материалистическое понимание истории» выкрутиться новым трюком. Он хочет здесь уверить читателя в том, что под разрушением государственной машины Маркс понимал.. устранение централизованной государственной власти и замену ее «широкой демократией». Такие же образчики клеветы на Маркса и Энгельса, искажения их взглядов на Коммуну, как диктатуру пролетариата, можно найти и в произведениях Кунова. Конради, Маутнера. Последний, например, в своей статье «К истории понятия «диктатура пролетариата» (*Grünberg Archiv* В. XII, 1926) буквально утверждает следующее: «Энгельс представлял себе диктатуру пролетариата в форме демократической республики, основанной на всеобщем избирательном праве». Это в сущности означает, что немецкая «демократическая республика» Гитлера и Гинденбурга является диктатурой пролетариата. В издевательстве над важнейшими мыслями осно-

воплощеников марксизма дальше идти действительно некуда.

Цель всех этих клеветнических измышлений состоит в том, чтобы доказать, что Октябрьская революция установила у нас не диктатуру пролетариата в понимании Маркса и Энгельса, а диктатуру над пролетариатом. В этой задаче извращение истории Парижской Коммуны служит исходным пунктом. Отсюда ясно, насколько актуальной и политически заостренной является самая тема данной книги. Именно политическая актуальность этой темы заставила и буржуазных историков прервать свой долгий заговор молчания против Парижской Коммуны. За последние годы вышло несколько книг и статей французских буржуазных ученых, в которых одни (Буржен), изучая Коммуну попросту замалчивают вопрос о диктатуре пролетариата, другие (Ларонз, Сеньобос) силятся доказать, что Коммуна не была ни пролетарской, ни социалистической, ни даже революционной. Они изображают Коммуну малозначущим эпизодом в истории даже не всей Франции, а одного только Парижа. Развенчать Коммуну в глазах пролетариата, доказать отсутствие всякой связи между этим случайным эпизодом и современностью, словом, убить всякий интерес у французских рабочих к героям и мученикам Коммуны, память которых эти рабочие и по сегодня чествуют, — такова непосредственная задача современной буржуазной историографии.

При таких условиях каждый историк-марксист, берущийся за эту боевую тему, должен твердо помнить, что малейшая его ошибка, малейшее искажение взглядов Маркса и Ленина на Парижскую Коммуну может только послужить на пользу классовому врагу. Здесь как никогда справедливы слова Чернышевского: «теоретическая ложь всегда приводит к практическому вреду». Особенно в самостоятельной исследовательской работе, если она еще опирается на свежий или малоиспользованный материал первоисточников, возможна опасность, в погоне за новой черточкой, за ранее неизвестным, хотя и мало существенным фактом, упустить или исказить самое существенное и главное в марксистско-ленинской концепции Коммуны.

Этой опасности не сумел избежать автор данной книги в своих предшествовавших исследовательских работах по истории

Коммуны. В статье «Парижская Коммуна и пролетариат в революции 1871 г.», помещенной в Известиях Академии наук за 1930 г., и в вышедшей в 1931 г. на украинском языке книге «Етюди й розвідки з історії Паризької Комуні» автор допустил ряд грубейших ошибок, являющихся в совокупности по существу не чем иным, как ревизиою взглядов Маркса и Ленина по вопросам истории Коммуны. Прежде всего в обеих работах ставится как проблема то, что для марксиста не является и не может быть проблемой, а именно: была ли Коммуна диктатурой пролетариата, причем эта проблема решается настолько нечетко, с такими ошибками в формулировках, что у читателя могут законно возникнуть сомнения в вопросе о характере этой диктатуры, времени ее возникновения, даже в факте ее существования. Совет Коммуны рассматривается как орган мелкобуржуазный и противопоставляется в этом качестве Центральному комитету национальной гвардии, как единственному настоящему представителю интересов пролетариата, хотя для такого утверждения нет никаких оснований. В результате создается совершенно неверное представление о наличии какого-то двоевластия, чуть ли не классовой борьбы среди самих же революционеров, в то время как речь может идти только о существовании некоторых трений между обоими органами — факт общеизвестный, объясняемый неупорядоченностью взаимодействия отдельных частей в механизме управления Коммуны: ведь этот механизм строился всего лишь в течение нескольких недель, даже дней.

Еще более грубой ошибкой является противопоставление Совета Коммуны пролетариату, изображение всей социально-экономической деятельности Коммуны результатом давления на нее со стороны рабочих, как бы вырывавших у мелкобуржуазных партий то или иное революционное мероприятие. В связи с этим стоит и недооценка социально-экономического законодательства Коммуны и переоценка политической зрелости парижского пролетариата, беда которого как раз ведь и состояла в недостаточной политической зрелости, в существовании известных демократических иллюзий, в отсутствии теоретически выдержанной и дисциплинированной партии.

Проявленное автором пренебрежение к Совету Коммуны коре-

няется в антиленинской оценке того факта, что Коммуна формально была избрана всеобщим голосованием. Ложной с начала до конца и политически весьма вредной является общая установка украинской работы автора — рассматривать динамику революции 1871 г. после 18 марта не как процесс развития диктатуры, а как процесс развития к диктатуре. В этой же работе имеются преувеличения и неверные формулировки в вопросе о социально-экономических предпосылках Коммуны, в вопросе о роли прусской оккупации и интервенции в поражении Коммуны, в вопросе о подготовленности беднейшего крестьянства к пролетарской революции.

Эти ошибки, вскрытые Обществом историков-марксистов в Москве и в Одессе, были автором осуждены как антиленинские и искажающие правильное представление о Парижской Коммуне и пролетарской революции 1871 г. В связи с этим автор заново пересмотрел и радикально переработал весь накопленный им материал. Преодоление и исправление всех допущенных им ошибок на основе использования исторического наследия Маркса—Энгельса—Ленина являлось при этом его основной задачей. С основными марксо-ленинскими установками по истории Коммуны знакомит Введение. В первой части, посвященной предпосылкам Коммуны, в отдельных местах использован свежий цифровой и фактический материал (например, по вопросу о католической церкви, положении крестьянства, роли банковского капитала и биржи в период Второй империи). Во второй части рассматривается наиболее слабо изученный период от 4 сентября до 18 марта. Здесь, в отличие от предшествующих общих работ по Коммуне, уделено сравнительно больше внимания революционному движению в провинции, признакам брожения среди беднейшего крестьянства и сельского пролетариата, реакционной роли Турской делегации правительства, а также активности бланкистских элементов в Париже и любопытным, хотя пока еще не вполне для нас ясным попыткам превратить наблюдательные комитеты в ячейки единой боевой революционной организации.

Следующая часть — «Революция 18 марта» — несколько «освежена привлечением новых материалов о немецкой окку-

пации, помощи, оказанной ею правительству Тьера еще перед 18 марта, процессе разложения в военных частях, посланных Тьером для ликвидации революционного очага в Париже. Далее, в большом разделе, посвященном развитию пролетарской диктатуры, подробнее, чем это обычно делалось, изучается вопрос о тактике Парижской Коммуны по отношению к буржуазным и мелкобуржуазным слоям Парижа, отражении этой тактики в законодательстве Коммуны и ошибках, допущенных при ее применении. Автор стремился показать и проиллюстрировать материалом первоисточников быструю эволюцию взглядов радикально-буржуазных группировок на Коммуну и объяснить констатированный Лениным отход этих группировок от рабочей власти, невзирая на усилия последней сохранить и повести их за собою. Разрушению Коммуной буржуазной государственной машины и построению нового типа государства отведено, разумеется, подобающее место, в соответствии с огромным и решающим значением, придаваемым этой стороне дела марксо-ленинской концепцией Коммуны. Несколько малоизвестных прежде черточек (о мировых судьях, комиссии общей безопасности) служат здесь дополнительной иллюстрацией к мысли Ленина о принципиально новом характере государственного аппарата Коммуны. В дальнейших главах автор с особым вниманием останавливается на всех проявлениях высокой политической и общественной активности парижского пролетариата времен Коммуны, на тесной связи рабочих профессиональных и политических организаций с аппаратом революционной власти. Здесь автору приходилось в наибольшей степени опираться на результаты своей собственной исследовательской работы, поскольку этот вопрос недостаточно освещен даже в лучших марксистских трудах по истории Коммуны.

Излишне говорить, что вся новейшая исследовательская литература вопроса была принята во внимание для всех разделов книжки¹. Ограниченный узкими рамками научно-популярной работы, автор далеко не всюду мог в сколько-нибудь достаточ-

¹ К сожалению, то новейшее издание известной работы Н. М. Лукина о Парижской Коммуне, вышедшее уже по окончании верстки настоящей книжки, не могло быть использовано автором.

ной степени обосновать свое изложение выдержками из первоисточников или дать во всех случаях, где это необходимо, развернутую аргументацию. Приходилось очень скупиться даже на цитаты из произведений учителей и вождей пролетариата. В противном случае небольшая книжка грозила разрастись в солидный том, что не входило в намерения ни автора, ни издательства.

Все иллюстрации к книжке подобраны автором.¹
Одесса, 12 мая 1932 г.

ВВЕДЕНИЕ

Революция 1871 г., не совсем гочно называемая «Парижской Коммуной», обладает рядом внешних признаков, как будто умаляющих ее историческое значение. Территориально она была ограничена пределами одного города. Попытки революционных восстаний в других частях Франции были быстро подавлены и не оказали существенного влияния на ход событий. Даже в пределах Парижского округа народные массы — прежде всего крестьянство — не были втянуты в борьбу и до конца ее хранили нечто вроде нейтралитета. И, наконец, на последнем этапе революции возглавлявший ее класс, после отхода от движения мелкой буржуазии, оказался одиноким и изолированным внутри самой столицы, наподобие того, как это уже случилось однажды с пролетариатом в июне 1848 г.

Точно также крайне ограниченным был опыт революции 1871 г. и во времени. Коммуна просуществовала, как известно, 72 дня, причем и это короткое время пришлось главным образом отдать отчаянной борьбе за существование, почти не оставлявшей места для творческой, преобразующей работы. Это обстоятельство, равно как и исключительно полная в данном случае победа реакции над силами революционного класса, сделало возможным настолько радикальное уничтожение всех следов пребывания пролетариата у власти, что, казалось бы, бесцельно искать каких-либо изменений в общественных, экономических и политических отношениях, которые были бы результатом этой революции.

Далее, в противоположность французским же революциям 1789—94, 1830 и 1848 гг. революция пролетариата 1871 г. не вызвала соответствующего движения за границей, ни одного восстания пролетариата даже в передовых европейских странах. И это обстоятельство, естественно, может служить формальным основанием, чтобы видеть в событиях 1871 г. только эпизод, лишенный серьезного исторического значения. А именно таким и является взгляд на Коммуну современной буржуазной историографии.

¹ По недосмотру типографии «Гудок», в которой печатались иллюстрации к этой книге, перепутан порядок их размещения, вследствие чего иллюстрации даются не в хронологическом порядке.

Наконец, особенностью революции 1871 г. является ее стихийный характер не только в смысле слишком слабой организованности масс, но и в смысле значительного преобладания классового инстинкта над классовой сознательностью и в борьбе, и в строительстве Коммуны. «В Парижской Коммуне, — говорит по этому поводу В. И. Ленин, — новый тип (государства) просуществовал несколько недель, в одном городе и притом без сознания того, что делали. Коммуны не понимали те, кто ее творил, ибо они творили при помощи чутья гениально проснувшихся масс, но ни одна фракция французских социалистов не сознавала, что она делает» (1).

Этому слабому уровню сознательности соответствовала нечеткая, отчасти ошибочная постановка основных задач революции. «Восставший против старого режима пролетариат, — пишет в другом месте Ленин, — взял на себя две задачи: общенациональную и классовую, освобождение Франции от нашествия Германии и социалистическое освобождение рабочих от капитализма. В таком соединении двух задач — оригинальнейшая черта Коммуны» (2). Но в этом же соединении источник того внешнего впечатления идейной слабости и противоречивости пролетарской революции, которое дало мелкобуржуазным историкам некоторую видимость основания отрицать ее пролетарский, социалистический характер и видеть в ней только республиканско-демократическое и патриотическое движение.

Понадобился гений Маркса и Ленина, чтобы показать, чем была в действительности Парижская Коммуна, и обнаружить под внешними формами «эпизода» событие величайшего исторического значения. Коммуна, — утверждал Маркс, — была «громадным историческим событием», «всемирно-исторической драмой»; Ленин видел в Коммуне «величайший образец величайшего пролетарского движения XIX в.», «громадной важности исторический опыт, известный шаг вперед всемирной пролетарской революции».

Блестящие страницы, посвященные Марксом, Энгельсом и Лениным Парижской Коммуне, показали, в чем ее сокровенная сущность, ее «тайна»: она была «первым правительством рабочего класса», «диктатурой пролетариата», «существенно новым типом государства», «той давно искомой политической формой, в которой могло бы совершиться экономическое освобождение труда».

Эта исключительно высокая оценка исторического значения Коммуны исходит не из поверхностных аналогий с другими революциями и не из крохоборческого внимания к отдельным, разрозненным фактам данной революции, взятым вне всякой связи

с целым и без понимания этого целого. Какое значение имеет, например, то обстоятельство, что во главе пролетарской революции оказалось немало зараженных мелкобуржуазными предрассудками интеллигентов, что насущнейшие интересы революции и рабочего класса подчас приносились в жертву отвлеченным принципам буржуазной демократии; что Коммуна, как констатирует в одном месте Ленин, «слишком медлила с введением социализма»? Критерием для оценки революции не могут служить только те

или иные ее социальные мероприятия. В «Гражданской войне во Франции» Маркс прямо говорит, что «великим социальным мероприятием Коммуны было ее собственное существование... отдельные меры, предпринимавшиеся ею, могли обозначить только направление, в котором развивается управление народа посредством самого народа».

В этих словах выражен основной подход Маркса к историческому изучению Коммуны, частный случай применения его исторической методологии. В совокупности фактов, составляющих историю Коммуны, не столько самые эти факты, сколько выражаемая ими тенденция имеет решающее значение. Коммуну нужно изучать не как законченное, застывшее и неизменное с начала до конца явление, не только как уже готовую, хотя еще «неполную» диктатуру пролетариата, но и как процесс развития этой диктатуры.

Нетрудно показать, что именно так подходит к рассмотрению Коммуны и В. И. Ленин. В своей статье «Памяти Коммуны» после указания, что власть в результате революции 18 марта перешла к пролетариату, он пишет: «Но в современном обществе пролетариат, поработанный капиталом экономически, не может господствовать политически, не разбивши своих цепей, которые приковывают его к капиталу. И вот почему движение Коммуны должно было неизбежно получить социалистическую окраску, то есть начать стремиться к ниспровержению господства буржуазии, господства капитала, к разрушению самых основ современного общественного строя». Но такой характер движение получило не сразу: «вначале оно было, — констатирует Ленин, — крайне смешанным и неопределенным».

Далее, ставя в «Государстве и революции» вопрос о союзе пролетариата с беднейшим крестьянством, как гарантии социалистического перерастания революции, Ленин замечает: «к такому союзу, как известно, и пробивала себе дорогу Парижская Коммуна, не достигшая цели в силу ряда причин внутреннего и внешнего характера». Коммуна снова таки и здесь рассматривается как трудный процесс перехода диктатуры пролетариата с низшей на высшую ступень.

Точно также в «Материалах по подготовке брошюры «Государство и революция», анализируя письмо Маркса к Кугельману, в котором отмечается необходимость «разбития» государственной машины буржуазии при переходе власти в руки пролетариата, Ленин пишет: «Это Коммуна и начала (подчеркнуто в оригинале) делать, но не доделала, к сожалению».

Отсюда видно, что если Парижская Коммуна была неполной, несовершенной диктатурой, то это объясняется не только тем, что она допустила в своей деятельности ряд крупнейших ошибок, частично неизбежных в условиях французского общества 1871 г., но еще и тем, что у нее не оказалось достаточного времени для раскрытия всех заложенных в ней возможностей. Развитие первой в истории диктатуры пролетариата было насильственно прервано вступлением в Париж версальцев, полным подавлением революции. Тем большее значение имеет направление этого развития, общие тенденции предпринятых Коммуной социально-экономических мероприятий, бывших сами по себе весьма недостаточными и весьма скромными по своим масштабам.

Изучая деятельность Совета Коммуны, как органа пролетарской диктатуры, мы должны будем неоднократно убеждаться в том, что последний далеко не всегда был на высоте задач, возложенных на него революцией. И якобинско-бланкистское большинство Совета, и его прудонистское меньшинство допускали в своей работе ошибки, которые вовсе не обязательно вытекали из обстановки, не были неизбежными. Суровой критикой, иногда прямым давлением на органы власти приходилось иногда передо-
мму пролетариату Парижа выпрямлять линию их поведения; но эта критика всегда была критикой своей власти, это давление

со стороны пролетариата постоянно обнаруживало глубину и органический характер той связи, которая существовала между революционной властью и выдвинувшей ее массой. Но и помимо того, даже учитывая все слабости и ошибки Совета Коммуны, мы должны помнить, что «нельзя смешивать, а значит отождествлять государство с правительством. «Наше государство, — пишет И. В. Сталин в «Вопросах ленинизма», — есть организация класса с а пролетариев в государственную власть, призванную подавлять сопротивление эксплуататоров, организовать социалистическое хозяйство, ликвидировать классы и т. д. Наше же правительство есть верхушка этой государственной организации, ее руководящая верхушка. Правительство может ошибаться, оно может допустить ошибки, угрожающие временным провалом диктатуре пролетариата, но это еще не будет означать, что пролетарская диктатура является неправильной или ошибочной... это будет означать лишь то, что руководящая верхушка плоха, что политика руководящей верхушки, политика правительства не соответствует диктатуре пролетариата, что эта политика должна быть изменена в соответствии с требованиями диктатуры пролетариата» (2). Эти слова могут быть целиком отнесены к ошибкам или слабостям Совета Коммуны, которые нисколько не в состоянии изменить нашего представления ни о классовой природе государства Коммуны, ни о сущности его руководящей верхушки как органа пролетарской диктатуры.

При оценке деятельности Парижской Коммуны необходимо также постоянно иметь в виду, что она была лишь первым опытом диктатуры пролетариата, и следовательно, соблюдая историческую перспективу, мы не можем подходить к ней со всеми теми требованиями, тем мерилom, которое выработалось у нас на основании опыта нашей диктатуры. Мы, как указывал неоднократно В. И. Ленин, стоим на плечах Парижской Коммуны, наш пролетариат и наша коммунистическая партия учились не только на достижениях, но и на ошибках Коммуны, и уже одно это заставляет нас несколько иначе подходить к этим ошибкам, чем к ошибкам, скажем, пролетарской диктатуры в Баварской советской республике или Венгерской советской республике.

И, наконец, самое важное соображение. Буржуазные историки, подчеркивая недостаточность и слабую эффективность социально-экономических мероприятий Коммуны, хотят отсюда сделать вывод, что в Коммуне ничего не было ни социалистического, ни даже революционного (Ларонз, Сеньобос, Лепельтье); социал-соглашательские историки стремятся на этом же основании извратить самое понятие диктатуры пролетариата у Маркса и Энгельса (Каутский, Маутнер и др.). Но, как блестяще показал

В. И. Ленин в «Государстве и революции», Маркс и Энгельс видели сущность Коммуны не в ее социально-экономических мероприятиях, а в том, что она была особым типом государства, таким, которое уже не было государством в собственном смысле слова, а переходной ступенью к уничтожению вообще всякого государства. Точно также, в «Письмах о тактике» Ленин писал:

«Тов. Каменев немножечко нетерпеливо размахнулся и повторил буржуазный предрассудок насчет Парижской Коммуны, будто она «немедленно» хотела вводить социализм. Это не так. Коммуна, к сожалению, слишком медлила с введением социализма. Действительная суть Коммуны не в том, где ее ищут обычно буржуа, а в создании особого типа государства».

Итак, рассмотрение Коммуны как особого типа государства является центральным пунктом в марксо-ленинской концепции истории Коммуны.

Исходным пунктом развития Коммуны, как государства, как диктатуры пролетариата, была резолюция 18 марта, низвергшая в Париже власть буржуазии и передавшая власть в руки пролетариата. Отсюда, следовательно, мы должны вести историю Коммуны, историю первой пролетарской революции 1871 г. Но основные элементы этой революции были уже заложены в предше-

ствовавшем периоде революционного движения французского пролетариата. Прежде всего, переворот 4 сентября 1870 г. сыграл немалую роль в интенсивности развития этого движения. Переворот 4 сентября, низвергший империю, хотя и выразился только в переходе угнетательской машины буржуазного государства из рук одной кучки обанкротившихся эксплуататоров в руки другой, еще более отвратительной кучки представителей капиталистической реакционной буржуазии, но он сильно пошатнул авторитет этой машины и имел своим непосредственным результатом вооружение рабочего класса. Таким образом это событие создало две важнейшие предпосылки для возможности перехода власти в руки пролетариата. Первые попытки в этом направлении были сделаны уже 31 октября 1870 г. и 22 января 1871 г., причем тогда на первый план выступала еще только «общенациональная задача освобождения Франции от нашествия Германии». Таким образом 18 марта парижский пролетариат имел уже опыт этих двух неудачных восстаний, его политическая зрелость и его организованность несколько — хотя, к сожалению, очень еще недостаточно — возросли, и благодаря этому революция 18 марта могла оказаться более радикальной, более глубоко подорвавшей самые устои буржуазного общества и государства. Таким образом изучение предшествовавшего периода революционной борьбы поможет нам понять, как сумел парижский пролетариат за кратчайший исторический период времени, бывший в его распоряжении, обнаружить столь относительно большое богатство форм политического и социально-экономического строительства.

Революционное движение между 4 сентября и 18 марта довольно явственно делится на два периода: до и после появления Национального собрания или до и после капитуляции Парижа. Если в первом периоде наиболее сильно звучал патриотический лозунг спасения отечества от иностранного завоевания, то во втором ближайшей, непосредственной целью движения было спасение республики от монархического заговора реакционной буржуазии и кулацко-дворянской «деревенщины», заседавшей в Национальном собрании. В первом периоде также более заметной является роль провинциального пролетариата в революционном движении, в то время как во втором — пролетариат Парижа, освобожденного от прусской осады, выступает более решительно в качестве руководителя и передового отряда всего французского рабочего класса. Наконец в период от февраля до марта создаются новые организационные формы движения: реорганизуется центральный комитет 20 парижских округов, возникает центральный комитет национальной гвардии, по разным направлени-

ям делаются попытки консолидации, собрания всех сил революции.

Пробуждающаяся инициатива масс, творческая подготовительная работа революции, вызвавшая восхищенное замечание Маркса: «снова кипит котел у чародейки-истории» — вот что особенно бросается в глаза изучающему этот относительно слабо разработанный этап революционного движения.

Но понять революцию 18 марта и созданную ею диктатуру пролетариата можно, только спустившись еще глубже, к периоду зарождения пролетарского революционного движения, к периоду возникновения социально-экономических и политических предпосылок всего движения — следовательно, к периоду второй империи. Здесь, помимо общей характеристики экономики Франции и изучения классовых антагонизмов французского общества, перед нами будут стоять два основных вопроса: вопрос об объективных условиях революции и вопрос о «гарантиях» ее успеха.

Была ли подготовлена Франция всем своим предшествующим развитием к переходу власти в руки рабочего класса? В чем именно следует искать основных, конечных причин его решительного поражения? В каких условиях дореволюционного развития скрыты корни тех «ошибок» Парижской Коммуны, которые ускорили ее гибель?

Отсюда следует отличать ту обстановку, в которой пролетариату пришлось брать власть, совокупность тех главным образом внешних факторов, которые сами по себе не вызвали революции, не определили ее характера и ее тенденций, но оказали заметное влияние на ее исход. 17 апреля 1871 г., когда ничто еще не предвещало трагического конца революции, Маркс писал Кугельману об ее перспективах: «Решающий неблагоприятный случай на этот раз следует искать отнюдь не в общих условиях французского общества, а в присутствии в пределах Франции и у ворот самого Парижа пруссаков». Таким образом, Маркс здесь явно отличает объективные предпосылки пролетарской революции («общие условия французского общества») от гарантий ее успеха. Мысль Маркса здесь, очевидно, состоит в том, что раз революция уже произошла, раз власть уже перешла к пролетариату, то на дальнейшее развитие событий непосредственно оказывают влияние уже не только эти общие условия, а и внешняя обстановка, в которой очутилась революция, в данном случае — «присутствие в пределах Франции пруссаков».

Помимо общего тормозящего влияния, которое немецкая оккупация оказывала на революцию, здесь имеется в виду и скрытая интервенция оккупантов в гражданскую войну и реальная угроза открытой интервенции. Следуя указанию Маркса о важ-

ном значении немецкой оккупации в классовой борьбе 1871 г., мы должны уделить достаточное внимание и этому вопросу, к сожалению, наименее разработанному из всех вопросов истории Парижской Коммуны.

ФРАНЦИЯ ЭПОХИ ВТОРОЙ ИМПЕРИИ

ПРЕДПОСЫЛКИ РЕВОЛЮЦИИ

1. — 50—60-е года в Зап. Европе отмечены исключительной активностью промышленного капитала, достигающего в этот период своей полной зрелости. Использование в промышленности ряда научных открытий, ранее не выходивших за пределы лабораторий, распространение множества технических изобретений в усовершенствований (бессемерование стали, сельфакторы, водяные турбины, динамическое электричество, анилиновые краски), проникновение механизмов и машин в самые отсталые прежде отрасли промышленности и создание ряда новых отраслей (химическая промышленность и проч.), невиданный рост морского и железнодорожного транспорта и улучшение средств связи раздвинули сферу приложения капитала до необъятных размеров. Ряд предпринятых в это время гигантских работ международного характера — Трансатлантический кабель, Монсенисский туннель, Суэцкий канал — являются свидетельством технической мощи, достигнутой промышленным капиталом, а также его предприимчивости и уверенности в своих силах, которой в немалой степени содействовали вошедшие именно тогда в обыкновение всемирные промышленные выставки (в 1851 и 1862 гг. в Лондоне, в 1855 и 1867 гг. в Париже). В числе двух-трех стран, шедших во главе этого быстрого экономического развития, находилась и Франция второй империи.

Вот несколько данных, свидетельствующих об ее промышленных успехах. Добывание каменного угля с 1852 по 1869 г. утроилось в количественном и учетверилось в ценностном выражении (в 1852 г. 4,9 млн. тонн, в 1869 г. 13,46 млн. т.); производство чугуна возросло в два с половиною раза (523 тыс. т. и 1 400 тыс. т.), железа и стали свыше чем втрое (320 тыс. и 1 014 тыс. т.), цветных металлов в десять раз (на сумму 6,7 млн. фр. в 1852 г. и на сумму 69,8 млн. в 1869), сахара в четыре раза (59 и 248 млн. кг.). Количество хлопка, перерабатывае-

мого в текстильной индустрии, увеличилось с 1847 г. более чем вдвое (57,4 млн. кг. и 122,7 м. кг.), шерсти почти в шесть раз (19,5 и 109,5 млн. кг.), льна и конопли в три раза (22 и 69 млн. кг.). Одновременно сильно повысилось техническое оборудование промышленности и мощность силового хозяйства. В 1852 г. в промышленности Франции насчитывалось 6 080 машин мощностью в 76 тыс. л. с., в 1869 г. — 26 221 м. мощностью в 320 тыс. л. с. По количеству веретен, занятых в хлопчатобумажной промышленности, Франция вышла на одно из первых мест (6,5 млн. веретен, против 2,5 млн. в Германии), по количеству веретен в производстве шерстяных тканей — на первое (3,3 млн. вер. против 2,5 млн. в Англии и 650 тыс. в Пруссии). Чрезвычайно велики были также успехи в области железнодорожного и морского транспорта. Протяжение железнодорожной сети возросло с 1850 г. почти в шесть раз (3 010 км. в эксплуатации в 1850 г. и 17 924 км. в 1870 г.), тоннаж парового флота — втрое (150 пароходов водоизмещением в 3 735 тыс. тонн в 1850 г. и 454 парохода в 10 954 тыс. тонн — в 1869 г.). Наконец, длина телеграфных линий за очень короткое время достигла 41 тыс. километров.

Для характеристики промышленного развития Франции укажем ещё следующую деталь: такое предприятие, как Суэцкий канал, было выполнено не только на французские капиталы и французскими инженерами, но и при помощи французских машин (3).

Подъем промышленности, улучшение транспорта и связи способствовало быстрому увеличению торгового оборота. По темпам роста внешней торговли Франция того времени обогнала остальные европейские страны. За период 1850—1869 гг. этот темп выражался для Бельгии 7,8% ежегодного прироста, для Англии 5,2%, для Немецкого таможенного союза 4,4%, для Франции 10,2%! Вообще за время второй империи размеры французской внешней торговли возросли почти в четыре раза (с средней цифры 1 631,6 млн. за пятилетие 1842—47 гг. до 6 227 млн. в 1869 г.). При этом Франция имела неизменно активный баланс, результатом чего был усиленный ввоз драгоценных металлов — всего на сумму около 13 миллиардов франков, из коих было вывезено обратно за границу только 8 миллиардов (4).

Этот золотой поток превратил Францию, подобно современным САСШ, в «банкира всего света» и держателя крупнейшего в мире золотого запаса. Об этом свидетельствуют, между прочим, размеры и характер операций Парижской биржи. В 1867 г. здесь было размещено ценных бумаг на сумму в один миллиард,

в 1868 г. — на 1 943 500, в 1869 г. — на 2 945 444 000, за первую треть 1870 г. — на 1 048 000 000. От 500 до 900 миллионов из этих сумм ежегодно уходило за границу. «Несмотря на огромные размеры сумм, вложенных таким образом в биржевые бумаги, — замечает современный экономист Теро, приводя эти цифры, — не видно уменьшения свободных капиталов; наоборот, следует признать, что плодovitость Франции в отношении капиталов поразительна: у нас хватает денег для любой нации и любого предприятия» (5). Общая масса бумажных ценностей за время империи возросла с 9 127 млн. фр. до 30 869 млн.

Не менее трети этих ценностей падало на долю иностранных бумаг. Характерной чертой французского капитализма было уже тогда помещение «свободных» средств в иностранные займы. Только за один 1868 г. к услугам Парижской биржи обратилось 14 государств (6). Огромные капиталы уходили таким образом на реализацию государственных займов Бразилии, Мексики, Перу, Туниса, Египта, Турции и т. п. стран, природными богатствами которых прожженные дельцы второй империи соблазняли держателя мелких сбережений. На помощь банкам и биржевым маклерам нередко приходили служители церкви, получавшие приличный процент «на добрые дела» со стоимости ценных

бумаг, размещенных ими в среде прихожан (7). Авантюрный большею частью характер этих займов благоприятствовал развитию самой разнузданной биржевой игры, разорявшей мелких держателей и позволявшей бешено наживать крупным биржевым спекулянтам. «Нечестность, — писал по этому поводу Прудон, — царит в нравах, пиратство в делах».

Подобный способ использования значительной части капиталонакоплений придавал французскому капитализму ярко выраженный рантьеерско-ростовщический характер. Вследствие этого успехи, достигнутые в промышленности, далеко не соответствовали экономическим возможностям Франции эпохи второй империи. Так, в производстве средств производства, требующем особенно больших капиталовложений, темпы развития были значительно ниже, чем в Пруссии, Англии и Бельгии (8). Сравнительно слабым был также темп роста акционерных обществ, несмотря на то, что закон 1863 г. очень благоприятствовал их возникновению: (126 ежегодно вновь возникавших акц. обществ за период 1866—70 гг. против 292 за следующее пятилетие и 419 за годы 1876—80). Далее отметим, что доля тяжелой индустрии в общей промышленной продукции продолжала оставаться еще очень незначительной. В то время как стоимость ежегодного производства только предметов одежды и туалета составляла 1,4 миллиарда, продукция всей рудной и каменноугольной промышленности оценивалась в 265 млн., а всей металлообрабатывающей промышленности — в 300 млн. фр. Выражением известной промышленной отсталости служило и то, что во всех важнейших отраслях легкой промышленности, особенно в текстильной (первой по значению, с годовой продукцией в 3,4 миллиарда и с количеством рабочих в тринадцать раз большим, чем во всей рудной промышленности), упорно продолжали держаться архаические формы домашнего производства. И наконец — что также является немаловажным признаком отсталости — промышленность второй империи характеризуется решительным преобладанием мелких и мельчайших предприятий с числом рабочих менее 10 чел. Из общей суммы промышленной продукции 1869 г. в 12 792 млн. фр. на долю мелкой промышленности приходилось 6 442 млн., но и эта цифра должна быть сильно увеличена, так как французская статистика в се текстильное производство относит к крупной индустрии, что совсем неверно. Крупные промышленные предприятия современного типа, с тысячами занятых рабочих и полной механизацией производственных процессов, наподобие заводов Крезю, текстильных фабрик Мюльгауза, газовых и машиностроительных заводов Парижа, хотя были уже нередким явлением в промышленной

Франции и число их непрерывно возрастало, но все же в ряде важнейших отраслей промышленности они еще тонули в море мелких предприятий.

Все это в значительной степени является результатом упомянутого выше ростовщическо-рантьеерского уклона французского капитализма. Но оригинальнейшей чертой его является то, что наряду с таким уклоном в его деятельности обнаруживаются и совершенно новые тенденции, являвшиеся до некоторой степени уже предвестниками будущей монополистической стадии капитализма.

Возьмем экспорт капиталов. Представление об его чисто ростовщических целях является не совсем верным. Этот экспорт уже тогда преследовал, хотя только частично, вполне современную задачу — расширения иностранных рынков для французской продукции и привлечения иностранных заказов к французской промышленности. Из данных анкеты 1864—66 гг. «о денежном и кредитном обращении» видно, что наиболее воспользовалась этим источником получения заказов промышленность, изготавливающая оборудование железных дорог. Капиталисты, принимавшие участие в анкете, подчеркивают, что благодаря этому «большая часть капиталов, вложенных в иностранные государственные займы, постепенно и окончательно возвращается в страну своего происхождения» (9).

Но еще разительнее новые тенденции проявляют себя в быстрой концентрации промышленного капитала и уже начавшемся сращивании его с капиталом банковским. Уже в 1863 г. все банки, океанские пароходства, железные дороги, рудники и каменноугольные копи, крупнейшие фабрики и заводы были организованы в акционерные общества с капиталом в двадцать миллиардов франков. Управление и контроль над всеми этими предприятиями были сосредоточены в руках 183 финансистов. Братья Перейры «контролировали» 37 компаний; Ротшильд — 27, банкир Малле — 22, банкир Бишовсгейм — 14 и т. д. (10).

Чтобы понять, как уже в период второй империи банковский капитал накладывает руку на промышленные предприятия, концентрирует их, основывает новые и т. п., достаточно рассмотреть деятельность двух крупных банков — «Движимого кредита» и «Генерального общества промышленного и торгового кредита».

«Движимый кредит», основанный братьями Перейр в 1853 г., имел своей задачей «руководить движением капитала и направлять его в предприятия, достойные его внимания». Концентрация капиталов осуществлялась банком путем выпуска акций и облигаций на продолжительный срок и в «неограниченном количестве». Более сложные финансовые операции преследовали

цель — на базе аккумулированных таким образом капиталов — поставить под контроль банка важнейшие предприятия Франции и даже заграницы.

Далеко не все эти грандиозные планы уже вполне современного типа удалось осуществить. Правительство отказало им в поддержке, а капиталисты старой формации и даже Французский банк ставили на каждом шагу преграды новой организации. В конце концов она погибла, выродившись в чисто спекулянтское предприятие для биржевой игры. Однако ею были все же намечены новые пути для деятельности банковского капитала. «Движимый кредит» содействовал слиянию мелких железнодорожных компаний в более крупные и постройке новых железных дорог; основал 4 анонимных акционерных товарищества для эксплуатации Луарских угольных копей; объединил в одну крупную компанию омнибусов отдельные транспортные предприятия Парижа; слил в одну шесть парижских газовых компаний и т. п.

Аналогичную деятельность развернуло «Общество промышленного и торгового кредита». В 1865 г. оно выпустило акции «Генерального общества морского транспорта» на 20 млн. фр.; в 1866 г. пытается основать «Генеральное общество экспорта и импорта»; в 1868 г. кредитует ряд предприятий — железные дороги, шахты, металлургические заводы и т. п.; в 1869 г. основывает «Генеральное общество государственных и частных строительных работ», увеличивает капиталы испанских рудников, организует ряд новых акционерных компаний особенно в металлургии и железнодорожном строительстве.

Большинство кредитных учреждений, не исключая крупнейшего из них — Французского банка — пошли по тому же пути финансирования крупных предприятий и активного вмешательства в промышленную жизнь. Появились, наконец, банкиры (вроде знаменитых Перейр, Миреса и др.), которые по характеру своей деятельности многим уже напоминают современных королей финансового капитала.

Приведенные здесь данные, конечно, несколько не меняют общей картины экономики Франции. Несмотря на большие промышленные успехи, несмотря на появление кое-где первых признаков намекающегося перехода к монополистической стадии развития, основным фоном этой картины продолжает все же оставаться легкая индустрия и мелкие предприятия. «К 1871 г., — говорит В. И. Ленин, — французский капитализм был еще мало развит, и Франция была тогда по преимуществу страной мелкой буржуазии (ремесленников, крестьян, лавочников и пр.)». Особенно это справедливо по отношению к политическому и экономическому центру страны — Парижу. Тем более резким был

контраст между этим фоном и появившимися на нем в период империи узорами предприятий совершенно нового типа: подобное сочетание значительной отсталости в одних областях хозяйственной жизни и элементов полной зрелости, предвосхищавшей дальнейшее развитие — в других, в XIX ст. не встречается больше нигде в Зап. Европе. В этой своеобразной черте французской экономики можно искать конечных причин наибольшего обострения классовой борьбы именно во Франции; она же позволяет нам объяснить, почему впервые в этой стране сделалась возможной и первая попытка диктатуры рабочего класса, и неизбежность ее поражения.

2. — За время второй империи население Франции возросло с 36 до 37,5 млн., причем население городов увеличилось не только абсолютно, но и относительно благодаря непрерывному притоку рабочих из села. В 1851 г. в городах было сосредоточено 25,5% всего населения, в 1872 г. — 31,1%. Один только Париж с 1851 г. по 1864 г. увеличил число своих жителей с 1 277 тыс. до 1 825 тыс., Лион до 320 тыс., Марсель до 300 тыс., Бордо до 200 тыс. Наоборот, сельское население сократилось абсолютно, хотя и незначительно: на 157 тыс. человек.

Что касается состава населения, то согласно переписи 1866 г. из 15 192 763 чел., имевших какую-либо профессию, 7 231 683 чел. было занято в сельском хозяйстве, 4 715 804 в промышленности, 972 793 в торговле, 1 273 117 в домашнем хозяйстве и около миллиона приходилось на государственных служащих и так наз. либеральные профессии. Однако установить сколько-нибудь точно на основании этой или других переписей эпохи империи число промышленных рабочих совершенно невозможно. Вероятно, оно было близко к 3 миллионам, причем около 40% из них было занято в крупной и свыше 60% в мелкой промышленности (11). Во всяком случае, промышленный пролетариат количественно сильно вырос за время империи. Некоторое представление об этом дают цифры, относящиеся к Парижу. В 1847 г. в нем насчитывалось 342 530 рабочих, занятых в 64 816 промышленных предприятиях, в 1860 г. — 439 000 в 101 171 предприятиях. Отсюда видно, между прочим, что число рабочих мелкой промышленности, по крайней мере в Париже, возрастало даже быстрее, нежели число рабочих крупной. По данным 1860 г. здесь числилось 61,2% предприятий, имевших только одного рабочего или совсем их не имевших, 31,1% предприятий, насчитывавших от 2 до 10 рабочих, и только 7,4 с числом большим 10. Таким образом, если мы имеем в Париже наиболее значительное во всей Франции скопление пролетариата, то здесь же был и наиболее ярко выражен его кустарно-ремесленный характер. К концу империи, по расчетам Н. М. Лукина, на транспорте, в крупнейших коммунальных и фабрично-заводских предприятиях современного типа было занято в Париже не свыше 50 тыс. человек. В развитии революции 1871 г. это обстоятельство сыграло немаловажную роль, будучи одной из причин организационной и теоретической слабости рабочего класса.

Материальное и правовое положение французских рабочих за все время империи оставалось очень тяжелым. Вопреки закону сентября 1848 г. рабочий день, как правило, превосходил в Париже 11, а в провинции 12 часов, доходя до 13 и более часов в Сент-Этьенне, до 15 в промышленных заведениях департаментов Орна и Верхней Луары, до 17 ч. в лионских мастерских и т. д. Луарские углекопы по 10 часов подряд принуждены были работать в шахтах. В области детского труда империя оставила в силе закон 1841 г., разрешавший эксплуатацию детей с 8-летнего возраста, но даже и этот закон не соблюдался ввиду отсутствия фабричной инспекции. Статья 1781 гражданского кодекса, дававшая веру простому заявлению хозяина по вопросу о выплате заработной платы, и статьи уголов-

ного кодекса, сурово каравшие любые совместные выступления рабочих, отдавали их полностью на произвол предпринимателя. Закон империи о рабочих книжках ставил пролетария под безусловный надзор полиции. К этим законам предприниматели присоединяли свои собственные. Многие из них, особенно железнодорожные компании, требовали от принимаемых на службу удостоверения в том, что они не занимаются политикой. Часто обязательным условием пребывания на работе ставилось регулярное посещение церкви. При благосклонном содействии центральной и местных властей на всех крупных предприятиях были введены драконовские правила внутреннего распорядка и широко применялась система штрафов и вычетов из заработной платы за малейшее их нарушение.

Но и независимо от этого и в еще большей степени положение рабочих ухудшалось в результате непрерывного падения реальной заработной платы. Правда, благодаря общему экономическому оживлению и строительной политике Наполеона III, следовавшего в этом традициям первой империи, французский пролетариат почти не страдал от безработицы, и его номинальная заработная плата даже несколько увеличилась. Но это увеличение с избытком поглощалось бешеным ростом дороговизны. Данные официальных анкет, исследования современных буржуазных экономистов и показания самих рабочих единодушны в констатировании этого факта, расходясь только в цифрах. Например, в анкете 1856 г. дается такое общее заключение: «В то время как цены на продукты питания возросли на 45%, заработная плата увеличилась только на 17% (12). Рабочие делегаты на Лондонскую выставку 1862 г. оценивают в своих отчетах рост дороговизны в 50%, а заработной платы в 9-10%. Анализы рабочих бюджетов, сделанные экономистами второй империи, показывают, что большинство этих бюджетов дефицитны. Таким образом можно констатировать снижение жизненного уровня рабочих за время империи, которое было для них особенно чувствительным на фоне быстрого роста национального богатства и скандальной расточительности господствующих классов. Следует отметить, что женщины-работницы ухудшением материального положения были затронуты еще более, чем мужчины, так как при общей для всех дороговизне их номинальная заработная плата испытала и абсолютно, и относительно меньшее повышение (13). Исключительно активная роль работницы в революции 1871 г., несомненно, находится в известной связи с этим фактом.

Перед усиленным наступлением капиталистов на рабочий день и заработную плату французский пролетариат был, особен-

но в первое десятилетие империи, почти совершенно бессильно. Его профессиональные и кооперативные организации, возникшие главным образом в 1848 г., за редкими исключениями были целиком уничтожены в период господства крайней реакции 1849—52 гг. Попытки рабочих противопоставить хозяевам стачку, как орудие самозащиты, подвергались суровым административным и судебным преследованиям. По официальным, разумеется оптимистическим данным, между 1853 и 1859 гг. было по делу о стачках возбуждено 749 процессов, привлечено к суду 4 652 и осуждено 3 909 рабочих (14). Вынужденное рабочими у правительства в 1864 г. право коалиций несколько не улучшало положения. Закон не разрешал, а только терпел стачку, и то лишь при условии ее «мирного» характера, заведомо невозможного ввиду того, что запрет собраний и каких бы то ни было организаций рабочих попрежнему оставался в силе. Стаечное движение, начиная с 1865 г., чрезвычайно усилилось, но стачки протекали стихийно, неорганизованно и в большинстве случаев заканчивались поражением. Таковыми были, напр., стачки возчиков (1865), портных (1867), бронзовщиков (1867) в Париже, грузчиков в Марселе, текстильных рабочих в Сент-Этьенне и Лионе (1865), прядильщиков в Рубе (1867) и проч.

Росту стачечного движения отчасти предшествовало, а отчасти с ним совпало общее повышение общественной и политической активности передовых элементов рабочего класса. Среди них в ту пору еще господствовала мелкобуржуазная, объективно реакционная идеология прудонизма. Прудон осуждал стачки и видел в уже возникавших понемногу рабочих ассоциациях, в кассах взаимопомощи, обществах взаимного кредита и различных видах кооперации — производительной, жилищной, потребительской — зародыш нового общества, основанного на принципе взаимности услуг — мютюализме. С 1863 г. ученики Прудона, вышедшие из рядов мелкой буржуазии и рабочего класса, Бельюз, Верморель, Толен и др., дают сильный толчок развитию кооперативного движения; журналы «Ассоциация», «Взаимность», газета «Французский курьер», служили им для пропаганды идей учителя. Результаты ее нельзя было назвать блестящими. Между 1863 и 1868 гг. в Париже и провинции возникает несколько десятков производительных ассоциаций, небольшое число обществ взаимного кредита, кооперативных лавок и столовых и один кооперативный банк «Кредит труду». Однако сама жизнь сурово развивала прудонистские иллюзии. Производительные ассоциации быстро разлагались, либо оказываясь нежизнеспособными, либо перерождаясь в предприятия с эксплуататорскими тенденциями (15); кооперативный банк лопнул, а подозритель-

ное сочувствие буржуазии и правительства к кооперации, которую особенно последнее стремилось прибрать к рукам при помощи специального закона 1867 г., лишало ее симпатий широких рабочих масс. Только рабочие кассы взаимопомощи продолжали развиваться, но уже не в прудонистском духе, а как суррогат запрещенных законом профессиональных союзов, и, опираясь на стачечную борьбу

Кооперативное движение не могло принести сколько-нибудь значительной пользы пролетариату в условиях императорского режима, стремившегося развратить его верхушку политикой мелких подачек. Можно даже присоединиться к мысли Ж. Вейля, что рабочие ассоциации «не только не служили делу пролетариата, но отвлекали его от социальной пропаганды и поглощали заботой ежедневной борьбы за существование наиболее активных и интеллигентных людей рабочего класса» (16).

Впрочем, часть по крайней мере передовых рабочих уже с 1860 г. начинает втягиваться и в политическую борьбу. Этому косвенно содействовало само правительство, стремившееся через их посредство приобрести влияние на рабочие массы, которые его все более тревожили своей вновь пробудившейся активностью и нескрываемой враждебностью к империи. Шабо, Базен и еще несколько рабочих, завербованных с этой целью принцем Наполеоном и получивших в свое распоряжение газету «Национальное мнение», развернули в рабочих кварталах бонапартистскую пропаганду, но без заметного успеха. Стремление правительства рассеять недоверчивость рабочих и дать им залог

своего благожелательства путем посылки в 1862 г. двухсот избранных ими делегатов на Лондонскую промышленную выставку имело тот неожиданный результат, что опыт английского рабочего движения и идеи международной рабочей солидарности приобрели многочисленных сторонников среди верхов и французского пролетариата. К этому времени из числа наиболее развитых и сознательных парижских рабочих выделился тот политический «актив», который начинает задавать тон рабочему движению, выставляя впервые на выборах в 1863 г. в законодательную палату рабочую кандидатуру против буржуазно-опубликовывает знаменитый Манифест 60-ти, выражающий, хотя и в прудонистской форме, волю рабочего класса к самостоятельной политической роли, создаст в Париже первые секции Интернационала, использует буржуазную прессу — за неимением собственной — для пропаганды своих идей, формулирует основные требования пролетариата, — словом, выполняет некоторые функции отсутствующей политической рабочей партии.

Парижская организация Интернационала, которая до 1867 г. насчитывала не более 600 членов и, всецело поглощенная теоретической работой, влачила малозаметное существование, теперь завоевывает, благодаря активному участию в стачечной борьбе, симпатии широких рабочих масс. Тысячи рабочих после удачной или неудачной стачки записываются в Интернационал, иногда целыми предприятиями, мастерскими или заводами. Возникают новые секции Интернационала в Париже, число которых к 1869 г. достигло 25, и в провинции — в Лионе, Марселе, Руане, которые становятся центрами областных федераций Интернационала.

Все это тем более должно было встревожить и правительство, и буржуазию, что в рабочем движении, наряду с прудонизмом и его мирной пропагандой экономических реформ, начинают пробиваться новые течения — революционного коммунизма (не в виде научно-обоснованной, стройной системы марксизма, а в той неразвитой, рудиментарной форме, которую он получил у Огюста Бланки), революционного анархизма Бакунина и туманного коллективизма Мильера, Бриона и других теоретиков, вышедших из парижской рабочей среды. Да и самый прудонизм, потерпевший поражение от коллективистов и приверженцев Маркса на Брюссельском конгрессе Интернационала в 1868 г., принужден был перестроиться и выступить в форме так называемого левого прудонизма, близко стоявшего к революционному социализму.

Этим течениям нетрудно было завоевать себе успех у рабочей массы, которая не забыла ни июньских дней 1848 г., ни социа-

листических надежд, порожденных революционным годом. Некоторые данные, приведенные у Тома в его истории второй империи, доказывают, как прочно держались среди рабочих социалистические традиции. Сведения из Кольмара в Эльзасе в 1852 г. говорят о том, что «все население заражено гангреной социализма». О том же свидетельствует донесение прокурора из Мюльгауза в 1853 г. Прокурор округа Дуэ констатирует в 1856 г. «стойкость республиканской партии, которая, проникши в массы, приняла социалистический характер». Аналогичные сведения неоднократно посылали в Париж прокуроры Лиона, Лиможа и других промышленных центров. В сердце каменноугольной промышленности, в Анзене, в 1856 г. было открыто тайное общество среди шахтеров. Следствием было установлено, что анзенские рабочие мечтали о национализации шахт и передачи их рабочим ассоциациям, для чего необходимо предварительно свергнуть империю и установить демократическую и социальную республику.

Но настоящее завоевание рабочих масс коммунистическими идеями в более развитой и теоретически уже несколько обоснованной форме относится лишь к последним двум-трем годам империи. Предоставленное правительством в 1868 г. право собраний, правда, в очень ограниченной форме и только для обсуждения узкого круга теоретических вопросов, создало все же сравнительно благоприятные условия для социалистической пропаганды. В Париже появляется ряд клубов, где перед громадными рабочими аудиториями проводилась оживленная дискуссия по экономическим и социальным вопросам, в которой наряду с представителями различных социалистических течений сначала приняли было участие видные буржуазные экономисты. По словам одного из буржуазных участников этих дискуссий, Молинари, только за 9 месяцев 1868—69 г. состоялось в Париже около 400 заседаний и было произнесено до 3000 речей. Буржуазная пресса очень скоро вынуждена была констатировать, что поле битвы осталось за «мечтателями, социалистами и коммунистами» (17). Ибо не было никаких сомнений, на чьей стороне все симпатии слушателей. «Восьмимесячные дебаты на народных собраниях, — писал в начале 1869 г. один из революционных деятелей, — вскрыли тот поразительный факт, что большинство рабочих, активно стремящихся к общественному преобразованию, разделяют коммунистические взгляды». «Народные собрания, — тогда же сообщал другой, — все более и более приобретают окраску революционного коммунизма». Такой же вывод делает буржуазный наблюдатель: «На десять рабочих, инте-

ресующихся не только едою и питьем,—пишет Молинали, — девять уже социалисты или собираются стать социалистами.

Нельзя сказать, чтобы коммунистические идеи, развивавшиеся на этих собраниях, отличались полной ясностью или теоретической глубиной. Характер дискуссий скорее свидетельство о том, что в головах социалистических ораторов было еще достаточно путаницы и что они еще сами во многих случаях не освободились из-под влияния утопического социализма и мелкобуржуазных предрассудков. Но для политического и классового воспитания рабочей массы эти дискуссии сыграли огромное значение. Они убедили ее в неизбежности и необходимости социалистического переворота, «социальной ликвидации», как тогда любили выражаться, дали ей в руки — правда, еще несовершенное — теоретическое оружие для классовой борьбы и даже подали ей некоторые элементы тактики этой борьбы (18).

Неудивительно, что в апреле 1870 г. на политических собраниях, которые созывались в связи с проведением плебисцита даже рядовые рабочие выступали с речами, свидетельствующими об их политической зрелости. В то время как республиканская буржуазия высказывалась за отрицательный вотум рабочие ставили вопрос о полном воздержании от участия в плебисците. Важно здесь не только то, что такая тактика в борьбе с империей сама по себе была тогда более правильной, нежели отрицательный ответ на предложение правительства утвердить либеральные реформы: важно, каким образом рабочие обосновывали эту свою тактику. «Отрицательный вотум» говорили они на собраниях, одобрен республиканской буржуазией, которая «сделала» июньские дни 1848 г. и выдвинула Кавеньяка. Народу нечего ждать от буржуазии, а ее республика стоит не больше империи, ибо эта республика будет не менее враждебна к социальным реформам» (19). Эти взгляды разделялись еще не всеми. Многие рабочие придерживались тогда мнения, что «теперь не время вспоминать старые споры, ибо нужно вместе с буржуазией бороться против общего врага — империи». Но во всяком случае, весь этот круг противоречивых идей показывает, как активно работала политическая мысль пролетариата в последние годы империи.

Однако то, что парижские пролетарии в эти годы выиграли в смысле политической и классовой сознательности, они потеряли в смысле организационном. Два процесса, возбужденные правительством против Интернационала в 1868 г. и закончившиеся осуждением его наиболее видных деятелей, основательно разгромили эту организацию. Французские делегаты на Брюссельском конгрессе Интернационала в 1868 г. могли даже за-

явить, что французских секций не существует больше. И хотя преследования против Интернационала подняли его моральный авторитет в глазах рабочей массы и, с другой стороны, заставили многих его организаторов пересмотреть свои взгляды в смысле их приближения к идеям революционного социализма, все же остается несомненным, что в самый критический момент революционного рабочего движения, накануне больших классовых боев, не было даже того организационного ядра, вокруг которого могли бы собраться все политически активные элементы пролетариата. В отсутствие политической партии французского пролетариата, несмотря на то, что все условия для ее возникновения имелись налицо, заключалась самая глубокая трагедия революционного движения во Франции. К 1870 г. рабочий класс в этой стране созрел для своей революции, но еще не созрел для победы.

3. — Вопрос о победе пролетарской революции тесно связан с крестьянской проблемой. Какую позицию займет крестьянство в революции? Как оно будет реагировать на переход власти к пролетариату? Изменились ли с 1848 г. экономические условия на селе в такой степени, чтобы гарантировать пролетариату поддержку основных масс сельского населения? Эти вопросы для надвигающейся пролетарской революции имели тем большее значение, что Франция 60-х гг., несмотря на большие успехи ее промышленности, оставалась в значительной мере аграрной страной. Согласно данным переписи 1862 г., около 19 миллионов человек, т. е. 50% всего населения, было связано с сельским хозяйством, а проживало на селе еще больше: 70% всего населения.

Об аграрных отношениях во Франции второй империи могут дать представление следующие цифры. На 3 225 877 хозяйств, обследованных в 1868 г., 1 815 558 хозяйств владели менее чем 5 га, 619 847 — от 5 до 10 га, 363 769 — от 10 до 20 га и только 95 796 хозяйств насчитывали 30—40 га. Вообще на мелкое и мельчайшее землевладение приходилось 75,5% всех крестьянских хозяйств, на среднее — 19,7, на крупное — около 4,8%.

Социальное расслоение крестьянства, которое было результатом этого неравномерного распределения земельной собственности, непрерывно углублялось в период империи все большим размельчанием крестьянского владения. Благодаря главным образом постоянным разделам при переходе земли по наследству (20), количество парцелл и количество земельных собственников все время возрастало: в 1850 г. насчитывалось

12 825 797 парцелл, принадлежавших 7 850 000 собственникам в 1870 г. таких парцелл было уже 14 485 282, а земельных собственников 9 097 758. Отсюда можно сделать вывод, что — при незначительном увеличении общего фонда крестьянского землевладения — уменьшались не только размеры самой парцеллы, но — и даже несколько быстрее — уменьшалось количество парцелл, приходящихся на одно хозяйство. Экономическая база этого хозяйства суживается, и оно все более беднеет.

Результатом непрерывного измеления крестьянского хозяйства было «прогрессивное ухудшение землевладения и прогрессивная задолженность землевладельца» (Маркс). Технические и агрономические улучшения, применявшиеся помещиками или крупным фермером, были совершенно недоступны мелкому собственнику. Ему приходилось искать выхода в увеличении своего надела путём прикупки земли, что неизбежно ставило его в зависимость от банкира, ростовщика, местного кулака и делало жертвой «таких пиявок, как нотариус, адвокат, судебный пристав и проч.». Закладывая свою землю для приобретения нового участка, он доходами последнего обычно не мог покрывать даже процентов по ипотеке. Увеличение собственности, которая фактически принадлежала его кредиторам, таким образом только еще более подрывало его благосостояние.

Государство приходило на помощь разорению среднего крестьянина. «Отдельные капиталисты, — заметил как-то Маркс, — эксплуатируют отдельных крестьян ипотекой и ростовщичеством, класс капиталистов эксплуатирует класс крестьян государственными налогами». Вторая империя в этом отношении превзошла своих предшественников. Крестьянин платил: 1) прямой земельный налог, 2) налог за отчуждение недвижимого имущества, по размерам равнявшийся первому, 3) бесчисленные косвенные налоги, 4) налоги на продукты, доставляемые крестьянином в город (октруа). Из тех двух миллиардов, которые империя высасывала из населения путем налогов, крестьянство платило почти три четверти, хотя стоимость с.-х. продукции едва достигала 50% всей национальной продукции.

Прикованный к своему жалкому клочку земли вечной борьбой за существование, задавленный тяжестью государственных налогов и ростовщических процентов по ипотекам, опутанный сетями закона и своим собственным невежеством, мешавшим ему видеть основную причину своих страданий, такой средний крестьянин представлял для буржуазных экономистов и политических деятелей «центральную фигуру» французского села. Скупость крестьянина, его упорная преданность неблагодарному труду, его умение без конца ограничивать свои потребности

сделались для них предметом чуть ли не национальной гордости. В его жадности и привязанности к земле господствующие классы видели наилучшую гарантию общественного порядка, опору существующего режима против революционного городского пролетариата (21).

Но владение этого крестьянина дробилось, он разорялся и тысячами незаметных переходов спускался на положение сельского пролетария или полупролетария. Эта категория крестьян, к которой относится и большая часть мелких собственников, составляла основную массу сельского населения. По данным 1872 г., сюда принадлежало, вместе с членами семейств, почти 9,5 миллионов, т. е. свыше 50% всех занятых в сельском хозяйстве: это 3 225 618 батраков, 3 191 187 арендаторов, 1 428 881 половников и свыше полутора миллиона постоянных с.-х. рабочих, служащих и «прислуги». Жизнь этой массы, красноречиво описанная английским агрономом, Джемсом Говардом, объехавшим Францию накануне падения Второй империи, напоминает, по его словам, состояние настоящего рабства. Крайне низкая заработная плата, 16-часовой рабочий день при почти полном отсутствии выходных дней, хлев в качестве жилища и клочок соломы, брошенный на землю, вместо постели, — такова неприглядная картина существования батрака и мелкого собст-

венника, вынужденного продавать на стороне часть своей рабочей силы (22).

Подтверждение наблюдениям английского путешественника мы находим и в сельскохозяйственной анкете 1860 г., и во всей современной экономической литературе. Жалкий размер крестьянского надела, нищета, гнет налогов и низкая заработная плата гнали крестьян в город, на строительные работы, на разные отхожие промыслы, заставляли их жен и детей отдавать почти даром продукт своего кустарного производства капиталистскому купцу. Только в четырех провинциях — в Лотарингии, Фландрии, Нормандии и Оверни 390 000 женщин работало на скупщиков в производстве кружев, прошив, перчаток и т. п.

Известно, что империя угнетала крестьян не только материально, но и политически и культурно; что выборы в Законодательную палату проходили в деревне под открытым давлением местных органов власти; что огромная армия духовенства подавляла крестьянина своим авторитетом и усердно помогала правительству держать его в темноте и покорности. Крестьянину не давали ни школы, ни книги. «Не хотели, — пишет один современный автор, — чтобы книга проникла в деревню, и в этом имели успех: книгу сделали продуктом редким и ценным, ее нужно было искать часто за несколько миль, где-нибудь в городе, в лавке привилегированного книгопродавца» (23). «В крестьянских домах, — пишет другой автор, — нет ни перьев, ни бумаги, ни карандашей, ни одной книги» (24). Подавляющее большинство крестьян было неграмотно или малограмотно. В 1869 г. свыше 20% новобранцев не умели ни читать, ни писать. От них недалеко ушли те, которые были в какой-либо школе. «Во Франции, — сообщает еще один современник, — 12-летний ребенок выходит из школы, а в 20 лет идет в солдаты, едва умея подписать свое имя». Притом эта школа была в значительной части церковной и служила рассадником религиозного фанатизма. Либеральному министру конца империи, Дюрюи, не удалось дать в деревне торжество светской школе. Духовенство вело бешеную кампанию против светских учителей и учителей и применяло нечто вроде церковного отлучения по отношению к родителям, которые посылали к ним учиться своих детей (25).

Но несмотря на соединенные усилия правительства и церкви, массы беднейшего крестьянства не остались совсем в стороне от революционного движения последних лет империи. Прежде всего должен быть отмечен прогресс религиозного индиферентизма в деревне и даже открытой враждебности к церкви, местами переходившей в настоящие восстания крестьян против духовенства. В 60-х гг. префекты многих департаментов

с тревогой констатировали в своих донесениях освобождение деревни от религиозного дурмана. Вот несколько данных, которые приводит по этому поводу один новейший исследователь. «Мо: население диоцеза Мо нерелигиозно... жители (сел) не ступают в церковь и ногой; божественная служба проходит в полной пустоте». «Труа: в отношении религии положение полнейшей пустоты». В большинстве сельских общин религиозный дух, можно сказать, совершенно угас: почти полное прекращение религиозных обрядов, по крайней мере мужчинами, опустение церквей, несоблюдение закона о воскресном отдыхе, вот что замечается в деревне». «Дижон: в городах и селах департамента Кот-д'Ор народ индифферентен и становится все более нерелигиозным». «Орлеан: жители деревень... мало религиозны. Подобно горожанам 20 лет назад, они теперь начинают ненавидеть поповскую партию (le parti prêtre). Нужно добиться изменения этого плохого настроения, но это должно быть сделано с осторожностью». «Лимож: духовенство пользуется слабым влиянием в лиможском округе отчасти вследствие сезонной эмиграции; рабочие каменщики и котельщики не возвращаются из больших городов домой с теми религиозными убеждениями, которые они имели перед отъездом» (26). Последнее указывает, между прочим, на те каналы, которыми дух непокорства не только по отношению к церкви, но и к властям проникал в деревню. В тех департаментах, где отхожие промыслы были широко развиты, сельское население, несомненно, испытывало влияние пролетариата крупных центров и приобретало даже некоторое представление о социалистических программах. Немалую роль в пропаганде социализма на селе играли и народные учителя (27). «Поистине, масса теперь не так темна, как раньше, но она зато более испорчена», — писал в 1870 г. буржуазный наблюдатель. — «Кто жил среди крестьян, — утверждает он, — и кому приходилось с ними беседовать, знает, что социальный вопрос не является, так сказать, монополией только городских мастерских и фабрик. Сельские рабочие тоже волнуются на свой фасон, и следует признать, что требования их небезосновательны» (28). И этот автор, может быть, лучше осведомленный и более проникательный, нежели его собратья, далее удачно отмечает у сельских рабочих зародыши классового сознания: «Над собою, — говорит он, — они видят все остальное общество, то есть категорию людей, которых они боятся, ненавидят, которым они завидуют; к этой категории относятся рантье, собственники, служащие — словом, все те, кого не угнетает труд и у кого нет мозолистых рук». Естественно, что эта ненависть рас-

пространялась и на непосредственных эксплуататоров беднейшего крестьянства — капиталистических фермеров.

Но не только батраки представляли собою социальную опасность. Мони де Морне, главный правительственный комиссар по проведению сельскохозяйственной анкеты, указывал, что мелкие земельные собственники, мелкие арендаторы несколько спокойнее, чем батраки и половники, но они придерживаются таких же взглядов, как и последние, и «выступят совместно с ними в случае крестового похода против любичцев форгуны» (29)

Если в 1859 г. К де-Витт, давший картину общественной жизни в провинции, мог сказать, что «немногие крестьяне, занимающиеся политикой, заражены социализмом», то в конце империи эта «зараза» сделала несомненные успехи. Малюк предпринявший в 1870 г по поручению Интернационала тур по провинции, очевидно, не ограничил своей деятельности родами. в одном из писем к приятелям он писал: «Побольше мужества, и скоро Интернационал распространится по всей Франции; на нашем ближайшем конгрессе у нас будут уже представители от крестьян» (30) А несколькими днями ранее он на основании своих наблюдений выражал уверенность, что «если бы удалось завести постоянного разъездного агитатора, то можно было бы вполне подготовить почву для социальной революции»

Таким образом, нельзя сказать, чтобы передовые рабочие в частности деятели французской секции Интернационала, не понимали всей важности вопроса о союзе между пролетариатом и крестьянством в предстоящей революции. Известные предпосылки для такого союза были налицо, но только очень поздно были сделаны первые и еще робкие попытки его организационного оформления. Французский пролетариат, как мы видели еще сам был организационно слишком слаб, чтобы выполнить эту задачу. Неудивительно, что когда в некоторых департаментах после 4 сентября и после 18 марта наметились некоторые признаки начавшегося революционного движения в деревне, оно прошло без внимания, не получило никакой поддержки и, предоставленное самому себе, было задавлено в самом зародыше. Но даже эти ничтожные сами по себе признаки крестьянского движения (которых еще придется коснуться далее) свидетельствуют об огромных потенциальных силах революции 1871 г

Маркс, хорошо знавший французскую деревню, которой он посвятил несколько самых блестящих страниц своей «Борьбы классов во Франции», писал после поражения Коммуны: «Помещики отлично понимали (и этого они больше всего боялись)

что если коммунальный Париж будет свободно сообщаться с провинцией, то через какие-нибудь три месяца вспыхнет поголовное крестьянское восстание» И действительно, беднейшее крестьянство, которое Маркс здесь и имеет в виду, всем своим предшествующим развитием было, как мы видели, приготовлено к тому, чтобы сыграть роль одной из основных движущих сил пролетарской революции. По каким причинам эта роль фактически оказалась не выполненной крестьянством, будет видно из дальнейшего изложения

4 — Городской и сельский пролетариат во Франции был со всех сторон окружен огромной мелкобуржуазной стихией. Перепись 1866 г насчитала, вместе с членами семейств, около 22 миллионов (59,12%) лиц, живших не на заработную плату. Если даже исключить отсюда 4 миллиона собственников карликовых наделов, которые являлись «собственниками» лишь для буржуазной статистики, а в действительности жили арендой, использованием и продажей своей рабочей силы, то и в этом случае останется несомненным факт численного преобладания мелкой буржуазии над всеми другими классами французского общества

Особенно заметным было это преобладание в Париже, с его массами мелких фабрикантов, ремесленников, лавочников, мелких рантье, служащих и целой армией «лиц свободных профессий», т. е. мелкобуржуазной по преимуществу интеллигенции.

Несмотря на победное шествие крупного капитала в эпоху второй империи, мелкая буржуазия в основном сохраняла еще нетронутыми свои экономические позиции. Концентрация в торговле, приведшая к созданию акционерных торговых компаний и громадных универсальных магазинов, еще не успела чувствительно поколебать положение «мелкой лавочки»; концентрация в промышленности также сравнительно мало задела важнейшие отрасли мелкого производства (специфически французское и преимущественно парижское производство предметов роскоши и моды, производство одежды, мебели, художественных и полухудожественных изделий из бронзы и т. п.). Тем не менее, особенно к концу империи, мелкая буржуазия уже чувствовала на себе смертельное дыхание крупного капитала, деятельность которого — прежде всего в сфере финансовых и биржевых операций — несла ей медленное, но верное разорение. Мелкая буржуазия сама оказалась втянутой в эти операции с головокружительной быстротой: в 1847 г. насчитывалось только 207 080 мелких держателей государственных и фондовых бумаг, к концу империи их было уже 3 580 905! Но «за 15 лет (1852—1867) французские и иностранные ценности, котировавшиеся на Парижской бирже, упали на 7 миллиардов 324 миллиона фр.» (Лукин). Этой суммой, следовательно, исчисляется тот непосредственный материальный ущерб, который понесла мелкая буржуазия от операций финансового капитала. Параллельно с этим возрастала и ее зависимость от крупного капитала, о чем свидетельствует быстрое увеличение ее кредитных обязательств: в 1870 г. Французский банк имел в своем «портфеле» векселей парижских лавочников и фабрикантов на сумму 1 800 миллионов фр. и мог одним ударом довести их до полного банкротства.

Благосостояние мелкого буржуа подрывалось еще рядом других факторов. Рост дороговизны и особенно повышение квартирной платы за наем торговых помещений больно било его по карману; перестройка Парижа (так наз. «османизация» по имени ее организатора, Сенского префекта Османа) и других больших городов, возложила на него огромное бремя муниципального долга, возросшего за время империи на 200%; еще более чувствительным было для него бремя государственного долга, проценты по которому с 202 млн. в 1848 г. поднялись до 358 млн. в 1870 г. Вообще вся экономическая политика империи «своим расхищением национального богатства, покровительством

биржевой спекуляции, искусственным ускорением централизации капитала» разоряла мелкую буржуазию.

Но последняя и помимо этого имела немало оснований для глубокого недовольства режимом Луи-Наполеона. Бюрократический аппарат империи она считала слишком дорогим и непомерским разбухшим. «Во Франции, — сказал однажды Жюль Симон, — когда нужно взять одного чиновника, набирают их дюжину». Империя в этом отношении превзошла все предшествовавшие правительства. Количество одних гражданских чиновников она довела до 500 тыс., и эту могущественную армию бюрократии даже мирный буржуа привык рассматривать как «орудие притеснения и тирании» (31). Не меньшим предметом его недовольства являлась доведенная до крайних пределов административная централизация государства. Любопытно, что наряду с мелкой буржуазией даже представители высших классов сделали в последние годы империи горячими сторонниками широкого развития департаментского и коммунального самоуправления, создавши в Париже с целью пропаганды своих идей «Лигу децентрализации», во главе которой стали светила буржуазной экономической науки (32). Настроенная в своей массе шовинистически, мелкая буржуазия не могла также простить империи позорных неудач в ее внешней политике: мексиканской авантюры, затеянной в интересах кучки биржевых спекулянтов и закончившейся полным провалом; бесцельной и в конце концов вредной для престижа Франции интервенции в Сирии; защиты светской власти папы против национально-освободительного движения в Италии; оставления восставшей Польши на растерзание русскому царизму; ряда унижительных поражений при дипломатических столкновениях с Пруссией, особенно в результате австро-прусской войны; наконец, общего ухудшения международного положения Франции, ее полной изоляции в Европе. Но особенно ненавистной делала империю в глазах передовой части «среднего класса» ее клерикальная политика, ее тесный союз с католической церковью. Как известно, церковь приветствовала переворот 1851 г., положивший конец второй республике, и предоставила все свои силы в распоряжение новой власти. Империя поистине сделалась для нее «даром провидения» и осыпала ее многочисленными щедротами и привилегиями. Бюджет церкви был только за период 1852—1859 гг. увеличен с 39,5 млн. фр. до 46 млн., и это было сделано ценой уменьшения бюджета народного образования. Ее кардиналы, епископы, архиепископы, викарии получали от империи огромные прибавки к своему жалованью (от 50 до 100%), в то время как тысячи учителей были обречены на голодное существование, получая

менее 500 фр. в год. Уже за первые семь лет империи церковь получила также возможность значительно увеличить свои кадры: священников с 48 391 до 52 303, семинаристов с 18 000 до 22 800, монахов с 34 208 до 89 243. Политика правительства благоприятствовала развитию религиозных конгрегаций, возросших в числе и многократно усиливших свое влияние и материальное могущество, а также возобновлению во Франции деятельности иезуитов. Церкви были предоставлены все «свободы» — слова, печати, собраний — о которых буржуазии приходилось еще только мечтать. Выступления против церкви, особенно в печати, сурово карались, в то время как самые постыдные преступления духовенства оставались безнаказанными и не предавались огласке. Народное образование было фактически отдано под опеку церкви, а женское образование — в ее полную монополию. Церковные процессии, которых Франция не видала с 1830 г., снова появились на улицах городов, притом с обязательным участием чиновников и военных частей, и снова стали совершаться многочисленные чудеса, например, в Ла-Салетте и Лурде, где легкое и темнота крестьянской массы сделались объектом самой бесстыдной эксплуатации со стороны духовенства. Официальная доктрина империи гласила, что «государство нуждается в моральном и общественном влиянии религии для уничтожения революционной пропаганды и в интересах поддержания порядка». Вот почему Наполеон III возродил к жизни самую реакционную силу, какую только знает история, и к политическому порабощению Франции при помощи своей полиции и бюрократии присоединил ее духовное порабощение при помощи католической церкви. Но именно поэтому церковь сделалась предметом ненависти даже для тех кругов мелкой буржуазии, которые прежде были к ней только равнодушны, а отделение церкви от государства и уничтожение бюджета культов стало одним из основных пунктов мелкобуржуазной политической программы (33).

Либеральные уступки в вопросе о свободе печати и собраний, которые был вынужден сделать Наполеон III в конце своего царствования, позволили выйти наружу тем чувствам ненависти и отвращения к империи, которые долгие годы накапливались в самых различных слоях «среднего класса». Выразительницей этих настроений в прессе, художественной литературе и политической жизни была передовая буржуазная интеллигенция, а застрельщиком в борьбе с империей и крайним левым флангом буржуазной оппозиции сделалась мелкобуржуазная радикальная молодежь Латинского квартала. Парижское студенчество, начавшее с осистивания реакционной бонапартистской профессуры,

переходит с 60-х гг. к более серьезной атаке против наполеоновского режима. Оно организует кружки и основывает газеты, подвергает в них убийственной критике трусливую оппозицию республиканских буржуазных депутатов в палате, прилежно изучает опыт Великой французской революции, усваивает революционное, атеистическое и материалистическое мировоззрение Бланки, вырабатывает под его влиянием, но и не без участия прудонистских идей, свою собственную социальную и политическую программу, сближается с передовыми рабочими и проникает с их помощью в толщу рабочего класса. Наиболее активные и радикальные элементы студенчества оказываются замешаными во все политические процессы, демонстрации и другие выступления, которые наполняют собой последние два года империи, предвещая ее близкий конец. Студенты Тридон, Риго, Левро, Жаклар, Прото, Лонге, Лафарг, Жермен Касс и ряд других уходят с головой в революционное движение, завершают в тюрьмах империи свое политическое воспитание и приобретают там необходимый для борьбы закал. Так создаются кадры той мелкобуржуазной интеллигенции, которой суждено было сыграть столь видную роль в революции 1871 г. и в правительстве Парижской Коммуны.

«Социалистическая революция в Европе, — писал В. И. Ленин в «Итогах дискуссии о самоуправлении», — не может быть ничем иным, как взрывом массовой борьбы всех и всяческих угнетенных и недовольных. Части мелкой буржуазии и отсталых рабочих неизбежно будут участвовать в ней — без такого участия невозможна массовая борьба, невозможна никакая революция — и столь же неизбежно будут вносить в движение свои предрассудки, свои реакционные фантазии, свои слабости и ошибки. Но объективно они будут нападать на капитал, и сознательный авангард революции, передовой пролетариат, выражая эту объективную истину разношерстной и разногласной пестрой и внешне раздробленной массовой борьбы, сможет объединить и направить ее, завоевать власть, захватить банки... и осуществить другие диктаторские меры, дающие в сумме ниспровержение буржуазии и победу социализма» (34). С такими именно чертами пестроты и внешней раздробленности выступали перед нами и революционное движение во Франции 1868—1870 гг. с тем только отличием, что объединяющие и направляющие силы сознательного авангарда революции — передового пролетариата — оказались в конечном итоге слишком слабыми для окончательного ниспровержения господства буржуазии. Но массовое движение казалось слишком внушительным и его социалистическая окраска достаточно яркой, чтобы позволить экономическому господствующему классу — крупной капиталистической буржуазии — сколько-нибудь серьезное участие в борьбе против империи, лишившей ее политического господства. В 1869 г., когда предстоявшая пролонгация англо-французского торгового договора заставила промышленную буржуазию снова выступить с протестом против фритредерской политики Наполеона III, не считавшейся с ее интересами, уже послышались предостерегающие голоса: «Не забывают, что рабочий класс волнуется, что за вопросом о тарифах будут поставлены вопросы о праве на труд, праве на прибыли, праве на землю и прочие мечтания социализма» (35). Именно поэтому либеральные и даже республиканские депутаты крупной буржуазии в Законодательном корпусе в лучшем случае только играли в оппозицию, а фактически поддерживали бонапартистский режим. За исключением некоторых групп промышленной буржуазии, хранивших симпатии к династии Луи-Филиппа Орлеанского, вся крупная буржуазия — вся финансовая, торговая и промышленная аристократия была бонапартистской и враждебной всякой серьезной оппозиции империи. Подобно последней, она искала спасения от революции в тесном союзе с католической церковью. По мере того как возрастал религиозный индифферентизм масс или их полный отход

от церкви, богатая буржуазия становится все более религиозной, не скупится на пожертвования католическим конгрегациям, отдает им своих детей для воспитания и демонстрирует на каждом шагу свою верность церкви, и в это же время ее идеологи — Огюст Конт, Ле Плэ — обосновывают в своих книгах положение, что «религия является необходимой базой обществ» (36). Накануне 1870 г. богатая буржуазия являлась единственным классом французского общества, который был кровно заинтересован в сохранении империи. Социальная база империи была слишком узка; достаточно было одного толчка, чтобы она «развалилась, как карточный домик». Этот толчок дала франко-прусская война 1870 г.

ПРИМЕЧАНИЯ К ВВЕДЕНИЮ И ЧАСТИ ПЕРВОЙ

- (1) Из речи на VII съезде РКП 6—8 марта 1918 г.
- (2) И. В. Сталин. Вопросы ленинизма. Изд. III (1931), стр. 295.
- (3) Dupont-Ferrière. Le marché financier de Paris sous le second Empire.
- (4) M. Block. Statistique de la France. II, 265. Отметим также, что за время империи, по данным М. Дюкана, было вычеканено металл. монеты на сумму свыше 6 миллиард. фр. Кассовая наличность одного Французского банка составляла в 1861 г. 1247 млн. — около 56 % денежных запасов остальных европейских банков. Учетный процент Франции банка был самым низким в мире — 2,5 % против 3,5 % Английского банка.
- (5) «Journal des économistes français», XIV, p. 123.
- (6) «La semaine financière», 13 I 1869.
- (7) Dupont-Ferrière, о. с., 221 sq.
- (8) Добыча каменного угля за 1855—1866 гг. дала увеличение для Бельгии на 152 %, для Пруссии на 140 %, для Австрии на 125 %, для Франции на 60 %; производство железа за 1840—1870 гг. возросло в Пруссии на 836 %, в Бельгии на 456 %, в Англии на 389 %, а во Франции на 300 %.
- (9) Dépôts oraux faites devant le conseil supérieur... dans l'enquête sur la circulation monétaire et fiduciaire. Paris, 1872, p. 356.
- (10) Dupont-Ferrière, p. 88.
- (11) Эти данные являются комбинацией цифр Блока («Stat. de la France» II, 135), «Annuaire de l'économie politique et statistique» 1871—72 и др. См. также мои «Этюды из истории Паризской Коммуны», с. 44 сл.
- (12) В Париже, по данным Поля Луи («Histoire de la classe ouvrière en France», Paris, 1927, p. 130), заработная плата рабочих возросла на 20 %, работниц на 12 %; в других городах — соответственно на 15 и 11 %.
- (13) G. Weill. Histoire du mouvement social en France, P. 1924, p. 13.
- (14) «Moniteur», 19/III, 1864; — Rein a u d. Les syndicats professionnels. 1886, p. 23.
- (15) Ch. Assailly. Le pauperisme et les associations ouvrières. P. 1869, p. 91.
- (16) Weill, о. с., 51.
- (17) Lavollé в «Journal des économistes français», XVII, p. 25 sq.
- (18) Molinari. Le mouvement socialiste et les réunions publiques avant la révolution. Paris, 1872, p. 28 sq.
- (19) Ibid., 108.

ОТ 4 СЕНТЯБРЯ ДО 18 МАРТА 1871 г.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

РЕВОЛЮЦИЯ 4 СЕНТЯБРЯ

(20) Согласно § 832 фран. гражд. кодекса, каждый из наследников в праве требовать равной доли движимой и недвижимой части наследства.

(21) Вот что пишет по этому поводу Léonce de Lavergne. L'Enquête agricole, в «Revue de deux mondes» t. 78 (1868), p. 408: «Все придают мелкую собственность не только как необходимость, но и как благодеяние. Все указывают, что она содействует сельской продукции и политической безопасности».

(22) James Howard. Continental farming and peasantry, London 1869

(23) «Revue de deux mondes», t. 89 (1870). Eug. Liébert. Les paysans et l'esprit des campagnes.

(24) J. Simon. L'Ecole, цит. у А. Молок. Парижская Коммуна и крестьянство, стр. 20.

(25) J. Maurain. La politique ecclesiastique du second empire de 1852 à 1869. Paris 1930, p. 867 s.

(26) Ibid., pp. 280—311.

(27) Ch. d'Assailly, о. с., 124 sq.

(28) Liébert, ук. соч.

(29) Цит. у Louis Reybaud. La politique des campagnes («Revue de deux mondes», t. 68, 473—489).

(30) Тома. История второй империи. II., 1908, стр. 359.

(31) Суровую критику режима второй империи с точки зрения типично мелкого буржуа мы находим в весьма любопытной брошюре, вышедшей анонимно в начале 171 г. под длинным заглавием: «Tableau de la politique française à l'intérieur. Principes de toute organisation rationnelle d'un Etat Budget en équilibre. Par M. F. V. G. Paris».

(32) Программу Лиги см. в «Journal des économistes français», 1870, t. XIX, p. 166.

(33) Наиболее подробное и построенное на свежем архивном материале изложение истории католической церкви в эпоху второй империи дает цитированное выше исследование Жана Морэна. См. также аналогичные работы Lamy и Debidour'a.

(4) Цит. в статье Мещерякова. Ленин и революционная роль крестьянства, (г) «Печать и революция», 1926, № 2.

(35) Michel Chevalier. L'industrie et l'octroi de Paris, p. 14.

(36) См. об этом весьма поучительную главу «Теоретики в период империи» у Ж. Вейля, ук. соч., стр. 24 слл.

1. — 9 января 1870 г. члены парижской организации Интернационала писали в своем воззвании: «Разорение, унижение и позор скоро кончатся... можно сказать, что мы находимся у порога революции». Действительно, к этому времени внутреннее разложение империи зашло так далеко, что исход ее борьбы с революционным движением уже не оставлял никаких сомнений. Массовая безработица, вызванная прекращением больших строительных работ в городах и общим экономическим застоєм, революционизировала даже самых отсталых рабочих (1). Невиданный подъем стачечного движения, в которое оказались теперь втянутыми толщи пролетариев Луарского угольного бассейна и заводов Крезю, являлся грозным предвестником более решительных классовых боев. В Париже двести тысяч человек, явившихся на похороны журналиста Виктора Нуара, убитого принцем Пьером Бонапартом, продемонстрировали свою готовность восстать против империи по первому сигналу, поданному революционерами. Чего еще нехватало для обеспечения успешного исхода революции, так это достаточной организованности пролетарских сил. Но и в этом направлении были достигнуты известные успехи. В декабре 1869 г. образуется Федерация рабочих синдикальных камер (профессиональных союзов), а в апреле 1870 г. — Федерация парижских секций Интернационала. В марте 1870 г. на Лионском съезде рабочих делегатов были заложены основы обще-французской организации Интернационала. Число его членов во Франции непрерывно возрастало. Варлен и Малон в Париже, Обри, Ришар и Бастелика в провинции развили лихорадочную работу по организационной подготовке пролетариата. Усиление репрессий со стороны правительства — расстрелы бастующих рабочих в Рикамари и Сент-

Обене, посылка войск в Крезе, массовые аресты среди рабочих, инсценировка третьего процесса Интернационала — уже не могло остановить движение.

При таких условиях Наполеон III обратился к плебисциту, который должен был, по его мысли, «дать новое доказательство привязанности к династии» и «парализовать угрозы революции». Благодаря испытанным маневрам бонапартистской администрации за империю еще высказалось свыше 7 миллионов голосов, но в городах ее противники собрали значительное меньшинство (около 2 миллионов), и армия оказалась также частично пораженной духом оппозиции. Чтобы упрочить свой пошатнувшийся трон, Наполеону III не оставалось иного средства, как победоносная война, которая могла бы во Франции вызвать взрыв шовинистических страстей и отвлечь внимание от внутренней борьбы. «Я не воспротивился внешней войне, — писал уже во время Коммуны близкий приятель и советник Наполеона Сильвестр де Саси, — ибо она казалась мне последним ресурсом и единственным средством спасения (империи)... со всех сторон появились самые грозные признаки гражданской и социальной войны... буржуазия помешалась на каком-то неутолимом революционном (sic!) либерализме, а население рабочих городов — на социализме. Именно тогда император рискнул решительной ставкой — войной против Пруссии» (2).

Война, объявленная Пруссии 15 июля 1870 г. по самому ничтожному поводу (по вопросу о замещении вакантного испанского престола прусским принцем), с самого начала оказалась неудачной для французов. Поражения при Виссембурге, Фрешвиллере, Форбахе, занятие немецкими войсками Эльзаса и Лотарингии обнаружили скандальную неподготовленность империи к войне. Однако попытка бланкистов поднять 14 августа восстание в одном из рабочих предместьев Парижа оказалась преждевременной (3). Предпринятая по старому заговорщическому методу, без всякой агитационной подготовки, она сразу задохнулась в атмосфере равнодушия и враждебной подозрительности массы. Федерация Интернационала, в июле выпустившая манифест к немецким рабочим и организовавшая антимилитаристскую демонстрацию на улицах Парижа, теперь не подавала признаков жизни. Для пролетарской революции оказалось роковым то обстоятельство, что удар, доконавший империю, был нанесен не бланкистами в Париже, а немецкой армией при Седане.

Судьба империи, действительно, была решена Седанским сражением 1-2 сентября, закончившимся пленением всей армии и самого императора. Остальные военные силы, находившиеся

под командованием маршала Базена, были заперты в крепости Мец и фактически тоже выбыли из строя. Дорога в Париж лежала открытой перед неприятелем.

Столь быстрой и радикальной развязки военных действий никто не мог предвидеть. Сведения о катастрофе, проникшие в Париж 3-го вечером, застали революционеров врасплох. Рабочие массы, явившиеся утром следующего дня к зданию Законодательной палаты, были поэтому лишены всякого руководства и, ворвавшись в Палату вместе с разношерстной толпой и частями буржуазной национальной гвардии, потребовали только низложения династии Бонапарта, провозглашения республики и организации национальной обороны. Это дало возможность 11-ти виднейшим депутатам левой оппозиции захватить в свои руки инициативу образования временного правительства, получившего название Правительства национальной обороны, и немедленно ликвидировать попытку представителей революционно-социалистических групп, заседавших в Ратуше, добиться провозглашения другого правительства с участием Бланки, Флуранса, Делеклюза и Феликса Пиа. Чтобы дать некоторую видимость удовлетворения радикальным элементам Парижа, в состав правительства был введен левый журналист Анри Рошфор, но зато, с другой стороны, председательство в правительственном Совете и пост военного министра были поручены губернатору Парижа, монархисту, «католику и бретонцу» Трошю, который поставил непременным условием своего участия в правительстве соблюдение последним «трех принципов: религии, собственности и семьи» (4). Помимо него, и другие министры — Жюль Фавр, Жюль Симон, Пикар, Кремье и Гамбетта — были хорошо известны, как враги социализма и рабочего класса. Тем не менее, перед лицом приближавшегося к Парижу

неприятеля и ввиду преобладания среди рабочей массы патристических настроений революционеры сочли необходимым воздержаться от всяких выступлений и даже предложить правительству свое сотрудничество в деле организации обороны. Вечером 4 сентября на заседании актива Интернационала, профессиональных союзов и революционных кружков была принята резолюция: «Временное правительство не подвергнется нападению ввиду наличия войны и недостаточной подготовленности народных сил, еще плохо организованных» (5). Но в то же время было решено создать в каждом из двадцати парижских округов «наблюдательные комитеты», организовать из их представителей Центральный комитет, как орган революционного контроля над правительством, а также потребовать от последнего немедленного удовлетворения следующих требований: ликвидации полицейской префектуры и образования муниципальной полиции, снятия с постов императорских чиновников, отмены законов, ограничивавших свободу печати, собраний и союзов, выборов в парижский муниципалитет, наконец, освобождения политических заключенных. Деятельность правительства, преследуя на первых порах задачу укрепления своего авторитета и усыпления путем второстепенных уступок бдительности революционеров, казалась сначала действительно соответствовавшей этой программе. 7 сентября было объявлено о замене полиции «стражами общественного порядка из отставных военных», назначены на 28-е выборы муниципального совета, вооружены рабочие и мелкобуржуазные массы путем включения их в состав национальной гвардии, увеличенной с 60 до 343 тыс. человек, амнистированы политические заключенные, допущено образование наблюдательных комитетов и их активное вмешательство в работу некоторых окружных мэрий. Одновременно появляются газеты крайне левого направления, руководимые Бланки, Феликсом Пиа и другими революционерами, а в рабочих округах, обычно по инициативе наблюдательных комитетов, возникают многочисленные политические клубы, где каждый шаг правительства уже начинает подвергаться критической оценке. Эти вынужденные, большей частью формальные или же пассивные так сказать уступки радикальным элементам, а в особенности начавшееся с 18 сентября обложение Парижа неприятелем обеспечили господство патристических настроений, политически дезориентировали рабочую массу и облегчили поддержание «гражданского мира» перед лицом врага. Даже передовые пролетарии, — с прискорбием констатировал в то время Генеральный совет Интернационала, — позволили ослепить себя патриотизмом и составили один хор с буржуазией, повсюду вопив-

шей: забудем наши разногласия и принесем самые дорогие нашему сердцу принципы в жертву отечеству» (6). Следует отметить, что ни руководители французских секций Интернационала, ни бланкисты, ни сам Бланки не составили в данном случае исключения. Последний в опубликованной им программе заявил, что «в присутствии врага не может более существовать ни партий, ни фракций», что «правительство 4 сентября является выразителем народной мысли и национальной обороны» и, следовательно, «всякая оппозиция, всякое противодействие должны исчезнуть во имя всеобщего спасения» (7).

Эта ошибочная тактика парижских революционеров, не последовавших совету из Лондона (8) предоставить самой буржуазии окончание войны с пруссаками, оказала самое вредное влияние на ход событий в провинции. В Лионе, Лиможе и нескольких других второстепенных центрах 4 сентября, еще до получения сведений из Парижа, было поднято красное знамя, разоружена полиция, арестованы местные представители власти и провозглашена республика. Кое-где, например в Лионе, Ратуша была захвачена представителями мелкобуржуазной демократии и отчасти революционного пролетариата, образовавшими Комитет общественного спасения, как орган автономной и революционной власти, который отказался признать присланного из Парижа префекта (Шальмель-Лакура) и разрешил ему остаться лишь в качестве делегата от центрального правительства. В таком же направлении намечалось развитие событий в Крезе, где мэром был избран рабочий, в Марселе, Сент-Этьенне, Тулузе и Лиможе. Одновременно и на селе начинаются волнения, которые, принимая во внимание известное нам настроение беднейшего крестьянства, могли бы при поддержке городского пролетариата разрастись в настоящую аграрную революцию. «Сразу же после Седанской катастрофы и падения империи, — читаем мы у одного современного автора, — когда Париж едва только организовал правительство национальной обороны... новый крик тревоги внезапно прозвучал по всей Франции, исходя на этот раз из провинции, куда еще не проник враг»... «Можно было думать, — пишет он далее, — об угрозе социальной войны, о восстании крестьянства против городской буржуазии и жителей замков... В провинции начинали уже говорить, что снова ожила жакерия, с тою лишь разницею, что в 1870 г. нападали уже не только на дворян, но равным образом и на всех, кого богатство, образование или труд подняли над общим уровнем» (9). Мы узнаем также у этого автора, который опирается на материалы провинциальных газет и сам был свидетелем ряда приведенных им фактов, что крестьяне

ругали и даже избивали «почтенных людей», угрожали пожарами и грабежами. Но дальше этого дело не пошло: попытки восстания были быстро подавлены, не получив никакого отзвука среди революционного пролетариата больших городов.

Но это и не удивительно: сведения из Парижа нисколько не благоприятствовали подъему революционного движения в провинции; скорее наоборот, они выбивали у революционеров почву под ногами. «Революция в Париже, — указывали на народных собраниях в провинции сторонники порядка, — совершилась без насилий, арестов и конфискаций; чиновники империи, даже полицейские комиссары, остались на службе республики, за исключением тех, которые приняли участие в перевороте 2 декабря; патриотические заботы господствуют над всеми прочими и объединяют всех граждан, без различия мнений, в одном братском стремлении защитить территорию» (10). Благодаря также тому, что парижское правительство, великолепно учитывая положение, поместило в качестве префектов во всех крупных индустриальных центрах ветеранов 1848 г., популярных среди населения мелкобуржуазных радикалов (Эскироса в Марселе, Бертелона в Сент-Этьенне, Дюпорталя в Тулузе и т. д.), ему удалось всюду сохранить в своих руках аппарат власти и руководство организацией национальной обороны. Энергичная деятельность Гамбетты, вылетевшего в начале октября из осажденной столицы на воздушном шаре и возглавившего Турскую делегацию правительства, его первые успехи в деле возрождения военных сил Франции, подкупающая искренность и радикальная фразеология его патриотических прокламаций, его готовность широко использовать сотрудничество революционеров — все это импонировало массе и обманывало ее насчет подлинного лица правительства, в действительности «унаследовавшего от империи, — по словам Маркса, — не только руины, но и страх перед рабочим классом».

Но уже очень скоро — со второй половины сентября — начинает чувствоваться отрезвление — в провинции почти в одно время с Парижем. В провинции консервативно-буржуазный характер правительства мог обнаружиться даже раньше и ярче, чем в Париже, в силу большего масштаба его действий и большего разнообразия его государственных функций. Вместо ожидавшихся радикалами массовых реквизиций — покупка продовольствия и амуниции по высоким ценам; вместо обложения богатой буржуазии — внешние займы на невыгодных условиях; вместо всеобщей мобилизации, поголовного вооружения всех граждан (*levée en masse*) — освобождение от военной службы духовенства и молодых, здоровых семинаристов. Что

касается последнего, то здесь вообще сказалась церковная политика правительства 4 сентября. Ища симпатий и поддержки католической церкви, Турская делегация ничего не предпринимала в церковных делах без совета и санкции архиепископа Гибера и ничем не препятствовала широкой церковной пропаганде: фанатическая проповедь иезуита Буалева, в которой доказывалось, что «только поклонение сердцу Иисуса спасет Францию», была в октябре распространена по всей стране в количестве 200 тыс. экземпляров (11). Бросалось в глаза и то обстоятельство, что количественно ничтожные реакционные и католические банды Шаретта и Кателино, явившиеся в Тур в качестве волонтеров, были осыпаны почестями и наградами, в то время как гарибальдийцы и другие революционные отряды, образовавшиеся для защиты республики от пруссаков, встречали со стороны властей к себе самое подозрительное отношение и терпели лишения в необходимом. (12). Но и внешняя политика правительства не в меньшей степени разоблачала его реакционность. Опасаясь развития революционного движения и превращения войны с немцами в настоящую народную войну, оно исподтишка ведет дипломатическую подготовку мира. Уже переговоры Жюль Фавра с Бисмарком в Ферьерре 22 сентября могли показать истинную цену патриотическим фразам правительства. Еще показательнее была посылка орлеаниста и реакционера Тьера ко всем монархическим дворам Европы с целью вымолить их посредничество в переговорах с Пруссией. И наконец, позиция правительства в вопросе о лишении папы светской власти, являясь продолжением клерикальной политики империи, делала невозможным вмешательство Италии в войну на стороне Франции.

Все усилия «Южной лиги», организованной тем временем мелкобуржуазными демократами нескольких городов, радикализировать политику Турской делегации оставались фактически безуспешными. В едином патриотическом фронте различных классов появляются теперь трещины, которые все углубляются в течение октября и создают благоприятную обстановку для нового подъема революционного движения в провинции.

Первое революционное выступление против правительства происходит еще 28 сентября в Лионе. Агитация революционеров во главе с приехавшим сюда Бакуниным ускорила восстание рабочих, которые заняли Ратушу, разогнали незадолго перед тем избранный буржуазный муниципалитет и арестовали префекта. Однако момент восстания был выбран неудачно, в период стремительного развития немецкого наступления, анархистские лозунги бакунистов не могли увлечь за собой всю ра-

бочую массу; революционный генерал Ключере, поставленный во главе пролетарской национальной гвардии, проявил нерешительность и даже трусость. Бакунистская попытка, организованная крайне легкомысленно, потерпела полную неудачу. Гораздо более серьезные последствия, при наличии руководства, могли бы иметь выступления пролетариата, произошедшие одновременно — 31 октября — в Марселе, Тулузе и Сент-Этьенне. Однако и тут недостаток подготовки, организованности и руководства придал восстанию с самого начала нерешительный, вялый характер и облегчил властям его безболезненную ликвидацию. В частности, в Сент-Этьенне, центре Луарского угольного бассейна, углекопы остались в стороне от движения. Все же заслуживает быть отмеченным, что оно происходило под красным знаменем пролетарской революции и с теми же лозунгами, какие были выдвинуты в то же время парижскими революционерами: выборы в Коммуну, массовое вооружение, мобилизация духовенства, устранение чиновников империи, неограниченные реквизиции и обеспечение населения продовольствием, передача полиции в ведение Коммуны, светское обучение и уничтожение бюджета культов. (13).

Параллельно и независимо от провинциального движения также и в осажденной столице постепенно поднималась революционная волна, грозившая опрокинуть власть буржуазии. Манифестации национальной гвардии 22 и 26 сентября, вызванные ЦК 20 округов, еще не были враждебны правительству и имели в виду только подстегнуть его к более энергичной организации обороны. Но его неспособность в этом отношении с каждым днем становилась все очевиднее. Собранные в Париже огромные запасы продовольствия расходовались преступно, без учета потребностей долгой осады; национальную гвардию вооружали негодным оружием, упорно держали ее подальше от неприятеля и раздражали бесплодной муштровкой; предпринимавшиеся время от времени вылазки оставались совершенно безрезультатными и производили впечатление нарочитого истощения военных сил Парижа. В клубах уже начинали поговаривать не только о неспособности, но и о прямом предательстве со стороны правительства и его бездарных генералов. В рабочих кварталах приобретает все большую популярность мысль о всенародно избранной Коммуне, которая одна сумеет дать мощный толчок обороне и организовать победу. Уже 4 октября помощник мэра одного из рабочих округов Парижа официально доносил: «Теперь требуют только одной вещи: Коммуны, избранной всеобщим голосованием, и будьте уверены, что это желание будет немедленно реализовано». Действительно, демонстрации белъ-

вильских (пролетарских) батальонов нац. гвардии 5 и 8 октября, во главе с бланкистом Флурансом, обнаружили глубокое недовольство правительством и стремление поставить Коммуну, если не вместо него, то рядом с ним. Несколькими днями позже, на собрании начальников 65 батальонов, созванном Бланки и Флурансом, была уже принята резолюция изложить правительство и заменить его Коммуной (14), причем инициаторов собрания, укрывшихся в рабочих кварталах, не было даже возможности арестовать. Все это показывает, что о едином фронте давно уже не могло быть и речи. Особенно ясно это видно по тому глубокому расслоению, которое как раз в то время происходит в рядах нац. гвардии. Появляется официальное деление на «хорошие» и «дурные» батальоны, т. е. стоящие за и против правительства, и даже внутри надежных частей революционные элементы выделяются в особые роты, выбирающие для себя отдельных офицеров сообразно своим политическим симпатиям. Значительную роль в этом процессе расслоения сыграл ЦК 20 округов, специально делегировавший 40 своих членов для «организации» нац. гвардии. Внутри последней имелись в то время своеобразные организации — батальонные и

легионные «семейные советы», а также делегатские собрания для выборов командного состава, которые наряду с политическими клубами становятся опорными пунктами революционной пропаганды и оказывают содействие ЦК 20 округов. Семейные советы своей деятельностью несомненно подготовили почву для возникновения Центрального комитета нац. гвардии, но в рассматриваемый период они были еще слишком слабыми, чтобы обеспечить единство выступлений пролетарских батальонов, хотя попытки объединения и координации их деятельности путем создания нелегального «Большого совета» нац. гвардии несомненно имели место (15). Это отсутствие организованного единства и обеспечило «батальонам порядка» торжество над пролетарской частью нац. гвардии, когда она наконец подняла 31 октября знамя революционной Коммуны.

ГЛАВА ВТОРАЯ

БОРЬБА ЗА КОММУНУ

1. — 31-м октября открывается новый период революционного движения, характеризующийся борьбой за Коммуну. В первой его половине, во время осады Парижа пруссаками, поражение пролетариата в этой борьбе было предопределено его слабой организованностью, колеблющейся и соглашательской политикой мелкой буржуазии, а также — что весьма важно — враждебным отношением армии к перевороту, который с лозунгом Коммуны тесно связал ненавистный этой армии лозунг «войны до конца». Но после капитуляции Парижа и окончания военных действий вопрос о войне, разделявший пролетариат и армию, утерял свою остроту, так что последняя — по крайней мере на время — перестала быть послушным орудием в руках буржуазной реакции. В то же время и мелкая буржуазия, крайне озлобленная провоцирующей и цинично реакционной политикой Национального собрания, в феврале пришедшего на смену Правительству национальной обороны, сильно качнулась влево и стала более решительно поддерживать революционную борьбу парижского пролетариата. Наконец и организованность последнего заметно выросла благодаря возникновению около того же времени Центрального комитета нац. гвардии, который в качестве органа боевого руководства значительно превосходил ЦК 20 округов. В результате всего этого и сделался возможным день 18 марта, впервые доставивший торжество Коммуне как политической форме господства рабочего класса.

Такова самая общая схема развития революционного движения на этом его наиболее длительном этапе. Но прежде чем перейти к конкретному содержанию этого развития, необходимо выяснить, чем же являлась в представлении революционеров та Коммуна, которую они сделали знаменем своей борьбы.

Идея Коммуны возникла, несомненно, в среде радикальной мелкобуржуазной интеллигенции под влиянием опыта Великой французской революции, который она изучала и которым увлекалась еще в 60-х гг. Патриотическая и революционная Коммуна 1793 г., которая сумела мобилизовать энергию парижских масс для борьбы за республику, для победы над внешним врагом и над внутренней контрреволюцией, казалось, могла и должна была возродиться к жизни в конце 1870 г., когда только что завоеванная республика и родина снова находились под тем же двойным ударом. Возродить Коммуну, «соединить, — как любили тогда выражаться, — разорванную цепь времен», можно было только таким путем: заставить временное правительство произвести выборы на основе пропорционального представительства и передать возникшему таким образом собранию законодательную власть, при которой это правительство играло бы подчиненную роль власти исполнительной. Эта мысль однако несколько видоизменяется после 31 октября, когда правительство окончательно дискредитировало себя в глазах даже мелкой буржуазии. Ее политические деятели требуют теперь выборов в «суверенное собрание», которое будет администрировать Париж и организовать оборону». Такое собрание, как выразился один из них, «явится одновременно Конвентом и Коммуной» и само назначит из числа своих членов исполнительную комиссию, нечто вроде комитета общественного спасения. В этой формулировке для правительства 4 сентября уже не остается никакого места. И наконец после капитуляции Парижа и появления еще более реакционного правительства Национального собрания радикальная буржуазия начинает видеть в Коммуне наилучшую форму организации республиканского города против темной и монархической деревни, а в федерации всех крупных городских коммун — наилучшую гарантию сохранения демократической республики.

В противоположность этой концепции Коммуны, которая во всех своих видоизменениях строго остается в рамках буржуазно-демократических идеалов, передовой пролетариат постепенно вырабатывает свою, отличную и по форме и по содержанию идею Коммуны. Прежде всего она не должна возникнуть в результате всеобщих выборов, которые могут дать буржуазное большинство. «Мы сами, — говорилось на одном из рабочих собраний периода осады, — должны будем избрать восемьдесят чистых республиканцев, которые составят Коммуну и спасут республику». «Мы сами» — это клубы, наблюдательные комитеты и другие пролетарские революционные организации. «Каждый член наблюдательного комитета, — читаем мы точно также в февральской программе ЦК 20 округов, — признает правительство

города только революционную Коммуну, составленную делегатами от социалистических революционных групп этого города, а правительством всей страны — только правительство политической и социальной ликвидации, составленное из делегатов от революционных коммун страны и главных рабочих центров» (16). Здесь уже достаточно ясно формулирована идея Коммуны как органа революционной пролетарской диктатуры, ставящей своей задачей социалистическое преобразование общества. Эта же идея живо обсуждалась и в «красных» клубах времен осады, где даже намечались первые конкретные мероприятия такой диктаторской Коммуны: конфискация имущества церкви, религиозных конгрегаций, бонапартистов и эмигрантов; использование полученных таким образом средств на организацию производительных рабочих ассоциаций; ликвидация крупных акционерных, в частности железнодорожных, компаний, предприятия которых, после изгнания акционеров и администрации, передаются рабочим (17).

Однако нужно указать, что в процессе борьбы за Коммуну отмеченная противоположность в ее понимании никогда не выступала сколько-нибудь отчетливо. Сознательный, передовой пролетариат, количественно еще слишком слабый, резко не выдвигал в решающие моменты борьбы своей точки зрения, не дал ни разу боя мелкой буржуазии по вопросу о характере Коммуны. А когда после 18 марта Коммуна наконец была завоевана пролетариатом, вопрос о способе выборов по ряду причин, на которых мы остановимся позже, уже утратил решающее значение. Во всяком случае, характер той реальной, исторической Коммуны, которая возникла после 18 марта, не отвечал ее мелкобуржуазному пониманию: она была, как выразился Маркс, «весьма растяжимой политической формой», и парижский пролетариат мог поэтому приспособить ее к своим нуждам и использовать ее как определенную форму своей власти, как орган пролетарской революционной диктатуры.

2. — 30 октября на Париж обрушились сразу четыре известия, из которых каждое в отдельности способно было вызвать в патристически настроенных рабочих и мелкобуржуазных массах взрыв негодования против правительства. В этот день правительственные афиши возвестили о предполагающемся посредничестве европейских держав с целью ускорить заключение мира, о приезде в Париж Тьера за полномочиями для переговоров с пруссаками, об очередной крупной неудаче парижской вылазки при Бурже и о капитуляции крепости Мец со всей заключенной в ней армией Базена. Утром 31-го, после спешной и очень несовершенной подготовки движения, в которой видную роль сыграл ЦК 20 округов, батальоны нац. гвардии рабочих окраин спустились в центр города, заняли, не встретив сопротивления, здание Ратуши и арестовали заседавшее в нем правительство. В обстановке полного беспорядка и несогласованности действий отдельных революционных вожаков был наспех составлен список членов нового правительства, которое в одном месте называли комиссией для проведения выборов в Коммуну, а в другом — комитетом общественного спасения, в составе Ф. Пиа, Бланки, Флуранса, Ранвье, Мильера, Луи Блана, Делеклюза, Дориана, Ледрю-Роллена и др. Уже одно соединение в этом списке мелкобуржуазных демократов, ветеранов 1848 г., с бланкистами и включение в него члена временного правительства Дориана указывает, что в восстании 31 октября имелось по крайней мере два различных течения. Результатом недоговоренности между ними был полный разброд в действиях: в то время как Бланки принялся за подписывание приказов о занятии важнейших правительственных учреждений — в частности Рауль Ригу был с этой целью отправ-

лен в полицейскую префектуру, — мелкобуржуазные революционеры вступили через посредство парижских мэров и Дориана в переговоры с низложенным правительством о назначении выборов в Коммуну. Между Делеклюзом, как представителем инсургентов, и Дорианом, как представителем правительства 4 сентября, было в конце концов достигнуто, несмотря на энергичные протесты бланкистов, следующее соглашение: никто не подвергнется преследованиям за участие в восстании; выборы в Коммуну состоятся 1 ноября; восставшие батальоны очищают Ратушу.

Эта внезапная самоликвидация как будто успешно начатого восстания объясняется, очевидно, тем, что мелкая буржуазия, добивавшаяся только выборов в Коммуну, была неприятно поражена и даже напугана руководящей ролью, которую Бланки и его ближайшие друзья (Флуранс, Ранвье) сразу начали играть в Ратуше. Во всяком случае именно по этой причине большинство командиров нац. гвардии, созданных 31-го вечером «для принятия окончательного решения», отказалось выступить со своими батальонами и высказалось за соглашение с правительством (18). На это решение могло оказать влияние и то обстоятельство, что часть членов правительства успела выскользнуть из Ратуши и собрать вокруг себя несколько батальонов «порядка» и линейных войск; в перспективе было, таким образом, начало военных действий внутри осажденной столицы. Как бы там ни было, инсургенты, сидевшие в Ратуше, в течение ночи не получили ожидаемой поддержки и не оказали сопротивления проникшим туда солдатам и частям буржуазной нац. гвардии. В таких условиях соглашение с правительством вступило в силу: Ратуша была очищена инсургентами, а на стенах домов появились афиши, приглашавшие население к выборам в Коммуну 1 ноября.

Но выпутавшись таким образом из почти безнадежного положения, правительство вовсе и не собиралось выполнять соглашение, державшееся только на честном слове. Распоряжение о выборах было немедленно аннулировано, и вместо них был проведен 3 ноября плебисцит, давший 321 тыс. голосов гражданского населения в пользу правительства и 53 тыс. против. Результаты этого голосования, а также состоявшиеся 5-го и 7-го выборы мэров и их помощников, давшие всего лишь в трех рабочих округах (11-м, 19-м, 20-м), большинство революционерам, показали, что только передовой пролетариат готов был в то время довести до конца борьбу против власти буржуазии. Наоборот, мелкобуржуазная масса, занявшая колеблющуюся позицию во время самого восстания, после его неудачи готова была пойти на примирение с правительством. Поэтому последнее, уверившись после плебисцита в своей прочности, применило репрессии глав-

ным образом по отношению к бланкистам. Часть их подверглась аресту, часть принуждена была уйти в подполье, в том числе и сам Бланки, а примкнувшие к ним офицеры нац. гвардии были смещены. Вместе с тем правительство своим декретом от 10 декабря распустило делегатские комитеты и реорганизовало «семейные советы» нац. гвардии, которые являлись очагами революционной пропаганды. Но зато радикальная пресса, вопреки требованиям Ж. Фавра и Трошю, не подверглась стеснениям, политические клубы продолжали функционировать, а мелкобуржуазные революционеры, вроде Делеклюза и Ф. Пиа, после кратковременного ареста были выпущены на свободу.

Наконец, еще одним следствием движения 31 октября явилась отставка некоторых несогласных с репрессиями членов правительства (Рошфора, ген. Тамизье, Араго), благодаря чему оно сделалось более реакционно однородным и могло с большей решительностью повести дело к капитуляции Парижа и позорному миру с пруссаками, который казался буржуазии единственным спасением от постоянной угрозы социальной революции.

Но подавляющее большинство парижского населения не хотело и слышать ни о мире, ни о капитуляции. Оно страдало от голода, холода, эпидемий, увеличивавших смертность в ужасающей прогрессии (свыше 4 тысяч в неделю в январе), а с конца декабря начало страдать и от бомбардировки, но все же продолжало надеяться на победу, ждать помощи и избавления от осады со стороны новых армий, организованных в провинции Гамбеттою. Между тем эти армии терпели поражения, одно за другим, правительственная делегация, оказавшаяся в Туре вблизи фронта, принуждена была перебраться в Бордо, а вылазки из Парижа по своей бесплодности и обилию жертв начинали все больше производить впечатление нарочитых кровопусканий, имевших целью только утомить защитников столицы. Это начинали подозревать даже те, которые все время верили в искренность утверждений правительства, что оно не уступит врагу «ни одной пятой земли, ни одного камня крепостей», и что «губернатор Парижа никогда не капитулирует». В действительности правительство, некоторые из членов которого с самого начала считали оборону Парижа «героическим безумием», выжидало только «психологического момента», когда можно будет подписать капитуляцию, не рискуя вызвать новое восстание в рабочих кварталах.

А восстание и помимо того грозило вспыхнуть с минуты на минуту. Недовольные массы были прекрасно осведомлены насчет того, какие огромные запасы продовольствия накопили у себя богатые буржуа и крупные торговцы еще перед осадой. Все громче раздавалось требование реквизиции и более справедли-

вого распределения наличных запасов; в декабре начались голодные беспорядки и было разграблено несколько продовольственных магазинов. С другой стороны, становилось ненадежным и настроение умеренной буржуазии. 28 декабря на собрании мэров правительство, и особенно его генералы, подверглось нападкам и был даже поставлен вопрос о необходимости Коммуны! 6 января в «красной» афише ЦК 20 округов эти нападки и требования Коммуны были повторены с удвоенной силой. Возникшая около этого времени мелкобуржуазная организация «Республиканский Альянс» также начинает вести ожесточенную кампанию против правительства. Но конечно наиболее активную антиправительственную пропаганду развивают революционные клубы, в которых обсуждаются уроки 31 октября и готовится новое восстание.

В середине января правительство почувствовало необходимость ускорить развязку и приблизить «психологический момент» капитуляции. Но чтобы этого достигнуть, — доказывал на одном из заседаний военный министр, — необходимо устроить под стенами Парижа бойню для 10—20 тыс. нац. гвардейцев: тогда уцелевшие защитники города спокойнее примут известие о капитуляции. Точно также начальник нац. гвардии Клеман Тома подтянул, что без «маленького кровопускания» дело не обойдется. Так была решена последняя вылазка из осажденного Парижа — на Бюзенваль.

Бюзенвальская операция — 19 января — поглотила многочисленные жертвы и закончилась разгромом; но эффект ее оказался неожиданным для правительства. 20-го Париж снова увидел демонстрации с красными знаменами и возгласами в честь Коммуны. Правительство пыталось отвести грозу, пожертвовав своим военным министром Трошю, подавшим в отставку. Но 21-го вечером части пролетарской нац. гвардии освободили из тюрьмы Флуранса и других заключенных в ней революционеров; Бланки, вышедший из своего подполья, связался с Республиканским Альянсом, клубами, несколькими командирами нац. гвардии, обещавшими поддержку своих батальонов; в клубах рабочих предместий был дан сигнал к восстанию и площадь перед Ратушей назначена местом встречи на утро следующего дня.

Однако и правительство, сумевшее извлечь для себя уроки из событий 31 октября, приняло свои меры. Хотя оно давно перестало заседать в Ратуше, но во избежание всяких случайностей превратило ее в настоящую укрепленную крепость, снабженную многочисленным гарнизоном, боевыми припасами и продовольствием и способную выдержать правильную осаду. Помимо того, не надеясь уже на помощь буржуазной нац. гвардии, оно

держало наготове несколько военных частей, снятых с фронта и усиленных артиллерией. Заместитель парижского мэра Шодей, командовавший в этот день в Ратуше, мог поэтому с гордостью продемонстрировать все эти военные приготовления делегатам Республиканского Альянса и других политических организаций, которые утром 22-го явились туда требовать назначения выборов в Коммуну. Когда же на площади перед Ратушей, переполненной народом, женщинами и детьми, показались первые вооруженные отряды повстанцев, они были встречены частым убийственным огнем, мгновенно покрывшим всю площадь телами убитых и раненых, главным образом из числа невооруженных демонстрантов или просто любопытствующей публики. После непродолжительной перестрелки нац. гвардейцы, убедившись в бесплодности борьбы с вооруженным до зубов противником, удалились, и площадь была занята подоспевшими отрядами полицейских, которые произвели многочисленные аресты и обыски в прилегающих к Ратуше домах. В правительственной прокламации, опубликованной на следующий день, участники восстания квалифицировались как люди, продавшиеся чужеземцу, и возвещалась необходимость суровых репрессий. Новый губернатор Парижа, бонапартистский генерал Винуа, закрыл все клубы и запретил радикальные газеты. Жюль Фавр немедленно был послан в Версаль, в штаб-квартиру прусской армии для переговоров о перемирии, которые закончились принятием всех требований осаждающих и подписанием 26 января капитуляции. Только 28-го правительство осмелилось оповестить население об ее условиях: уплате 200 миллионов военной контрибуции, эвакуации фортов Парижа, разоружении армии за исключением 12 тыс. солдат, предназначенных для поддержания порядка; для нац. гвардии Жюль Фавр принужден был отстоять ее право сохранить свое оружие, за что он впоследствии «просил прощения у бога и людей».

Таким образом, с восстанием и осадой было покончено почти одним ударом. Правда, 28-го тридцать пять батальонов нац. гвардии, избравши командиров Брюнеля и Пиацца начальниками всей гвардии и ген. штаба, сделали еще одну отчаянную попытку сбросить правительство, но изнуренное лишениями и обескураженное прежними неудачами население рабочих кварталов осталось спокойным, и эта последняя попытка была быстро ликвидирована. Перемирие, распространявшееся на всю Францию (за исключением Восточной армии, принужденной перейти границу Швейцарии и там интернированной), вступило в силу, несмотря на протест Гамбетты, патриотические демонстрации южных городов и ажитацию радикальной буржуазии провинции, требовав-

шей организации комитета общественного спасения во главе с Гамбеттой, отставки парижского правительства и возобновления военных действий. Одним из пунктов этого перемирия был предусмотрен созыв в двухнедельный срок Национального собрания, которое должно было подписать окончательные условия мира. Период, отделяющий капитуляцию Парижа от революции 18 марта, заполнен предвыборной борьбой, реорганизацией революционных сил столицы, первыми реакционными действиями нового правительства, выделенного Национальным собранием, его попытками разоружить парижский пролетариат и привести его при помощи целой системы репрессивных мер к молчанию и покорности.

ПРИМЕЧАНИЯ

(1) Du Camp. Paris, t. I, p. 447.

(2) Silvèstre de Sacy. Lettres à ma fille (1862—1878). «Revue de deux mondes», 1-er Novembre 1926. Цитируемые здесь письма относятся к 19 и 26 апреля 1871 г.

(3) Аналогичные попытки были сделаны 8 августа в Марселе, 13-го в Лионе и 23-го в Аркиане (городок Ньеврского департамента).

- (4) Debidour. L'Eglise catholique sous la troisième République, P. 1906, 8.
- (5) «Enquête parlementaire sur la révolution du 4 septembre», I, 287.
- (6) Письмо секретаря Ген. совета Эжена Дюпона от 17. IX.
- (7) Цит. по Доманже, Бланки, стр. 35.
- (8) Циркулярное письмо Дюпона от 7. IX, напечатанное у Testut L'International et le Jacobinisme au ban de L'Europe, I, XII; Второй адрес Ген. совета Интернационала от 9 сентября.
- (9) См. цит. выше статью Льебера в «Revue de deux mondes», t. 89, 1870.
- (10) Andrieux. La Commune à Lyon, P. 1906, p. 71.
- (11) Debidour, o. c., pp. 12, 25, 62.
- (12) Debidour, p. 25. Предложение Гарибальди явиться со своими вождями на помощь Франции было сначала решительно отклонено правительством (в заседании 29 сентября).
- (13) «Le Moniteur de Prussiens de Versailles publié par G. d'Heylli», t. I, p. 284.
- (14) G. Bourgin. Les premières journées de la Commune, P. 1928, p. 16.
- (15) См. мои «Етюди и розвідки», стр. 82.
- (16) Цит. по Bourgin. La Commune de Paris et le Comité Central («Revue Historique», t. 150, p. 15, (1925).
- (17) Molinari. Les clubs rouges pendant le siège de Paris, 175 sq.
- (18) «Mursailles politiques», I, 303, Molinari, o. c., 55 sq.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

РЕВОЛЮЦИЯ 18 МАРТА

1. — Выборы в Национальное собрание во всей Франции, за исключением крупнейших центров, проходили в самых неблагоприятных условиях для революционных и просто оппозиционных элементов. В 43 департаментах, оккупированных неприятелем, были запрещены всякие предвыборные собрания, всякая агитация; местные представители власти, сохранившие свои посты после падения империи, могли безнаказанно применять привычные для них способы давления на волю избирателей; энергичное участие духовенства в избирательной кампании обеспечивало во многих местах победу реакционных списков; крестьянские массы, бесконечно утомленные войною, жаждавшие мира во что бы то ни стало, интересовались не политическими убеждениями кандидатов, а их отношением к вопросу о войне; Париж, фактически отрезанный от провинции, лишенный возможности снабжать ее своими газетами, информацией, избирательными списками, был бессилён оказать даже малейшее влияние на исход выборов; наконец, попытка Гамбетты частично ослабить реакционеров, лишивши особым декретом избирательных прав всех чиновников империи, вызвала решительный протест Бисмарка и только привела к отставке Гамбетты (1). Таким образом, Национальное собрание, начавшее 13 февраля в Бордо свои заседания, оказалось на две трети монархическим и почти целиком (за исключением ничтожной группы левых республиканцев) консервативным.

Между тем в Париже избирательная кампания, хотя и приведшая к победе буржуазных радикалов или «ручных социалистов» типа Луи Блана, обнаружила новый подъем политической активности массы. Предвыборные собрания, оживленные дискуссии вокруг отдельных кандидатур и избирательных программ, деятельность бесчисленного множества избирательных комитетов — ЦК 20 округов, Республиканского комитета коммун Сен-

ского департамента, Республиканского Альянса, Ассоциации защитников республики, Антимонархической лиги, Республиканской ассоциации нац. гвардии и т. п.—все это создавало благоприятную атмосферу для оформления и уточнения политической программы передового пролетариата, размежевания революционеров и буржуазных радикалов, известной консолидации революционных сил и попыток их организационного объединения. В частности, намечается сближение между многими парижскими секциями Интернационала и революционными, главным образом бланкистскими, группировками. Протестуя против аполитичности Федерального совета, не принявшего участия ни в одном из выступлений парижского пролетариата в период осады, против его блока с буржуазными демократами во время выборов, эти секции даже откололись было от Федерации и образовали на короткое время (до второй половины февраля) второй федеральный совет (2), который, повидимому, принимал участие совместно с ЦК 20 округов в выработке единой социалистическо-революционной программы и попытке реорганизации революционных сил Парижа. В этой программе, которая требовала от каждого примкнувшего к ней социалиста активной борьбы за революционную Коммуну, низвержение господства буржуазии и установление власти пролетариата, были намечены следующие пути организационного единства: создание всюду, где они еще не существуют, социалистических революционных групп; федерация этих групп между собою; подчинение их центральному комитету; ведение в них усиленной пропаганды в пользу Международного товарищества рабочих (3).

20-го и 23 февраля происходят два общих собрания наблюдательных комитетов, которые во время осады были главными органами революционной активности пролетариата и которые теперь берут на себя организацию в каждом округе партийных ячеек. Выработанная ими резолюция гласила:

«1. Наблюдательные комитеты каждого округа немедленно приступают к своей реорганизации, устранив из своей среды все недостаточно социалистические революционные элементы.

2. Все члены наблюдательных комитетов должны одобрить своей подписью Декларацию принципов, принятую на заседании 19 февраля 1871 г.

3. Наблюдательные комитеты должны организационно оформиться и завести постоянное бюро, постоянное место заседаний и строгую отчетность.

4. Они обязаны сообщить Центральному комитету число членов каждого комитета, адрес бюро, часы его открытия, домашний адрес секретаря комитета.

5. Каждый член наблюдательного комитета уплачивает два раза в месяц взнос в 25 сантимов для покрытия расходов центральной делегации...

6. Каждый наблюдательный комитет обязан по мере возможности, в той или иной форме, организовывать в своем округе группы сочувствующих, которые путем полумесячных регулярных взносов будут усиливать его средства, и

7. Наблюдательные комитеты должны через посредство делегатов влить в свой состав все группы, существующие в их округах, за которыми они признают социалистическо-революционный характер».

Эта резолюция, особенно ее последний пункт, свидетельствует о вполне сознательном стремлении покончить с той распыленностью и хаотичностью революционных сил, которая была основной причиной неуспеха всех предшествовавших выступлений парижского пролетариата. Однако не следует преувеличивать значения этой самой по себе весьма интересной попытки. Она исходила по всем признакам от сравнительно узких бланкистских кругов и связанных с ними количественно ничтожных групп наиболее передовых рабочих; следовательно, при катастрофически быстром развертывании событий, втягивание в новую организацию сколько-нибудь значительных слоев революционного пролетариата вряд ли являлось возможным. Ведь в Париже, как указывает В. И. Ленин, «не было в то время подготовки и долгой выучки рабочего класса, который в массе даже не совсем ясно еще представлял себе свои задачи и способы их осуществления» (4). С другой стороны, как раз в это время происходит окончательное оформление еще одной организации, которая располагала более действенными средствами борьбы и влияния на массу и которая благодаря этому перетянула к себе из Центрального комитета 20 округов, наблюдательных комитетов и секций Интернационала самые активные, боевые их элементы. Мы имеем в виду Центральный комитет национальной гвардии.

Нац. гвардия, включившая в свой состав начиная с 4 сентября бо́льшую часть годного к военной службе мужского населения Парижа, представляла собою первоначально социально и политически крайне неоднородную массу, в которой, однако, в процессе революционной борьбы периода осады происходит, как мы видели, известная дифференциация — на «хорошие» (буржуазные) и «дурные» (пролетарские и мелкобуржуазные) батальоны. После заключения перемирия, когда около 60 тыс. наиболее зажиточных буржуа воспользовались первою возможностью, чтобы выехать из беспокойной столицы, количество батальонов «порядка» сократилось с 60 до 20 или 23, и преобладание рабочего эле-

мента обозначилось более резко даже в батальонах центральной части города, не говоря уже об окраинах, где нац. гвардия была сплошь пролетарской или полупролетарской. В лице своих выборных офицеров гвардейцы-рабочие имели не столько военных, сколько политических руководителей. Достаточно указать, что за активное участие в демонстрациях и восстаниях Правительство национальной обороны кассировало выборы или отставило около 900 офицеров нац. гвардии и что даже после этого во многих батальонах и легионных штабах преобладал бланкистский элемент. «Семейные» и административные советы, делегатские собрания для выборов командного состава, комиссии по вооружению и экипировке в известной степени способствовали втягиванию даже отсталой массы в общественную работу и служили для нее, наряду с клубами, своего рода школой политического воспитания. Вместе с тем эти советы являлись зародышевой формой будущей организации нац. гвардии, содействуя установлению связей между отдельными ее частями. Батальонные и легионные семейные советы несомненно облегчили возникновение ЦК нац. гвардии, который и сам нередко называл себя «большим семейным советом».

Толчком к возникновению Центрального комитета явился созыв 6 февраля — по частной и совершенно случайной инициативе какого-то журналиста — общего делегатского собрания нац. гвардии для обсуждения избирательных списков. Собрание, под председательством торговца Курти, одобрило список, представленный блоком Федерального совета Интернационала с тремя буржуазно-демократическими комитетами (5) и назначило на 15-е, ввиду возможности дополнительных выборов, второе заседание. Однако делегаты, которым к этому времени стал известен реакционный состав Национального собрания, явились 15-го уже убежденными в необходимости организованного участия нац. гвардии в политической жизни страны и защите Республики. Приняв наказ парижским депутатам с требованием добиваться в Национальном собрании осуждения членов правительства 4 сентября и Тьера, организации Комитета общественного спасения и возобновления войны с немцами в случае позорных условий мира, делегаты избрали из своей среды временную комиссию для выработки устава Федерации нац. гвардии. Через 9 дней комиссия могла уже предложить на обсуждение вновь созданных делегатов готовый проект устава, между тем как в течение этих 9 дней были проведены сходы по ротам и батальонам, а также распространены в 10 тыс. экземпляров воззвания временной комиссии с целью популяризовать самую идею федерации как военно-политического объединения нац.

гвардии под общим выборным руководством. 24 февраля временная комиссия была заменена временным центральным комитетом в составе 31 члена, среди которых были видные члены Интернационала (Варлен, Пенди), а 3 марта утвержден, после обстоятельного и насыщенного политическим содержанием доклада Арнольда, устав Федерации. Этот устав был однако несколько изменен делегатским собранием 10 марта, ввиду того, что к этому времени в Федерацию влилась другая, параллельная организация, возникшая под именем федерального республиканского комитета среди некоторых офицеров нац. гвардии, недовольных своим слабым представительством в ЦК или быть может сознательно стремившихся вызвать раскол в рядах сторонников федерации. В своем окончательном виде Федерация нац. гвардии была организована следующим образом: делегаты от каждой роты образуют батальонный совет или «круг»; делегаты всех батальонных советов данного округа составляют легионный совет; последний посылает своих представителей в центральный комитет. Помимо этих постоянно функционирующих органов раз в месяц созывается общее собрание делегатов, избираемых по ротам. Командный состав, участвуя наряду с рядовыми гвардейцами во всех общих выборах, имеет сверх того во всех перечисленных органах свое особое представительство.

Ко времени введения устава в жизнь Федерация успела охватить 215 батальонов из общего числа 270. Ее политическая физиономия, вначале несколько неопределенная и вызывавшая

подозрения со стороны Федерального совета Интернационала (6), теперь обозначилась вполне отчетливо. 3 марта общее делегатское собрание вынесло два важных решения, а именно: 1) о смещении всех начальников батальонов, которые откажутся подчиняться ЦК нац. гвардии, 2) о создании Сенским департаментом независимой республики в случае отказа Национального собрания перенести свои заседания в Париж. 10 марта в собрании председательствовал уже Пенди — явный признак установления тесной связи между Федерацией и Интернационалом, — и по докладу Арнольда была одобрена следующая программа политической деятельности Федерации:

«Французская республика — прежде всего; за нею — Всемирная республика; уничтожение постоянной армии и вооружение всей нации с тем, чтобы сила никогда не подавляла права;

уничтожение угнетения, рабства или диктатуры какого бы то ни было рода; вместо этого — суверенная нация, свободные граждане, управляющие собою по собственной воле;

устранение всяких королей, господ, навязанных сверху начальников, вместо этого — постоянно ответственные и отзываемые агенты на всех ступенях власти».

Здесь в несколько наивной и примитивной форме, отражавшей уровень политического сознания широкой массы нац. гвардейцев на данном этапе революционного движения, мы находим уже элементы той программы разрушения буржуазной государственной машины, которую должна была проводить в жизнь Парижская Коммуна. Впрочем, перед Федерацией нац. гвардии и ее Центральным комитетом стояла тогда более настоятельная задача, чем выработка теоретических программ: приходилось собирать все силы для отпора реакции, перешедшей в решительное наступление.

2. — Эта реакция была организована в виде Национального собрания, открывшего 13 февраля свои заседания в Бордо. Первые же его шаги обнаружили подлинное лицо нового властелина Франции. Избранное исключительно для заключения мира, Национальное собрание присвоило себе функции учредительного органа; объявило республику временной формой правления; избрало монархиста и палача рабочего класса Адольфа Тьера «главою исполнительной власти», наделив его обширными полномочиями; подписало позорный мир с пруссаками на условиях уплаты пятимиллиардной контрибуции и отторжения от Франции двух провинций — Эльзаса и Лотарингии; фактически

лишило Париж звания столицы, назначив Версаль местом своего постоянного пребывания, и издало последовательно еще три декрета, специально направленных против парижских рабочих и мелкой буржуазии: о лишении жалованья — 1½ франка в день — нац. гвардейцев, которые не подадут об этом письменного заявления с приложением свидетельства о нуждаемости; о прекращении отсрочки по квартирной плате, не вносившейся домовладельцам за все время осады; об уплате в двухнедельный срок по всем векселям, просроченным на основании моратория с августа 1870 г.

Все эти в сущности провокационные декреты только усиливали революционное брожение в Париже. Ответом на назначение Тьера и угрозу республике со стороны монархической «деревенщины» Национального собрания были грандиозные манифестации на площади Бастилии «в память мучеников 1830 и 1848 гг.», организованные с 23 февраля по инициативе клубов (7) и длившиеся при участии нац. гвардии и отдельных частей регулярных войск в течение нескольких дней. Вслед затем известие о предстоящей оккупации немецкой армией одной части города (Елисейских полей), начиная с 1 марта и до ратификации мира Национальным собранием, довело всю парижскую массу до высшей степени возбуждения. С 25 февраля, сначала стихийно, затем под руководством временного ЦК (8), женщины, дети, нац. гвардейцы, вся разношерстная масса парижского населения начинает буквально на руках перетаскивать орудия, расположенные в зоне будущей оккупации, на высоты рабочих предместий, где эти орудия были разбиты на батареи и поставлены под защиту специально возведенных баррикад. Почти одновременно идет захват нац. гвардией артиллерийских, оружейных и пороховых складов и их концентрация в тех же предместьях. Эти грозные военные приготовления, которым парижские власти, несмотря на все усилия, не могли помешать (9), казались сначала направленными против немцев, на случай прекращения перемирия. Клубы и многие батальоны нац. гвардии даже вынесли решение двинуться всей массой против оккупантов, когда те вступят в пределы города. Только авторитетное вмешательство ЦК нац. гвардии помогло предотвратить неминуемое кровопролитие. Действуя в полном контакте с Интернационалом и другими рабочими организациями и по их настоянию, ЦК опубликовал воззвание, призывавшее население к выдержке, где было между прочим сказано:

«Всякое нападение только послужит предлогом для нанесения народу ударов, которые потопят в потоках крови его требования. Мы помним июньские дни.

Нападение может привести к низвержению респуб-
блики» (10).

Здесь уже видно, как сквозь толщу патриотических, анти-
немецких настроений пробивается наружу революционная основа
всего движения. Занятие немцами части Парижа революционеры
рассматривают как провокацию правительства с целью вызвать
восстание, которое могло бы закончиться только повторением
июньских дней 1848 г. Они были правы в том отношении, что
столкновение с немцами, действительно, было бы весьма на руку
для правительства, которое уже в конце февраля могло убедиться
в своей собственной слабости в Париже. Братание солдат с
народом на площади Бастилии, разоружение полицейских во
многих частях города, безнаказанное освобождение нац. гвар-
дейцами из тюрьмы Сент-Пелажи революционных командиров
Брюнеля и Пиацца, арест теми же гвардейцами генерала-началь-
ника 2-го парижского сектора, неоднократный отказ буржуазных
батальонов нац. гвардии выступить против «врагов порядка»
(11) — все эти признаки разложения и падения авторитета
правительства, заставляли его торопиться с ускорением развязки.
Его представители в Париже — губернатор Винуа, министр
внутренних дел Пикар, мэр города Ж. Ферри и генералитет —
решили на своем совещании немедленно после ухода немцев, т. е.
3 марта, приступить к операции по разоружению рабочих. Однако
Тьер, который, находясь в Бордо, тем не менее лучше видел дей-
ствительное положение дел, телеграфно предложил пока воздер-
жаться от нападения впредь до присылки подкреплений. Он счи-
тал необходимой «серьезную» репрессию, которая позволила бы
радикально разгромить революционное движение и которая по-
этому требовала такой же серьезной подготовки. Он назначает
префектом полиции жандармского полковника Валянтена, а
командующим парижской нац. гвардии Орель де-Паладина, без-
дарного генерала, смещенного Гамбеттой, но имевшего репутацию
«неумолимого», и одновременно отдает распоряжение направить
в Париж из Гавра, Шербурга, Лаваля, Пуатье, Шатору и Ла-
рошели все находившиеся там военные части, в общем не менее
36 тыс. солдат, причем Бисмарк, вопреки условиям пере-
мирия, любезно согласился пропустить все
воинские поезда в парижском направлении. Лю-
бопытны инструкции, которые Тьер одновременно посы-
лает военному командованию и которые только в Верса-
ле во время второй подготовки разгрома революции будут
успешно осуществлены: войска не следует распылять по городу;
а держать крупными частями; непрерывно их инспектировать;
тщательно следить за их «моральным» состоянием; содержать их

наилучшим образом, «чего бы это ни стоило». Для перевоору-
жения этих войск, а также жандармерии и полиции у немцев
была приобретена большая партия усовершенствованных ружей
(шаспо), немедленно направленных из Майнца в Париж. Нако-
нец, с целью обработки «общественного мнения» в провинции,
Тьер рассылает 4 марта депеши следующего содержания:
«Преступное восстание организуется в этот момент в Париже.
Я посылаю туда силы, которые в соединении с благонамеренной
нац. гвардией и другими находящимися уже там регулярными
частями подавят, я надеюсь, эту гнусную попытку» (12). В Па-
риже тем временем полицейских сводят в крупные бригады,
готовят аресты членов ЦК нац. гвардии и других революционных
организаций, посылают в рабочие кварталы переодетых в штат-
ское офицеров ген. штаба для изучения расположения баррикад
и снятия плана укреплений, устраивают смотры войскам в Тро-
кадеро и на Марсовом поле. Около 10 марта парижские власти,
очевидно, считали свои приготовления законченными. В то время
как Пикар угрожающе заявляет, что «члены ЦК рискуют своими
головами», а Орель де-Паладин объявляет в специальном воз-
звании «о своей твердой воле энергично подавить все, что может
нарушить спокойствие города», Винуа закрывает шесть наиболее
левых газет без права выхода под каким-либо другим названием,
а военный суд приговаривает к смерти за участие в событиях
31 октября Бланки, Флуранса, Левро и Сирилля, оказавшихся,
правда, вне пределов досягаемости.

Таким образом, к провокации Бордоского собрания при
помощи реакционных декретов правительство Тьера присоеди-
няет провокацию политикой «мер строгости». Однако положение
его вовсе не было блестящим. ЦК нац. гвардии, недостижимый
для жандармов и полиции за баррикадами рабочих кварталов,
в ответ на угрозы и репрессии принимает свои контрмеры. Он
заканчивает концентрацию в своих руках артиллерии и военного
снаряжения; организует свои военные сектора и назначает ра-
бочего-бланкиста Дюваля генералом нац. гвардии; отдает рас-
поряжение о разоружении всех батальонов, отказавшихся под-
чиняться его власти; смещает целый ряд реакционных офицеров
нац. гвардии, организуя вместе с тем во многих батальонах
перевыборы командного состава, наконец, выпускает пламенное
воззвание к солдатам с призывом не подчиняться своим коман-
дирам, когда те прикажут им стрелять в парижский народ, и
объединиться с последним для спасения республики.

Это воззвание, расклеенное на стенах казарм, охотно чита-
лось солдатами, которые к ужасу своего начальства начинали
обнаруживать и другие признаки разложения. В отдельных ча-

стях солдаты арестовывают своих офицеров и — что всего любопытнее — доставляют их для суда в ЦК нац. гвардии, решения которого становятся для них авторитетными. 8 марта на площади Пигаль ими едва не был повешен один офицер по обвинению в растрате солдатского жалованья. После смотра 12 марта, подтвердившего общее впечатление о ненадежности многих частей генералы заявили, что не ручаются за своих солдат, если их немедленно не изолируют от парижского населения. Все это, а также неудачные попытки некоторых «радикальных» мэров, вроде Клемансо, добиться от ЦК добровольной сдачи властям артиллерии вызвало отсрочку еще ранее решенной атаки на рабочие кварталы.

Наконец 16 марта на Совете правительства с участием Тьера и всех министров, приехавших из Бордо, была решена генеральная атака, план которой был окончательно утвержден 17-го на совещании всего генералитета. Немедленно по окончании совещания, в час ночи, войска, предшествуемые полицейскими и жандармерией, были двинуты на Монмартр, Бельвиль и Шомонские высоты, где находились главные артиллерийские парки нац. гвардии. Войска имели задание оцепить рабочие кварталы, завладеть и вывезти в центр Парижа орудия, в то время как полиция и жандармерия, под руководством полицейских комиссаров, должны были произвести многочисленные обыски и аресты по заранее заготовленным спискам. Рано утром 18-го передвижение войск закончилось, и вся операция, не встречая сколь-нибудь серьезного сопротивления со стороны застигнутых врасплох нац. гвардейцев, начала уже осуществляться.

Однако при первых криках тревоги разбуженное население высыпало на улицы. Действующие части были буквально окружены женщинами, детьми, нац. гвардейцами, поднимавшими приклады своих ружей кверху с дружественными возгласами в честь солдат, с упреками и проклятиями по адресу их офицеров. Несмотря на усилия последних сохранить дисциплину в своих частях и заставить их открыть огонь по толпе, солдаты точно также поднимают ружья прикладами вверх или отдают их окружающим. Начинается почти повсеместное братание солдат с народом. Некоторые части арестовывают своих командиров. — в частности так был арестован один из руководителей операции генерал Леконт со своим штабом, — и отводят их в ближайший наблюдательный комитет (13). Уже захваченные было орудия возвращаются на место, разрушенные баррикады восстанавливаются, один из жандармских отрядов принужден выпустить из рук первую свою добычу — трех арестованных им членов ЦК — и сам попадает в плен к нац. гвардейцам, отряды войск, еще

сохранившие кое-какую дисциплину, поспешно покидают высоты и отводятся своими офицерами за Сену, откуда Винуа подготавливает их дальнейшее отступление — на Версаль. К 11 часам утра правительству стало ясно, что его великолепный, во всех деталях продуманный план потерпел полное крушение. Нужно было спасти главную опору власти — армию, прежде чем ее неповиновение не превратилось в открытый мятеж, спасти аппарат власти — министерства, полицию, средства связи с провинцией, прежде чем победоносное восстание им завладеет, разрушит или использует в своих интересах.

Действительно, надежды на успешную борьбу с восстанием внутри города не было никакой. Помимо полного почти разложения армии, на Тьера произвело огромное впечатление то обстоятельство, что буржуазная нац. гвардия совершенно не откликнулась на призыв правительства и не явилась помочь ему, хотя сбор били неоднократно в течение утра во всех зажиточных кварталах. Это был беспрецедентный в истории случай, когда власть принуждена была отдать Париж в руки восстания почти без боя. Вопреки мнению всех членов правительства и парижского мэра, Тьер настоял на спешной эвакуации всех военных сил и аппарата

управления в Версаль, куда он бежал первым под охраной жандармского конвоя.

Между тем в рабочих предместьях после первого чисто стихийного движения массы, которой удалось отстоять свои пушки, появляются при дальнейшем разворачивании событий известные признаки организованности и руководства со стороны Центрального комитета. Постепенно члены ЦК сходятся на место своих обычных заседаний, в здание школы на улице Бафруа, устанавливая связь с товарищами, действовавшими в отдельных округах — с Варленом в 17-ом округе, Дювалем в 13-ом, Пенди в 3-ем, Моро в 4-ом, Бержере в 18-ом — собирают отовсюду информацию, стараются ориентироваться в создавшейся обстановке, отдают распоряжения. Около трех часов дня батальоны Батиньоля (17-й окр.) и Монмартра (18-й), подчиняясь приказу ЦК, начинают движение в центр, к Вандомской площади, где занимают генштаб. В то же время Брюнель захватывает Национальную типографию, разоружает солдат в казарме Наполеона и, соединившись с отрядом Пенди, окружает со всех сторон здание Ратуши. Наконец, после занятия Дювалем полицейской префектуры важнейшие позиции города оказываются в руках пролетарских батальонов, которые окружают баррикадами все захваченные ими пункты. Поздно вечером Центральный комитет переносит свои заседания в Ратушу, над которой уже развевалось красное знамя. Париж имел новое правительство, и при том на этот раз — впервые в истории — правительство пролетариата.

На основании новейших данных (14) можно теперь считать вполне установленным, вопреки распространенному мнению, что ЦК нац. гвардии, по крайней мере во вторую половину дня 18 марта, действительно руководил движением. Но не он это движение вызвал, его значения и размеров не предвидел и к нему не готовился. Все приготовления ЦК в предшествовавшие дни имели своей единственной задачей дать отпор реакции в случае ее нападения, организовать силы парижского пролетариата для защиты республики, но отнюдь не начинать социальную революцию, для которой обстановка, ввиду наличия немецкой армии у самых стен Парижа и отсутствия связей с пролетариатом провинции, совсем не была благоприятной. С другой стороны, будучи по своему социальному составу подлинным выражением парижской трудящейся массы, ЦК насчитывал в своей среде лишь единичных лиц — Варлена, Пенди, Моро, — искусственных в политической борьбе, достаточно энергичных и относительно более пригодных к роли руководителей пролетарской революции. Для ЦК в целом эта роль была явно непосильной, и он поэтому в первый же день сделал ряд непоправимых ошибок. Он не распо-

рядился занять министерства, откуда беспрепятственно шла эвакуация в Версаль; не захватил Французского банка и Центральной почты, директор которой оставался на своем посту до 30 марта; не подумал об аресте министров, оставшихся до самого вечера в Париже; назначил начальником всех вооруженных сил Парижа проходимца и предателя Люлье только потому, что тот первым явился предложить Комитету свои услуги «военного специалиста»; оставил открытыми ворота Парижа, через которые непрерывно уходили в Версаль регулярные войска с громким ропотом и озлобленными ругательствами по адресу сопровождавших их жандармов. Наконец, ЦК по непонятной причине не позаботился немедленно информировать провинцию о событиях и дал возможность «Официальной газете» ночью напечатать, а затем распространить свою клеветническую версию, в которой ЦК назывался органом бонапартистов или пруссаков и обвинялся в преднамеренном убийстве генералов Леконта и Тома, в действительности расстрелянных в общей суматохе неорганизованной толпой солдат и нескольких нац. гвардейцев.

Все эти ошибки, углубленные и умноженные в последующие дни, не могли не ухудшить положения Парижа и не отразиться губительным образом на исходе революции. Но они несколько не меняют общего итога событий 18 марта. В этот день власть перешла из рук буржуазии в руки пролетариата: «славная рабочая революция безраздельно владела Парижем» (Маркс). «Борьба рабочего класса с классом капиталистов, — писал Маркс по поводу последствий 18 марта, — вступила в новую фазу. Как бы дело непосредственно на этот раз ни кончилось, новый исходный пункт, имеющий всемирно-историческое значение, все-таки завоеван». Этой новой фазой, новой главой в истории рабочего революционного движения явилась диктатура пролетариата.

ПРИМЕЧАНИЯ

(1) 6 февраля. Отставке Гамбетты предшествовала борьба между парижской и бордоской частями правительства. Пикар, отправленный из Парижа в Бордо с целью подорвать влияние Гамбетты, добился успеха, опираясь на могущественную поддержку Бисмарка, который в то время являлся настоящим властелином Франции.

(2) Инициатором раскола был Серайе, посланный еще 4 сентября в Париж. Генеральным советом Интернационала для связи с парижской организацией. См. Н. Лукин, Новое о Коммуне («Борьба классов», № 1, 1931 г. стр. 64 сл.).

(3) Bourgin, цит. статья, стр. 15 — 17.

(4) Собр. соч. т. XV, стр. 159.

(5) Республиканский Альянс, Республиканский союз и Комитет защитников республики. Протокол этого и всех последующих собраний напечатан в «Enquête parlementaire sur l'insurrection du 18 mars», III.

(6) См. протокол Фед. совета от 1 марта в «Enquête parlementaire sur l'insurrection du 18 mars».

(7) Донесение префекта полиции Тьеру от 23 февраля, напечатанное у Ch. Yriarte. Les prussiens à Paris et le 18 mars. Paris, 1871, p. 158. Все дальнейшее изложение событий конца февраля опирается главным образом на серию весьма интересных правительственных телеграмм, помещенных в этой книге.

(8) Yriarte, p. 36.

(9) Ibid, p. 28. Властям не удалось даже попытка добиться по крайней мере, чтобы пушки были переданы нац. гвардии буржуазных кварталов, которые собрали по подписке средства для изготовления этих пушек во время осады.

(10) Bourgin, цит. статья в «Revue historique», p. 32. Ср. аналогичное и почти пождественное по форме обращение Федерального совета, подписанное Гулле, Пенди, Валлэсом, Роша, Беле, Авриалем, Ант. Арно и др. Yriarte, 99 sq.

(11) Yriarte, pp. 34, 35, 38, 39.

(12) Frédéric. Damé. La résistance, les maires, les députés de Paris et le Comité Central. P. 1871, p. 260.

(13) Леконт был несколько позже расстрелян своими же солдатами, возмущенными его жестоким обращением, а также неоднократными приказами стрелять в женщин и детей. Вместе с ним был расстрелян Клеман Тома, один из палачей рабочих в июне 1848 г.

(14) Bourgin. Les premières journées de la Commune, Paris 1928.—Laronze, Histoire de la Commune, P. 1928, p. 9—12.

РАЗВИТИЕ ДИКТАТУРЫ ПРОЛЕТАРИАТА

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ НАЦИОНАЛЬНОЙ ГВАРДИИ И ВОЗНИКНОВЕНИЕ КОММУНЫ

1.— Победа пролетариата в Париже была неполной, пока в ближайшем соседстве с ним, в Версале, существовало Национальное собрание «деревенщины», правительство Тьера, эвакуированные из столицы министерства, полиция, жандармы, обломки регулярной армии — словом, весь аппарат государственной власти, хотя и сильно потрепанной событиями 18 марта, но обладавшей еще значительными ресурсами для продолжения борьбы и сохранившей в своих руках важнейшие рычаги управления страной.

Центральный комитет нац. гвардии, который волею огромного большинства трудящегося населения столицы оказался во главе революции, обязан был при таких условиях проявить максимальную энергию и решительность: провозгласить себя революционным правительством всей Франции, уничтожить очаг контрреволюции в Версале, пока последняя не успела организовать свои силы, объявить о созыве нового Собрания, поскольку существующее исчерпало заключением мира с пруссками свои полномочия, поднять восстание в промышленных центрах и при помощи ряда подлинно революционных декретов завоевать симпатии и поддержку трудящихся масс всей страны.

Центральный комитет всего этого не сделал. Он не бросил немедленно своих сил на Версаль, хотя вопрос об этом уже 19-го был поднят членом ЦК Дювалем и некоторыми начальниками батальонов. Он не обеспечил за собой и в дальнейшем возможности успешного нападения на Версаль, путем захвата форта Мон-Валерьян, господствовавшего над парижско-версальской дорогой, хотя его внимание и обращали на важность овладения этой ук-

репленной позицией (1). Он в первой же своей прокламации опубликованной на следующий день после революции, объявил, что «не претендует занять место правительства, только что опрокинутого народной стихией», что он считает свои полномочия законченными и что он сохраняет за собой Ратушу — освященное традицией место пребывания каждой революционной власти в Париже — только впредь до производства «коммунальных выборов». Словно опасаясь, что его все же будут считать правительством, ЦК неоднократно подчеркивал и в ряде других своих деклараций — к департаментам, к нац. гвардии, ко всему парижскому населению, — что «считает долгом простой порядочности остаться точно в узких границах полученных им полномочий», которые состоят исключительно в подготовке и организации выборов в Коммуну. И наконец, грубейшая ошибка, которая уже сама по себе должна была повести к поражению революции, — он вступил с мэрами и депутатами Парижа в затяжные переговоры в таких условиях, которые делали эти переговоры заведомо бесплодными и пагубными для революции, в то время как реакции они дали возможность прийти в себя после понесенного поражения и собраться с новыми силами для наступления против Парижа.

Не то, чтобы тактика соглашений и компромиссов с врагами революции со стороны только что возникшей власти пролетариата была вообще говоря принципиально недопустимой или в тот момент неправильной. Наоборот. «Принимать бой, — писал Ленин, — когда это заведомо выгодно неприятелю, а не нам, есть преступление, и никуда не годны такие политики революционного класса, которые не сумеют проделать «лавирование, соглашательство, компромиссы», чтобы уклониться от заведомо невыгодного сражения» (2). Эти слова величайшего стратега революционной борьбы как нельзя лучше относятся к тому положению, в котором находился тогда Центральный комитет. Не говоря уже о явной организационной и теоретической неподготовленности французского пролетариата к решительной схватке с буржуазией, нельзя упускать из виду и того «решающего неблагоприятного случая», о котором писал Маркс Кугельману, — «присутствия в пределах Франции и у ворот самого Парижа пруссаков» (2а). «Присутствие пруссаков», независимо от первых успехов Центрального комитета, не могло не оказать угнетающего влияния на революцию, не могло не служить для нее постоянной угрозой.

Действительно, нетрудно ведь показать, что пруссаки при желании могли бы без затраты больших усилий принудить революционный Париж к вторичной капитуляции. Хотя они, сог-

ласно условиям мира, начали уже освобождение парижских фортов, но северо-восточные укрепления, которые господствовали над рабочими предместьями, оставались еще в их руках и давали им возможность возобновить при первой необходимости осаду с еще большими шансами на успех. Это было настолько очевидно, что русская реакционная газета «Сын отечества», еще не осведомленная о первых шагах Центрального комитета, писала 23 марта: «Красные, повидимому, забывают, что немецкие войска еще занимают северные и восточные форты города и что орудия этих фортов господствуют над Парижем, который они могут в продолжение одних суток превратить в развалины» (3). Не многим лучше дело обстояло и в провинции, где немецкое командование точно также располагало могущественными средствами, чтобы задушить первые признаки революции, если бы она перекинулась в занятые ими департаменты, а также чтобы оказать существенную помощь французской реакционной буржуазии и в незанятых немцами департаментах. К моменту парижской революции немецкая оккупация еще распространялась на 36 департаментов, объявленных на военном положении и управлявшихся немецкими префектами. «Пруссаки... хорошо нас охраняют, — доносил Версальскому правительству первый пред-

седатель Нансийской судебной палаты. — Они страшатся всего, что могло бы нарушить повиновение и спокойствие, и задушили бы с крайней строгостью первые признаки даже законного волнения, и этой уверенности самой по себе достаточно, чтобы помешать проявлению... преступных намерений. Таким образом, можно сказать, что иностранная оккупация, будучи для нас кошмаром и разорением, является зато, как бы в виде компенсации, нашим спасением» (4). Точно также председатель Амьенской палаты писал: «Оккупация прусской армией департаментов Соммы, Уазы и Эна... не позволяла парижскому восстанию ни получить, ни даже надеяться на получение активной поддержки» (5). Таким образом, немцы, опираясь на широкую базу оккупированной ими части Франции, держали под ударом остальные департаменты, подобно тому как они держали под ударом Париж.

Но возникает вопрос: захотели ли бы немцы использовать свои силы для борьбы с революцией и пойти, таким образом, на вмешательство во внутренние дела Франции? В этом теперь нет, да и тогда не могло быть никаких сомнений. Мы видели, какое содействие уже в начале марта оказывало прусское командование «законному правительству Франции», когда речь шла еще только о предотвращении угрозы революции в Париже. После же того как эта революция совершилась, и правительствующие классы Германии проявили сильное беспокойство. Им приходилось серьезно опасаться и за «судьбу порядка у себя дома», и за выполнение Францией условий мирного договора. Если о первом упоминалось только в буржуазной немецкой прессе, то второе служило предметом оживленной дипломатической и частной переписки. «Мы в высшей степени заинтересованы в том, чтобы свободно избранное Францией Собрание... и правительство, с которым мы заключили предварительный договор о мире, остались у власти и не были сброшены каким-нибудь другим правительством, которое может снова все поставить под вопрос, — писал фельдмаршал Мольтке. — До тех пор, пока французское правительство не подчинит себе Парижа, оно не сможет восстановить свой авторитет в стране и приобрести финансовый кредит, без которого невозможны предстоящие ему колоссальные платежи» (6). Неудивительно, что при первом известии о парижских событиях Бисмарк немедленно предложил свои услуги для ликвидации «парижского мятежа», а Мольтке разработал план немецкой интервенции (7). Из частной переписки Бисмарка мы узнаем, как реагировал вершитель судеб Германии на революцию 18 марта. «В присутствии затруднений, созданных для французского правительства парижским движением, — писал он 24 ап-

реля, — у нас с первого же момента явилось намерение положить конец теперешнему положению Франции при помощи интервенции». Ему только не хотелось оказать эту услугу правительству Тьера помимо его желания, ибо это могло бы, по мнению Бисмарка, привести к сближению всех партий и фракций французской буржуазии и даже к их объединению против Германии (8). С другой стороны, Бисмарк имел в виду получить за помощь Версалью вознаграждение, которым явилось бы сокращение сроков уплаты пятимиллиардной контрибуции, на что Тьер вначале не соглашался. Вот почему, пока Версальское правительство торговалось с немцами и отклоняло мысль об интервенции, опасаясь неблагоприятного впечатления, которое открытое вмешательство оккупантов могло бы произвести на патристически настроенные массы в провинции, командующий оккупационной армией под Парижем, генерал Шлотгейм счел необходимым заявить Центральному комитету о своем нейтралитете. Последующие события показали, какую цену можно было придать этому заявлению. Известно, что прусское командование сделало с своей стороны все возможное, чтобы облегчить и ускорить победу Версаля. Не говоря уже о том, что Бисмарк предоставил Тьеру необходимые военные силы для борьбы с Парижем, вернув из Германии французских военнопленных, из которых была сформирована армия «порядка», немцы не постеснялись, вопреки своим заявлениям о нейтралитете, принять активное участие в блокаде Парижа версальцами. В донесении русского посла Окунева своему правительству от 1 мая мы находим на этот счет следующее прямое указание: «С некоторых пор, — пишет Окунев, — немецкие власти начали способствовать ведению осады, захватывая для собственных нужд все предназначенное для Парижа продовольствие при провозе его через северную и восточную границы. Однако по этому поводу не было заключено никакого соглашения, и участие немецких властей в блокаде Парижа совершается без какого-либо побуждения их к тому французским правительством. Это участие — добровольно и, кажется, порождается исключительным желанием как можно скорее покончить с мятежом» (9).

Что и в провинции немецкие оккупанты совсем не собирались оставаться пассивными зрителями гражданской войны, доказывает, помимо уже ранее приведенных свидетельств, тоя успешностью, с какой они откликнулись в занятых ими городах на известия о парижских событиях. Так, например, в Дижоне, почти немедленно после получения сообщения о перевороте, было расклеено на стенах следующее грозное предостережение, помеченное 20 марта:

«В департаментах, оккупированных немецкими войсками, остается в силе и будет попрежнему сурово применяться военное положение. Население должно иметь это в виду, дабы не возникла необходимость в употреблении столь же необходимых, как и обоснованных военных мер».

Подписано: «Комендант Веделе» (10).

Итак, немецкая интервенция, в случае начала гражданской войны во Франции, была совершенно неизбежной. «А это знали, — писал Маркс 17 апреля, — и версальские буржуазные каналы. И поэтому-то они и поставили пред парижанами альтернативу — либо вступить в борьбу, либо сдаться без борьбы» (11). Но это прекрасно понимали и сами парижане, по крайней мере их руководящая верхушка. Артур Арну, который сам был непосредственным участником революции, делает на этот счет совершенно определенное указание в своей «Народной и парламентской истории Парижской Коммуны»: «В игре Тьера был только один, но ужасный козырь — пруссаки! С ними ему нечего было бояться. Победоносная на один день революция, которой он даже не пытался сопротивляться, которую он поджидал в Версале с саквояжем под мышкой, все равно разбилась бы на другой день об острия немецких касок. Имея за себя пруссаков, он мог бы ее раздавить и поднять против нее остальную часть страны, крича ей: «вы видите этих революционеров, этих социалистов; вот кто предаст отечество чужеземцам, кто обрекает нас на самые большие унижения, на самые тяжелые уступки. Они — соучастники Бисмарка, они им подкуплены, они сами пруссаки!»... Эти соображения, этот страх перед прусской интервенцией преобладал над всеми заботами Центрального комитета, оказывал давление на все его решения» (12).

В этих словах имеется, конечно, значительная доля преувеличения, но несомненно, угроза интервенции, а также другие затруднения, созданные для революционного Парижа немецкой оккупацией (отсутствие регулярной связи с провинцией, зависимость столицы в продовольственном отношении от прусских войск, контролировавших важнейшие железнодорожные пути и т. п.), учитывались руководящими революционными кругами, в частности бланкистами, влияние которых в Центральном комитете было наиболее сильным и которые теперь выступают решительными сторонниками соглашения с радикальной буржуазией. Дело в том, что 20 марта мэры и депутаты Парижа опубликовали афишу, в которой они предлагали Версальскому национальному собранию заключить с революционной столицей соглашение на следующих условиях: выборы начальников националь-

ной гвардии и выборы в муниципальный совет Парижа на основе всеобщего избирательного права. Согласие Версаля на эти условия фактически означало бы признание правительством совета Коммуны, как завоевания революции 18 марта, признание известной независимости Парижа от реакционной власти, сохранение в руках пролетариата оружия и самостоятельной военной (гвардейской) организации. Рабочий класс получил бы таким образом более или менее длительную передышку, столь необходимую ему для подготовки и концентрации своих сил. Вот почему даже такие убежденные революционеры, как бланкист Жаклар, стояли за соглашение с Версалем на основе предложения мэров и депутатов, совершенно не подозревая того, что это предложение было сделано единственно с целью оттянуть выборы в Коммуну и сделать невозможным немедленное наступление национальной гвардии на беззащитный в тот момент Версаль (13). Вот почему также Центральный комитет 20 парижских округов, в составе которого было немало непримиримых «социалистов-революционеров», на своем заседании 21 марта единогласно вынес резолюцию в духе «политического соглашения со всеми живыми силами демократии». «Собрание делегатов 20 округов, — читаем мы в этой резолюции, — предлагает свое полное содействие Федеральному комитету национальной гвардии, заседающему в Ратуше, приглашает Комитет придерживаться решения о возможно более скором начале выборов коммунальной администрации и уполномочивает своих делегатов сделать все, чтобы эта цель была достигнута совместно с Центральным комитетом, парижскими депутатами и муниципалитетами» (14).

Такую же примирительную позицию по отношению к буржуазии заняла вся парижская революционная пресса без различия оттенков и направлений. «Коммуна, это — порядок, экономия в расходах, открытая дверь к социальным реформам», — пишет газета «Коммуна» 20 марта: «Это, одним словом, означает, что эра насильственных революций закончилась, и гражданская война стала невозможной» (15). — «Мы не перестанем рекомендовать вооруженному народу великого республиканского города благоразумие», — с своей стороны заявляет орган Паскаля Груссе и Арт. Арну «Новая республика» (16). — Жюль Валлес в своем «Cri du peuple» точно так же советует Центральному комитету спокойствие и выдержку и убеждает его «оставаться незаинтересованным посредником между народом и буржуазией». — «Колокол призывает к труду, — пишет он 21 марта, — а отнюдь не к борьбе» (17). А популярная в рабочих кругах бланкистская газета «Отец Дюшен», высказываясь по своему

высокомерие этих мэров и депутатов, которые в качестве «законных народных избранников» считали его членов выскочками, узурпаторами и отказывались договариваться с ними, как равные с равными. Центральный комитет довел свое благоразумие и осторожность до того, что во время переговоров с буржуазией выдвинул самые минимальные политические и социальные требования. «Мы хотим, — заявил от имени ЦК Варлен, — не только выборного муниципального совета, но и серьезных муниципальных вольностей, уничтожения полицейской префектуры, права для нац. гвардии назначать самой своих начальников и реорганизовываться, провозглашения республики законной формой правления, полного аннулирования задолженности по квартирной плате, справедливого закона о платежах по векселям, запрещения армии доступа на парижскую территорию». А бланкист Дюваль в прокламации, подписанной им в качестве делегата при полицейской префектуре, проявляет еще большую осторожность. «Париж требует, — пишет он, — 1) избрания парижской мэрии; 2) избрания мэров, их помощников и муниципальных советников от двадцати округов города Парижа; 3) избрания всех командиров нац. гвардии от первого и до последнего; 4) Париж отнюдь не имеет намерения отделиться от Франции, совсем напротив: он терпел ради нее империю, Правительство национальной обороны, его предательство и трусость. И конечно теперь не покинуть ее он имеет в виду, но только сказать ей в качестве старшей сестры: «Держись сама твердо, как держался я; воспротивись гнету, как я воспротивился» (19). Это можно было понять как готовность Парижа ради Франции терпеть и правительство Тьера, и Собрание «деревенщины», если Франция сама не выступит против гнета и, подобно Парижу, не свергнет угнетателей. Легко также заметить, что прокламация Дюваля не выдвигала в сущности никаких новых требований по сравнению с требованиями мэров и депутатов от 20 марта. Дальше идти в смысле уступок было, действительно, некуда.

Но без указанной Марксом гарантии успешности переговоров с версальцами — захвата Французского банка (да и других крупнейших предприятий буржуазии) — все эти уступки, на которые пошел или готов был пойти Центральный комитет, производили впечатление бесполезных жертв, только способствовавших затягиванию переговоров и тем ухудшавших стратегические позиции пролетариата в предстоящей борьбе. Неудивительно, что парижская рабочая масса, национальная гвардия, красные клубы, различные революционные комитеты, самопроизвольно возникшие в округах после 18 марта, инстинктивно чувствуя какую-то огромную ошибку, допущенную в применении соглашательской тактики,

не понимали и не одобряли уступчивости Центрального комитета, которую враги склонны были рассматривать как признак бессилия. В клубах даже начинали поговаривать о том, чтобы «дезавуировать людей, сидящих в Ратуше, если и они предадут народ, а в случае необходимости и расстрелять их» (20). Особенно возмущало гвардейскую массу затягивание переговоров о выборах в Коммуну. «Вы должны понять, — заявил мэрам и депутатам представитель ЦК Ранвье, — что мы не единственные хозяева положения: за нами стоят наши люди, утомленные восьмидневным напряжением, и торопят нас покончить со всем этим; они уже обвиняют нас в отсрочке выборов, первоначально назначенных на 22-е. На нас производят давление, мы не можем больше ждать» (21).

Отчасти этим давлением объясняется, что Центральный комитет в последний момент отказался освободить Ратушу, на что его делегаты, повидимому, дали раньше согласие. Именно этим объясняется также, что ЦК, вопреки своим собственным декларациям, осуществляя целый ряд правительственных функций, выступал как государственная власть.

19-го он отменяет в Париже военное положение, декретирует амнистию за политические преступления, декретирует отмену военных судов в армии, назначает своих делегатов в различные министерства, полицейскую префектуру, административные и муниципальные учреждения, превращает «Официальную газету французской республики» в свой официальный орган.

20-го он выпускает на свободу 1 200 солдат, находившихся в военной тюрьме. 21-го он приостанавливает продажу с аукциона заложенных в ломбарде вещей и выносит решение выдать бесплатно вещи, заложенные на сумму менее 20 франков. 23-го он рассматривает вопрос об аннулировании задолженности по квартирной плате, причем, хотя он постановляет передать на окончательное решение Коммуны одобренный им проект, но делегат при министерстве внутренних дел Грелье фактически проводит этот проект в жизнь, не дожидаясь Коммуны. 20 марта, в качестве «фактически существующего правительства», он получает в Французском банке один миллион, а у Ротшильда — заем в 500 тыс. 24-го он посылает в банк два батальона, чтобы вынудить уплату аванса в счет второго обещанного ему миллиона. Наконец, он прибегает к реквизициям обуви, одежды, продуктов, необходимых для содержания нац. гвардейцев и солдат, не пожелавших уйти в Версаль вместе со всей армией; смещает муниципальных чиновников, отказывающихся подчиняться его распоряжениям; издает приказы, направленные к поддержанию революционного порядка в городе; арестовывает некоторых видных бюрократов, случайно

застрявших в Париже, и множество политически подозрительных лиц. Все это были уже чисто правительственные акты, вынуждаемые частично отсутствием всякой другой власти в городе, частично давлением снизу, со стороны революционной массы.

Политика Центрального комитета, таким образом, была полна противоречий, и уже одно это было губительным для дела революции.

2. — В Версале, наоборот — никаких колебаний, решительное отрицание политики компромиссов, твердое намерение собственными силами или, на худой конец, силами оккупантов покончить раз навсегда с революционным очагом в Париже. Реакционной буржуазии, собравшейся в Версале, нельзя отказать в проницательности и хорошем классовом чутье. Она поняла сразу, гораздо раньше, чем либеральные политики, что не требование муниципальных вольностей, а борьба за социальное и политическое освобождение пролетариата лежит в основе движения 18 марта (22). В соответствии с этим Национальное собрание уже 21-го опубликовало воззвание «к гражданам и солдатам», в котором оно заверяло их, что «не поддастся слабости, которая лишь усиливает зло» и ни в коем случае не пойдет на соглашение с парижскими «преступниками». С своей стороны Тьер и его министры предупредили по телеграфу провинциальные власти, что никакие распоряжения «мятежного правительства в Париже» не должны приниматься во внимание; предписали конфисковывать всюду «Официальную газету», перешедшую с 19-го в руки ЦК; прервали почтовые и телеграфные сношения столицы с департаментами; отозвали в Версаль, под страхом немедленного увольнения, всех гражданских и военных чиновников, которые, действуя согласно полученным инструкциям, дезорганизовали перед отъездом все службы Парижа и увезли с собой важнейшие бумаги и кассовую наличность своих учреждений. Исключительные заботы были уделены армии, выведенной из Парижа в самом деморализованном состоянии. Ненадежные части были расформированы и сотни или даже тысячи солдат, проявивших особенно явные симпатии к революции, посланы в дисциплинарные батальоны; остальные были изолированы от внешнего мира, помещены в казармах вместе со своими офицерами и подвергнуты искусной обработке в контрреволюционном духе. К концу месяца в их ряды непрерывным потоком начинают вливаться пополнения из возвращаемых Германией военнопленных. Но для окончательной реорганизации армии и превращения ее в надежное орудие реакции все же было необходимо некоторое время. Эту важную для Версаля передышку создали тайно поощряемые Тьером переговоры мэров и депу-

татов с Центральным комитетом (23). Когда эти переговоры (в которых ренегаты социализма, Луи Блан, Толен. Элигон, играли гнусную роль передового заслона для реакции) выполнили свое назначение, Тьер отдал через своего агента, мэра Тирара, приказ «прекратить бесплодное сопротивление», вследствие чего соглашение о выборах Коммуны 26 марта было достигнуто.

Однако уже при самом начале комедии переговоров обнаружился новый фактор, грозивший сильно осложнить обстановку и испортить Версалью всю его игру. Это были восстания в ряде провинциальных центров. Между 19-м и 27 марта в Лионе, Марселе, Нарбонне, Тулузе, Лиможе, Сетте, Перпиньяне, Сент-Этьенне, Крезе, Тарбе после первых известий о революции в Париже или вслед за прибытием оттуда делегатов Центрального комитета начинаются стачки, манифестации с красными знаменами, волнения в рядах пролетарской и мелкобуржуазной части нац. гвардии, которые в большинстве случаев заканчиваются захватом префектуры и Ратуши, арестами представителей местной власти, самоустранением или разгоном муниципальных советов и провозглашением коммуны. Хотя эти движения, локализованные главным образом в южной, свободной от оккупации, части Франции, разрозненные и лишенные регулярной связи с центром, не представляли большой опасности для Версальского правительства, и последнему удалось их подавить через несколько дней при помощи своих военных сил, однако с ними приходилось считаться, как с фактором, усиливавшим позицию Центрального комитета. Тьер прекрасно понимал, что при энергичном руководстве из Парижа эти отдельные вспышки в провинции могут легко разрастись в всеобщий революционный пожар, с которым нельзя будет справиться даже при помощи немцев. А опасность такого руководства не была исключена, ибо полной изоляции Парижа не удалось достигнуть ввиду содействия железнодорожных рабочих на большинстве линий распространению парижских газет и прокламаций (24). Таким образом, в ходе самих переговоров выяснилась необходимость диверсии, имевшей целью сгладить впечатление, произведенное на мелкобуржуазные массы восстаниями в провинции, оторвать эти массы от революционного пролетариата и спровоцировать гражданскую войну внутри Парижа.

Парижская буржуазная пресса пришла на помощь Версальскому правительству в этой задаче. 21-го, быть может в ответ на передовицу «Официальной газеты», утверждавшей, что теперь «настал час эмансипации пролетариата», 33 «умеренные» газеты выпустили резкое воззвание против ЦК и назначенных было на 22-е выборов в Коммуну. Вечером того же дня произошла

буржуазная демонстрация вокруг Биржи, приведшая к удалению оттуда поста революционной нац. гвардии. Обнадеженные этим сомнительным успехом, несколько сот реакционных буржуа, под руководством версальских агентов во главе с адмиралом Сессе, устроили на следующий день бурную манифестацию, имевшую целью захватить главный штаб на Вандомской площади и оттеснить нац. гвардию из центра на рабочие окраины. Та исключительная дерзость, с какою кучка буржуа, вооруженных шпагами и револьверами, двинулась на хорошо защищенную площадь, обезоруживая по пути отдельных часовых, может быть объяснена только примирительным поведением ЦК в предшествовавшие дни и уверенностью, что нац. гвардия сдаст свои позиции без боя. Попытки двух членов ЦК, Бержере и Мальжурналя, подействовать на толпу уговорами, были встречены свистом и враждебными возгласами. Так как передние ряды демонстрантов, наседая на нац. гвардейцев, начали вырывать у них ружья и раздалась даже провокационная стрельба из револьверов, то после многократных предупреждений по толпе был дан залп, уложивший несколько человек и обративший остальных в бегство. Потери нац. гвардии (2 убитых и 8 раненых) доказывают, что демонстранты стреляли первыми.

Демонстрация 22 марта позволила Тьеру кричать на всю Францию, что в Париже расстреливают на улицах безоружных граждан, что в Париже сделан не менее ловкий ход. Адмирал Сессе, назначенный восстановить против Центрального комитета парижских лавочников. Чтобы привлечь их затем на сторону Версаля, был тотчас же сделан не менее ловкий ход. Адмирал Сессе, назначенный из Версаля начальником нац. гвардии, опубликовал 23-го лживую с начала до конца прокламацию, рассчитанную на легковерие тех же лавочников и официально обещавшую им: 1) выборы в муниципальный совет на 30 марта, 2) право избрания командиров нац. гвардии, включая и главнокомандующего, 3) отсрочку уплаты по векселям, 4) новый закон о квартирной плате, благоприятный для мелких и среднезажиточных нанимателей. Одновременно была сделана попытка расколоть нац. гвардию еще другим способом. Французский банк отказал представителям ЦК в выдаче денег на уплату жалованья нац. гвардейцам и предоставил, вместо этого, 550 тыс. фр. в распоряжение мэров, которые немедленно объявили афишей, что «государственные средства, необходимые для выплаты жалованья нац. гвардии, находятся и с к л ю ч и т е л ь н о в их распоряжении» и что эта выплата будет производиться в здании Биржи, где вокруг адмирала Сессе уже составилось вооруженное ядро контрреволюционеров.

Среди немногих, поймавшихся на обе эти грубые приманки, оказалась значительная часть мелкобуржуазного студенчества. 23-го на сходке студентов Политехнического, Медицинского и Художественного институтов и 24-го на общестуденческой сходке были вынесены решения «бороться всеми средствами против маневров Центрального комитета», который «покусился на всеобщее избирательное право», вслед за чем многие участники схода явились к адмиралу Сессе и пополняли собою ряд защитников «порядка» (25). Вообще здания институтов, ввиду занятия Биржи Центральным комитетом, сделались на короткое время сборным пунктом для контрреволюционеров. Последние захватили также мэрии 6-го и 9-го округов и вокзал св. Лазаря, имея своим центром 2-й округ (округ Банка), укрепленный митральезами. Число контрреволюционных нац. гвардейцев, по наиболее достоверным данным (26), достигло 25-го наивысшей цифры — 10 тыс. человек, с которыми, конечно, невозможно было вести серьезную борьбу против двухсоттысячной армии революции, тем более, что Центральный комитет решился, наконец, принять энергичные меры для обеспечения спокойствия в городе. Он изгнал контрреволюционеров из 6-го округа, заменил своими делегатами реакционные или подозрительные муниципальные власти 3-го, 10-го, 12-го и 18-го округов, обеспечил контроль над Западной железной дорогой, начинавшейся вокзалом св. Лазаря, своими постами в Батиньоле и организовал усиленную патрульную службу по городу. Импровизированным генералам Эду, Дювалю и Брюнелю было поручено общее командование нац. гвардией, причем последний был послан с батальоном бельгийцев и двумя орудиями занять мэрию Лувра (1-й округ). Наконец Центральный комитет назначил 26-е окончательным сроком для выборов в Коммуну и объявил, что выборы состоятся даже в том случае, если соглашение с мэрами не будет достигнуто. Затем Версаль вызвать при помощи провокации и грубого обмана гражданскую войну в Париже сорвался; адмирал Сессе принужден был бежать из Парижа, после чего его реакционные батальоны рассыпались; мэры подписали с Центральным комитетом соглашение о производстве выборов 26-го и призвали население к избирательным урнам. Однако победа ЦК была только кажущейся. Версаль успел получить необходимую ему отсрочку, и уже через три дня после провозглашения Коммуны «лучшая армия Франции» (выражение Тьера), напутствованная молебнами и предшествуемая реакционно-католическими бандами Шаретта и Кателино, была двинута против Парижа.

3. — Но пока что революционная столица, не подозревая близкой угрозы, встретила всеобщим ликованием известие о достигнутом, наконец, соглашении. Опасность гражданской войны, которой никто не хотел, кроме разве ничтожной кучки реакционной буржуазии, казалась теперь исключенной. Коммуна становилась реальностью. Правда, эта Коммуна, вопреки первоначальным предположениям некоторых революционных кругов, должна была возникнуть в результате всеобщих выборов, т. е. включить в свой состав и представителей буржуазии. Но этот вопрос, которому фальсификаторы истории из лагеря социал-соглашателей придают столь большое значение, стремясь вывести отсюда учение о «чистой демократии» и извратить взгляды Маркса-Энгельса на диктатуру пролетариата, в то время был уже совершенно не актуальным. Вот что по этому поводу пишет Ленин в своей работе «Пролетарская революция и ренегат Каутский»: «Во-первых, известно, что цвет, штаб, верхи буржуазии бежали из Парижа в Версаль. В Версале был «социалист» Луи Блан, что, между прочим, показывает лживость утверждения Каутского, будто в Коммуне участвовали «все направления» социализма. Не смешно ли изображать «чистой демократией» с «всеобщим голосованием» разделение жителей Парижа на два воюющих лагеря, один из которых сконцентрировал всю боевую, политически активную буржуазию? Во-вторых, Коммуна боролась с Версалем, как рабочее правительство Франции против буржуазного. Причем же тут «чистая демократия» и «всеобщее голосование», когда Париж решал судьбу Франции? Наконец, — указывает далее Ленин, — вопрос об избирательном праве «есть национально-особый, а не общий вопрос диктатуры... Ограничение избирательного права для буржуазии... не обязательно для осуществления диктатуры, это не составляет необходимого признака логического понятия диктатуры, это не входит в необходимые условия в историческое и классовое понятие диктатуры». Итак, в тех условиях, в которых приходилось тогда вести борьбу парижскому пролетариату, вопрос о способе избрания Коммуны был во всяком случае не принципиальным, а лишь вопросом тактики борьбы. А эта тактика требовала того, чтобы не вводить искусственно ограничения избирательного права для буржуазии в тот момент, когда это ограничение, ввиду бегства «штаба» буржуазии в Версаль, было все равно достигнуто само собой, естественным путем.

Но и программа революционного пролетариата накануне выборов, по тактическим соображениям, о которых уже говорилось в своем месте, не могла не отличаться значительной умеренностью. Передовые парижские рабочие готовы были на время

ограничить свои требования самыми необходимыми, минимальными реформами, перечисленными в прокламации Интернационала и Федеральной палаты рабочих обществ, принятой на заседании 23 марта это — «организация кредита, обмена, ассоциаций для обеспечения рабочему полного продукта его труда; бесплатное, светское, интегральное обучение; право собраний и ассоциаций, абсолютная свобода печати и свобода личности; организация с муниципальной точки зрения полицейской службы, вооруженных сил, гигиены, статистики и проч.». В этой насквозь проникнутой прудонистскими иллюзиями программе выражена также глубокая уверенность, что демократическая Коммуна будет в состоянии осуществить все эти реформы, ибо ее независимость от центральной власти явится «залогом соглашения, которое положит конец антагонизму между классами и обеспечит социальное равенство». Против такой Коммуны первоначально ничего не имела и радикальная буржуазия, ожидавшая от нее защиты республиканской формы правления от монархических козней Версаля и разрешения таких наболевших вопросов, как вопрос о вексельных платежах или задолженности по квартирной плате. Мало того, мелкобуржуазные политики даже продемонстрировали готовность активно поддержать ЦК, обратившись к нему с требованием заключить соглашение с правительством только на условии признания последним «политической Коммуны, а не простого муниципалитета» (27). Можно сказать, что накануне выборов вся мелкобуржуазная масса парижского населения была на стороне Центрального комитета и приветствовала его победу над мэрами. Но и последние, равно как и вся умеренная буржуазия, представителями которой они являлись, еще не теряли надежды, что победа Центрального комитета обратится против него самого и что им еще удастся захватить в свои руки Коммуну в результате своего вполне возможного избирательного успеха. «У избирателей, — пишет по этому поводу Лепелье, — оставалась только одна ночь, чтобы сговориться, обсудить кандидатуры, организовать некоторую предвыборную агитацию. Мэрам не приходилось опасаться ни общественных или частных собраний, ни журнальных статей, если не считать нескольких поспешно расклеенных афиш, которые будут прочитаны уже перед самым входом в помещение для выборов, когда бюллетень будет у избирателя в кармане... При таких условиях можно было предположить, что кандидаты Центрального комитета, люди новые и неизвестные в политике, не смогут собрать достаточного количества голосов... Наоборот, члены муниципалитетов, хорошо известные как республиканцы, уважаемые как граждане... пользуясь уже ранее приобретенными навыками избирательной борьбы, отвоюют себе

большую часть своих прежних избирателей... Таким образом, большинство в будущем коммунальном собрании казалось обеспеченным за мэрами и их помощниками» (28). Эти соображения одного из самых солидных мелкобуржуазных историков Коммуны отнюдь не являются пустыми догадками. Иначе было бы непонятно, почему мэры и их помощники почти во всех округах выставили свои кандидатуры и сочли необходимым в предвыборных воззваниях разъяснить избирателям, что принадлежность к муниципальным властям не препятствует быть избранным в Коммуну. Возможность избирательного успеха умеренной буржуазии учитывалась и Генеральным советом Интернационала, который, особенно в лице Маркса, внимательно следил за всем происходящим в Париже. В письме бюро Генсовета, poslanном накануне выборов, была в связи с этим дана следующая директива: «Выборы в Коммуну должны дать нам большинство. Если результаты будут иные, ЦК ни за что на свете не должен слагать своих полномочий» (29). Неизвестно, была ли эта точка зрения известна Центральному комитету, но что он разделял ее, доказывается всем его дальнейшим поведением по отношению к уже избранному коммунальному совету. Нет сомнения, что ЦК не передал бы своих полномочий Коммуне, если бы в ней большин-

ство принадлежало умеренной буржуазии. Но результаты выборов не оправдали вполне ни надежд Генерального совета, ни, тем более, его опасений; их некоторая неопределенность только осложнила и без того трудное положение Центрального комитета.

Во всяком случае, в день выборов ЦК постарался обеспечить себя от всяких неожиданностей. Он отказался вернуть реакционным мэрам их муниципалитеты; назначил во все округа свои избирательные комиссии; усилил патрули по городу и послал в каждую мэрию по 30 нац. гвардейцев «для оказания содействия выборам»; объявил свои заседания непрерывными до получения результатов голосования. ЦК не упустил также из виду важность своего непосредственного участия в предвыборной агитации. Он выставил почти во всех округах списки своих кандидатов и обратился 26-го к избирателям с следующими советами: «Имейте в виду, что люди, которые лучше всего будут вам служить — это те, которых вы выберете из своей собственной среды, которые живут вашей жизнью и страдают вместе с вами от одних и тех же бед. Не доверяйте честолюбцам и выскочкам, которые думают лишь о собственных интересах и начинают в конце концов считать себя незаметными. Не доверяйте также красноречивым, неспособным к действию, готовым пожертвовать всем ради одной речи, ораторского эффекта или острого словца. Избегайте равным образом тех, кто обласкан судьбою, ибо слишком редко тот, кто обладает состоянием, склонен видеть в рабочем своего брата... Выбирайте людей с искренними убеждениями, людей народа, решительных, энергичных, известных прямою и честностью и отдавайте предпочтение тем, кто не станет кланяться у вас голосов». Это выступление Центрального комитета, несмотря на отсутствие в нем определенных программных положений и расплывчатость формулировок, было все же, по верному замечанию И. Степанова, «рекомендацией к л а с с о в ы м р а б о ч и х кандидатур». Точно также в ряде округов муниципальные делегации ЦК выпустили воззвания к избирателям. Например, делегация 5-го округа приглашала их «открыть двери развитому пролетариату, единственному классу, еще свободному от наших ошибок и неудач, единственному, наконец, который способен спасти страну». Мы уже видели выше, что и Федеральный совет Интернационала выступил с своей предвыборной программой, которой предшествовало длинное обращение к рабочим-избирателям. Наконец, с целью поддержать кандидатуры мэров и их помощников, парижские депутаты в Национальном собрании опубликовали свое воззвание, в котором, между прочим, было сказано: «Будем же голосовать, ибо голосуя мы облечем муниципальной властью честных и энергичных республиканцев, которые,

охраняя порядок в Париже, спасут Францию от страшной опасности возобновления военных действий со стороны Пруссии и дерзких попыток восстановления какой-либо династии».

Избирательная кампания, если принять во внимание краткий срок для ее подготовки, была достаточно оживленной. Воздержание от участия в выборах было заметно только в богатых кварталах, откуда к тому же еще до 26 марта выехало, по расчетам самого Тьера, около 100 тысяч жителей. Таким образом, в выборах участвовало только 230 тыс. избирателей, меньше, чем в выборах депутатов Национального собрания 8 февраля как раз на эту цифру 100 тыс., и Коммуна в общем отразила волю и политические настроения широких пролетарских и полупролетарских масс значительно лучше и чище, чем это было бы возможно в случае прихода всей буржуазии к избирательным урнам. Стремясь заранее дискредитировать будущую Коммуну, Тьер телеграфировал 26-го департаментам, что голосование пройдет при полном абсентеизме буржуазии и не будет свободным. Но второе утверждение во всяком случае оказалось ложным, несмотря на то, что в некоторых мэриях версальские агенты пытались во время голосования вызвать беспорядки и помешать избирательным операциям. Любопытно, что в рабочих кварталах избиратели являлись в свои мэрии организованно и голосовали открытой подачей бюллетеней, осуществляя таким образом, по совету Центрального комитета, один из принципов пролетарской демократии. Но в общем Коммуна внешне была избрана по всем правилам буржуазной «избирательной кухни» и должна была отразить в своем составе социальную неоднородность и партийную пестроту двухмиллионного населения столицы.

Действительно, из 85 фактически избранных членов Коммуны 17 принадлежали к умеренной буржуазии (по преимуществу мэры и их помощники), 25 — к рабочему классу, из коих 13 членов Интернационала, остальные же, т. е. большинство, состояли из мелких чиновников, служащих и мелкобуржуазных интеллигентов — врачей, журналистов, юристов, учителей. Центральный комитет был представлен только 13 своими членами, что, принимая во внимание избрание несколько большего числа его противников, свидетельствует о полной свободе выборов.

Партийный состав Коммуны поражает еще большею пестротой. В ней оказались представленными почти все оттенки политической мысли, начиная с консерваторов, приверженцев Тьера, и кончая бланкистами. Правда, в первые же дни произошел отсев всех умеренных элементов, сразу понявших, что им нечего делать в Собрании, в котором резко преобладали их политические противники, и потому добровольно подавших в отставку. Благодаря

этому Коммуна сделалась более революционно однородной, и руководящее влияние передовых рабочих внутри нее могло обозначиться скорее и отчетливее. Но при всем том самоустранение умеренной буржуазии лишь незначительно упростило картину невероятной партийной дробности в составе Коммуны. Правые и левые прудонисты, бакунисты, социалисты неопределенного оттенка, революционные демократы, известные больше под именем якобинцев, чистые бланкисты и бланкисты «диссиденты» столкнулись здесь со своими разнообразными — если не программами, которых почти ни у кого не было — то принципами, убеждениями и предрассудками. Конечно, в процессе совместной работы, постоянного обмена мнений, голосований по различным вопросам между отдельными группами постепенно установилось некоторое единство взглядов, по крайней мере в отношении тактики, так что к середине апреля можно было уже обнаружить расслоение на две основные группы: якобинско-бланкистское большинство и прудонистское меньшинство. Когда на дополнительных выборах 16 апреля, произведенных для замещения выбывших по разным причинам членов, Коммуна пополнилась восемнадцатью новыми лицами, то и они разбились между этими «большинством» и «меньшинством». Но это размежевание по тактической линии окончательно обозначилось слишком поздно, в начале мая, когда Коммуну не могло уже спасти даже абсолютное единство ее рядов. А самое главное, и «большинство», и «меньшинство» одинаково являлись крайне случайными, аморфными группировками, члены или, точнее, участники которых ничем между собою не были связаны, не выработали никакой общей программы, ни хотя бы обязательной для всех линии поведения.

Результатом всего этого была постоянная борьба внутри Коммуны, умалявшая ее авторитет в глазах массы, бесплодная трата сил и времени на споры по принципиальным вопросам, причем часто по самому незначительному поводу, отсутствия того единства мысли, воли, действия, которое в такой мере необходимо для органа революционной диктатуры, особенно когда враг стоял у ворот и когда каждый промах, каждый потерянный час катастрофически ускорял гибель революции.

Но об этом никто не думал в тот сияющий солнечный день 28 марта, когда на площади Ратуши в торжественной обстановке, в присутствии огромных масс народа была провозглашена Парижская Коммуна.

ПРИМЕЧАНИЯ

(1) См. *Maxime du Camp. Les prisons sous la Commune* («Revue de deux mondes», XXI, 30). Что касается наступления на Версаль, то его

требовали также некоторые батальоны: см. *Lefrançais. Etude sur le mouvement communaliste*. Neuchatel 1871, p. 150.

(2) Собр. соч. т. XXV, стр. 217.

(2a) Маркс. Письмо к Кугельману от 17 апреля 1871 г.

(3) Цит. по Молок, Бисмарк и интервенция («Борьба классов» № 1, 1931 г., стр. 70).

(4) «Enquête parlementaire sur l'insurrection du 18 mars» (изд. в 1 томе 1872), p. 117.

(5) Ibid., p. 101.

(6) «Бисмарк и интервенция», I. с.

(7) Ibid., p. 71.

(8) Ant. Proust. Le prince Bismarck. Sa correspondance, p. 301.

(9) Донесения Окучева Горчакову 1—25 мая 1871 г. («Красный архив», 1931 г. т. 45, стр. 5).

(10) «Mursailles politiques», t. II, p. 19.

(11) Письмо к Кугельману от 17 апр. 1871 г.

(12) Цит. по Lepelletier, Histoire de la Commune, t. II, p. 44. Ср. «Enquête parlementaire», p. 156, где префект Нижн. Сены сообщает, что ораторы провинциальных собраний советовали парижанам «подожать ратификации предварительных условий мира, прежде чем пустить в ход пушки».

(13) См. стр. 94 и 95.

(14) «Cri du peuple», № 22 от 23/III 1871.

(15) «La Commune», № 1 от 20/III.

(16) «La Nouvelle République», № 13.

(17) «Cri du peuple», NN 19 и 20.

(18) «Père Duchêne», № 10, p. 2.

(18a) «Правда» от 14 марта 1928 г. — Цит. у И. Книжника Вострова «Жаклар—деятели Парижской Коммуны» («Проблемы марксизма» № 5—6, 1930, стр. 177).

(19) Цит. по Bourgin. Les premières journées de la Commune, p. 88 sq.

(20) Bourgin, p. 89.

(21) Fred. Damé. La résistance, les maires . . . , p. 198.

(22) Lockroy. La Commune et l'Assemblée, Paris 1871, p. 37 sq.

(23) Damé, p. 345 и passim; Bourgin, p. 12.

(24) «Enquête parlementaire», pp. 103, 109, 151 sq.

(25) Damé, 175 sq.

(26) Ibid., p. 314 (показание одного из вожakov движения полковника Кевовилье).

(27) См. «La Commune» от 25/III и «La Nouvelle République» от того же числа, где среди мелкобуржуазных организаций, обратившихся с этими требованиями к ЦК, названы различные комитеты 6-го и 9-го округов.

(28) Lepelletier, II, p. 405 sq.

(29) Цит. по статье Лукина «Карл Маркс и Коммуна» («Правда», № 63 от 18 марта 1927 г.).

ГЛАВА ВТОРАЯ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО КОММУНЫ

1. — Парижская Коммуна была избрана не как муниципальный совет, а как орган государственной власти с очень широкими полномочиями. В этом отношении у подавляющего большинства членов Коммуны не было с самого начала никаких сомнений. Они с первых же заседаний без всяких колебаний стали на путь чисто правительственной деятельности. Сюда относится прежде всего принятая 28 марта декларация о заслугах Центрального комитета «перед отечеством и республикой», а также постановление о несовместимости депутатского мандата в Национальном собрании с пребыванием в составе Коммуны. На этом основании революционные демократы Делеклюз и Курне сложили с себя тотчас же звание депутатов Версальского собрания. На утреннем и вечернем заседаниях 29-го эта позиция Коммуны выступила еще более четко. Она избрала десять комиссий — исполнительную, финансовую, военную, юстиции, общей безопасности, производственную, труда и обмена, внешних сношений, общественных служб и народного образования — с функциями настоящих правительственных рабочих органов. Она, далее, одобрила бланкистский проект прокламации к населению, в которой Версальское правительство было названо «низложенной властью» (1). Она объявила, в качестве «единственной власти», что все приказы и распоряжения Версальского правительства не имеют никакой силы и что чиновники, подчиняющиеся этим приказам, будут немедленно уволены. Она декретировала уничтожение конскрипции, аннулирование задолженности по квартирной плате и прекращение продажи невыкупленных из ломбарда вещей, что также относилось всецело к компетенции правительства. Наконец, она, после некоторых колебаний (2), удержала за своим печатным органом название «Официальной газеты французской республики».

Такой же характер чисто законодательных, государственных актов имеют и многие другие декреты Коммуны, изданные в последующее время: декрет о максимальном окладе содержания для чиновников в размере 6 тыс. франков в год (1 IV); декрет об отделении церкви от государства, уничтожении бюджета культов и национализации церковных имуществ (2 IV); закон о платежах по просроченным векселям (17 IV); декрет о секвестре имущества членов и соучастников Версальского и предшествовавших правительств, о десятикратном обложении бежавшей буржуазии и лишении прав всех уклоняющихся от службы в нац. гвардии (15 IV); декрет о промышленных предприятиях бежавшей буржуазии (16 IV); декрет о бесплатной выдаче заложенных в ломбарде вещей (6 V); ряд постановлений и декретов, радикально менявших организацию суда, формы судопроизводства, структуру и характер административных учреждений и т. п.

Суммируя вкратце всю проделанную или же только предстоящую работу в этом направлении, делегат юстиции Прото мог поэтому с полным правом заявить на заседании Коммуны 18 апреля: «Мы работали, законодательствовали, мы желаем преобразовать наши суды, наш бюджет, нашу полицию, наконец, всю нашу внутреннюю организацию». «Коммуна, — сказал он дальше, — является верховной властью, призванной к организации

всех властей». На этой же точке зрения стояли и представители «меньшинства». Критикуя на том же заседании 18 апреля предложенную Бийоре программу Коммуны, прудонист Лефранс заметил: «Нужно указать (в программе), каким образом Коммуна является государством более высокого типа, нежели то, с которым мы ведем борьбу, и притом во всех отношениях». Правда, в той программе, которую Коммуна приняла почти единогласно и которая была 20 апреля опубликована в «Официальной газете» (3), эти взгляды нашли самое слабое ограждение. Но здесь сказалось желание Коммуны дипломатически скрыть за туманной фразеологией свою сущность, чтобы не оттолкнуть от себя радикальную буржуазию, относившуюся к ней сначала вполне благоприятно.

Действительно, программа говорит о республике без указания, какая именно эта республика («Чего требует Париж: признания и утверждения республики — единственной формы правительства, совместимой с правами народа и правильным, свободным развитием общества»); говорит об автономии Коммуны в терминах мелкобуржуазной демократии («Абсолютная автономия Коммуны, распространяющаяся на все местности Франции, обеспечивающая каждой коммуне полноту ее прав, а каждому французу — полное развитие его способностей и дарований как человека, гражданина и работника»); упоминает о праве на труд лишь для того, чтобы требовать свободы труда («Абсолютная гарантия свободы личности, свободы совести и свободы труда»); указывает из важнейших «экономических реформ» только организацию обмена и кредита, запрягая острый вопрос об орудиях производства под туманным прудонистским выражением «универсализация собственности» («Париж оставляет за собой право произвести у себя административные и экономические реформы, которых требует его население: создать учреждения для развития и распространения образования; сделать всеобщими власть и собственность, сообразно потребностям момента, желанию заинтересованных сторон и данным опыта»).

Точно также в «Манифесте парижского населения», обращенном к провинции и напечатанном в начале мая по распоряжению комиссии внешних сношений, мы читаем: «Париж требует от департаментов только моральной поддержки... Париж пойдет на все жертвы, чтобы достигнуть своей цели — создания Коммуны, программой которой можно резюмировать следующим образом: обеспечить всем гражданам труд с помощью свободы, правосудие — с помощью равенства, порядок — с помощью братства» (4).

Это сознательное затушевывание классового содержания Коммуны было рассчитано, как мы упоминали выше, исключительно

на радикальную буржуазию. Нетрудно показать, что последнюю пугало именно это содержание, а не форма коммунальной власти, не ее законодательные и правительственные функции. «Некоторые газеты, — писал 2 апреля радикальный орган Виктора Гюго «*Rappel*», — увидели в первых актах Парижской Коммуны намерение выйти за пределы ее муниципальных полномочий. Несомненно, издавая для Парижа декреты об аннулировании задолженности по квартирной плате, об уничтожении конскрипции и т. п., Коммуна вышла из узких рамок, в которые предшествующее законодательство заключило муниципальные волности. Но было бы странным и детским заблуждением думать, что революция 18 марта имела своей единственной целью обеспечить Парижу выборное коммунальное представительство, подчиненное деспотической опеке со стороны мощно организованной национальной власти» (5). В таком же смысле высказывался и либеральный «*Siècle*» — одна из самых влиятельных и распространенных во Франции газет. 2 апреля мы находим в ней утверждение, что «Коммуна, вышедшая из всеобщего голосования, является властью, которую нужно скорее признать, нежели оспаривать», а 16-го она писала: «Конституция Парижа должна исходить от Парижа. Париж должен договориться с остальной частью Франции; но подобно тому, как он сам отказывается от гибельной монополии диктовать свои законы департаментам, так точно он не желает, чтобы департаменты (читай: Национальное собрание) навязывали ему свои законы» (6). Таким образом, этот орган торгово-промышленной буржуазии не выражает пока еще никаких опасений по поводу огромной власти, предоставленной Коммуне. Еще более показательным в этом отношении является выступление самих торгово-промышленных кругов, которые 7 апреля отправили в Версаль своих делегатов, чтобы добиться там соглашения правительства с Коммуной на основе следующей программы, которая, как они утверждали, является программой и самой Коммуны: «Сохранение и утверждение республики. Предоставление Парижу самых широких муниципальных вольностей, исключаящих действие или вмешательство центральной власти» (7). Но их старания доказать, что революция 18 марта может привести только к полной децентрализации Франции, каковую децентрализацию они сами признают «социально законной и исторически неизбежной»; что выступление пролетариата в этой революции является «только случайностью и исходным пунктом» более общего движения в защиту коммунальной свободы; что наилучшим «политическим» решением вопроса было бы предоставить Парижу полную свободу и полную ответственность за свои действия, удовлетвовавшись только политической изоляцией его

от всей Франции с тем, чтобы не подвергать последнюю риску производимого в Париже эксперимента, — эти старания не увенчались, конечно, успехом, ибо Версальские реакционеры, не исключая «левых» депутатов Национального собрания, со стороны гораздо лучше видели, в чем подлинная сущность Коммуны и породившей ее революции.

Иллюзии делегатов торгово-промышленной буржуазии разделял в течение первой половины апреля весь буржуазный Париж. «Весь Париж признал Коммуну», — констатировал один из сотрудников реакционной газеты «Gaulois». — Это правительство ничем не хуже всякого другого, — говорил обыватель, средний буржуа, — оно заведет порядок, даст работу и можно будет жить». Буржуа, которые ездили из Парижа в Версаль и обратно, проводили параллель, невыгодную для Версаля: «В Париже не обыскивают, не отбирают у вас газет». Реакционный мэр Дюбайль впоследствии ужасался, что самые почтенные буржуазные семьи доходили до того в признании революционной власти, что регистрировали свои браки у окружных комиссаров Коммуны. Известно, что тысячи лиц, «выдающихся по своему социальному положению или образованию, чиновники министерств, инженеры, офицеры в отставке и офицеры действительной службы, врачи и т. п. предлагали Коммуне свои услуги» (8). Среди тех кругов радикальной буржуазии, которые целиком сгали на сторону Коммуны, первое место занимают франк-мasons. Свои симпатии к ней они демонстрировали неоднократно в течение апреля. «А франк-мasons, — с удовлетворением объясняла газета «Коммуна», — это не первые встречные: все они, или почти все — почтенные коммерсанты, люди порядка». Но и более проницательные, нежели мasons, буржуазные политические деятели, остававшиеся в Париже, долгое время не могли понять, почему Версаль смотрит на свою войну с Коммуной как на «классовую войну, войну имущих против неимущих, капитала против труда, буржуа против рабочих». Сами они сначала склонны были думать, что это война реакционеров, монархистов против передового и республикански настроенного населения Парижа.

Поддержанию среди буржуазии этих иллюзий способствовала в известной мере туманная фразеология журналистов и политиков Коммуны, отражавшая невысокий теоретический уровень их социально-политических воззрений. Один из этих журналистов, проводя различие между «буржуазией трудящейся и паразитирующей», писал: «Только вторая враждебна революционному Парижу; что же касается трудящейся буржуазии то она честна и отважна и своею храбростью, даже своими страданиями является сестрою пролетариата». Другой доказывал, что особенность на-

чавшейся революции состоит в том, что теперь буржуазия должна слиться с пролетариатом, чтобы образовать «единый народ, единый класс» (9). Даже в официальном органе Коммуны мы в начале апреля находим такого рода утверждения: «Теперь всякие разногласия должны исчезнуть, потому что все солидарны, потому что никогда не было так мало социальной ненависти, классового антагонизма, наконец, потому, что без единения невозможно и наша победа» (10). Точно также программа Коммуны, ее воззвания «к сельскому населению», «к департаментам», «к большим городам» проникнуты стремлением противопоставить республиканское единство населения Парижа роялистам Версаля.

Как ни странно звучат для нашего уха подобного рода утверждения, не следует однако забывать, что в них, наряду с известной теоретической беспомощностью революционеров 1871 г., отразилась и в общем вполне правильная тактическая линия Коммуны по отношению к различным слоям буржуазии. Деятели Коммуны приходилось считаться с тем, что в Париже (не говоря уже о всей Франции) оставалась значительная прослойка республиканской буржуазии и буржуазной интеллигенции, которую нужно было нейтрализовать на время борьбы с реакционно-монархической буржуазией, окопавшейся в Версале. С другой стороны,

перед Коммуной стояла еще более важная задача — сохранить союз мелкой буржуазии с пролетариатом, в котором последнему принадлежала руководящая роль. Поэтому Коммуне не могли не быть близки интересы разношерстной мелкобуржуазной массы Парижа, тех широких слев бедноты, разорившихся или полуразорившихся мелких лавочников, кустарей, мелких хозяев-ремесленников и служащих, которые незаметными переходами сливались с рабочим классом и которые совместно с ним приняли 18 марта деятельное участие в борьбе с правительством Тьера и Национальным собранием. Опыт революции 1848 г. и особенно июньских дней, когда пролетариат был разгромлен, имея против себя единый фронт всей буржуазии, начиная с банкира и кончая мелким лавочником, подсказал пролетарской Коммуне 1871 г. единственно верную тактику союза с мелкобуржуазными массами. В какой степени сознательно осуществлялась такая тактика, можно видеть из одного любопытного места статьи «Отца Дюшана» (от 7 апреля), где популярно разъясняется значение политики Коммуны. «Что сделала Коммуна с момента своего возникновения?» — спрашивала бланкистская газета: «Разве она не издала хороших декретов? Разве декрет о квартирной плате плохой декрет? Разве проект посоветоваться с парижскими купцами по поводу вексельного моратория плохой проект? Разве все это сделано не на пользу трудящейся буржуазии и мелким лавочникам?» (11).

При рассмотрении социально-экономической и финансовой политики Коммуны мы еще убедимся в том, что такая ориентировка на сохранение за пролетариатом «резервов» революции проводилась довольно последовательно, хотя и не всегда достаточно четко. Как указывал — в несколько другой связи — Энгельс, бланкисты и прудонисты Коммуны самой жизнью, логикой революционной борьбы наталкивались на правильные решения, нередко расхопившиеся с тем, «чему учила их школьная доктрина».

Однако сущность Коммуны, как особого типа пролетарского государства, определяется не этой ее политикой, ни даже позднейшими ее мероприятиями, в которых имеются элементы социалистического переустройства общества, а прежде всего той стороной ее деятельности, содержанием которой было уничтожение всей буржуазной государственной машины и создание нового аппарата власти.

С этого вопроса мы потому и начнем рассмотрение практической деятельности Коммуны.

2.—«Коренной вопрос всякой революции, — говорил В. И. Ленин, — есть вопрос о власти в государстве». Для пролетарской

революции этот вопрос включает в себя и другой — о р г а н и з а ц и и этой власти после перехода ее к пролетариату. «Буржуазная революция ограничивается заменой у власти одной эксплуататорской группы другой эксплуататорской группой, ввиду чего она не нуждается в сломе старой государственной машины, тогда как пролетарская революция снимает с власти все и всякие эксплуататорские группы и ставит у власти вождя всех трудящихся и эксплуатируемых, класс пролетариев, ввиду чего она не может обойтись без слома старой государственной машины и замены ее новой» (И. В. Сталин). Революция 18 марта не была бы пролетарской революцией, если бы она, одномоментно с передачей власти в руки Парижской Коммуны, не поставила вопроса о радикальной перестройке всего государственного аппарата.

Об этом свидетельствуют уже самые первые шаги Коммуны. Прежде всего, декрет об уничтожении рекрутского набора (конскрипции) и замене постоянной армии вооружением всего народа означал удар по одному из важнейших устоев буржуазного государства. Ликвидация жандармов и полиции, упразднение полицейской префектуры, как особого учреждения, замена его комиссией общей безопасности, составленной из членов самой Коммуны и ей всецело подчиненной — все это также являлось решительной противоположностью прежней практике государственного управления. Декрет 1 апреля о максимуме содержания для чиновников, указания других декретов относительно выборности и сменяемости на всех государственных и муниципальных должностях принципиально разрушали не менее важную часть буржуазного государственного механизма — могущественную и независимую от народа бюрократию. Далее, «уничтожив постоянную армию и полицию, — эти орудия материальной силы старого правительства, — Коммуна немедленно приступила к сокрушению власти попов, этого орудия духовного порабощения» (Маркс). Уже 30 марта ее политика в этом направлении была предугазана «религиозной дезафектацией Пантеона», с которого, в обстановке большой торжественности, был снят крест и заменен красным знаменем (12). 2 апреля Коммуна единогласно вотировала знаменитый декрет об отмене бюджета культов, национализации церковных имуществ и отделении церкви от государства. Логическим следствием этого декрета было отделение школы от церкви, которое не было возведено особым законодательным актом, но было положено в основу политики комиссии по народному образованию и энергично осуществлялось как этой комиссией, так и окружными муниципальными органами (13). В смысле разрушения устоев буржуазного общества важное значение имел также декрет 10 апреля, который, в связи с назначением пенсий вдовам и детям убитых

нац. гвардейцев, уничтожал всякое различие между законным и незаконным браком, между брачными и внебрачными детьми. Наконец, декрет 12 апреля о низвержении «колоссального символа военной славы» — Вандомской колонны, изданный, а позже и осуществленный, как удачно отмечает Маркс, на глазах двух армий — немецкой и версальской — еще более подчеркивал разрыв Коммуны со старым миром, ее желание «резче оттенить новую историческую эру, которую она сознательно открывала собой».

Все эти декреты в конечном счете означали, как неоднократно подчеркивали Маркс, Энгельс и Ленин, «разбитие» всей буржуазной государственной машины, или, как выразилась Коммуна в своей программе 19 апреля, «конец старого правительственного и клерикального мира, милитаризма, бюрократизма, эксплуатации, ажиотажа, монополий, привилегий, которым пролетариат обязан своим рабством, родина — своими несчастьями и поражениями». Эту разбитую государственную машину Коммуна заменила учреждениями «принципиально иного рода» (Ленин). Прежде всего, сама Коммуна, в качестве высшего органа государственной власти, не походила ни на одну из организаций буржуазного государства. Составленная из выборных, ответственных перед избирателями и отзываемых членов, она объединяла в своих руках функции законодательной, исполнительной и судебной власти. Она была, как удачно подметил один современный журналист — «одновременно Конвентом, Комитетом общественного спасения и революционным трибуналом» (14). Но она являлась вдобавок и муниципальным советом, а ее члены выполняли в своих округах обязанности мэров и администраторов. Коммуна и по своей внутренней сущности, и по форме проявления своей власти ближе всего напоминает советы, органы пролетарской диктатуры в СССР.

Эти разнообразные государственные функции Коммуна осуществляла на своем пленуме и при помощи уже упомянутых десяти комиссий, которые с 20 апреля были преобразованы в делегации, причем во главе каждой был поставлен назначаемый Коммуной из своей среды делегат, ответственный перед пленумом и обладавший полномочиями министра. На том же заседании 20 апреля военным делегатом был утвержден Кюзере, финансовым — Журд, продовольственным — Виар, внешних сношений — Паскаль Груссе, труда и обмена — Френкель, юстиции — Прото, общественных служб — Андрие, народного образования — Вайян, общей безопасности — Рауль Риго. Ежедневно созываемый Совет всех девяти делегатов должен был заменить собою Исполнительную комиссию и обеспечить единство политики всех

делегаций. К несчастью, это единство никогда не было достигнуто: каждая делегация, по выражению Андрие, «считала себя диктатурой», делегаты, перегруженные делами своих ведомств, почти никогда не собирались в достаточном количестве для совместных решений и даже не всегда располагали временем для участия в заседаниях пленума Коммуны.

Помимо создания аппарата центрального управления, Коммуне пришлось обеспечить руководство и управление многочисленными учреждениями государственного, муниципального и общественного характера: почтой, телеграфом, учреждениями по сборам налоговых поступлений, нац. типографией, монетным двором, отделами городского благоустройства и т. д. Все эти ведомства и учреждения, совершенно дезорганизованные версальцами, покинутые высшим и средним персоналом, были найдены Коммуной в таком хаотическом состоянии, что их пришлось создавать почти что наново. Симпатии большинства низших служащих к Коммуне, которая приняла меры к улучшению их материального и служебного положения, а также организаторские способности тонкого еще слоя рабочей интеллигенции позволили Коммуне отчасти ликвидировать последствия саботажа высших и средних чиновников, но только отчасти. Лиц, пригодных для замещения многочисленных ответственных должностей, для которых требовались специальные навыки и знания, было чрезвычайно мало. Подавляю-

щее большинство буржуазных специалистов, явившихся в первые дни предложить свои услуги Коммуне, около середины апреля, когда окончательно обозначился отход радикальной буржуазии от революции, совершенно исчезли. Немногие высшие служащие, оставшиеся на своих прежних постах, и версальские агенты, проникшие в некоторые учреждения, систематически занимались вредительством и сводили на нет все усилия Коммуны обеспечить нормальное функционирование этих учреждений. Так обстояло, например, дело на Северной, Лионской и Орлеанской железных дорогах, в Палате мер и весов, в Национальной типографии, откуда пришлось удалить всю руководящую верхушку, даже в некоторых библиотеках, музеях, в Высшей школе и т. д. Особенно ярко саботаж и вредительство проявились на железной дороге. Стремясь добиться полной блокады Парижа, Версальское правительство не ограничивалось тем, что задерживало всюду шедшие в столицу транспорты с продовольствием (15) и приступило к проведению особой ветки, сделавшей Версаль независимым от Парижского железнодорожного узла (16), а еще приложило все усилия к дезорганизации этого узла изнутри. Оно наводило правления железных дорог, службы пути, мастерские и вокзалы своими агентами, которые получили задание «создать пустоту вокруг Парижа». Поль Пиа, назначенный 15 апреля делегатом при железных дорогах, оказался не в состоянии объединить вокруг себя рабочих и мелких служащих, преданных в своей массе революции, и обезвредить с их помощью версальскую агентуру. Мало помогло делу и то, что с 20-го контроль был значительно усилен назначением «главного комиссара административного надзора» и целого ряда подчиненных ему комиссаров при каждой железнодорожной компании. В конце апреля продовольственная делегация продолжала, как и раньше, жаловаться, что «поезда уходят, но назад не возвращаются». Опасаясь вызвать неудовольствие парижских коммерсантов, Коммуна не хотела взять железные дороги в свои руки и к тому же проявляла по отношению к враждебной ей железнодорожной администрации совершенно неуместную мягкость и великодушие, которые здесь, как и в ряде других случаев, только увеличивали дерзость версальских наемников. Заметный поворот в сторону более решительных мер против саботажников и вредителей можно обнаружить только с конца апреля — начала мая.

Особого внимания заслуживает попытка Коммуны реорганизовать суды и различные судебно-административные учреждения, большая часть которых после 18 марта, подчиняясь распоряжению Версаля, совершенно перестала функционировать или перенесла свою деятельность за пределы Парижа. Для поддержа-

ния дисциплины в рядах нац. гвардии, для суда над заложниками — общниками Версаля — были созданы специальные трибуналы, обвинительное жюри, дисциплинарные, военные и полевые суды. Что касается гражданских и уголовных судов, то была задумана полная их реорганизация в духе последовательно выдержанного демократического принципа выборности и сменяемости судей. Характерно для всей политики Коммуны в апреле, что внимание ее было обращено в первую очередь на преобразование коммерческого трибунала. Проект этого преобразования, опубликованный 14 апреля и одобренный встреченный буржуазной прессой, был составлен всецело в интересах мелких торговцев и промышленников, которые получали в новом суде большинство мест, в то время как в составе прежнего трибунала, назначавшегося Сенским префектом, имелись только представители крупного капитала. Однако в несомненной связи с переменой фронта мелкой буржуазии по отношению к Коммуне, последняя не сочла нужным спешить с рассмотрением этого проекта и похоронила его в делегации юстиции (17). К моменту той же перемены фронта относится и ее решение избирать членов обвинительного жюри для суда над заложниками исключительно из нац. гвардейцев, как наиболее преданных революцией граждан. Сама жизнь толкала Коммуну на нарушение принципа буржуазной демократии, требовавшего участия в выборах «всех граждан». Этот же принцип был нарушен, но несколько в ином смысле, при замещении вакансий мировых судей, судебных приставов, регистраторов, комиссаров-оценщиков и других лиц судейского сословия, оставшихся до 20-х чисел апреля на своих местах, а затем принявших участие в общем саботаже: их место заняли новые лица, но не по выборам, а по назначению делегата юстиции. Таким путем был, по крайней мере, положен конец пресловутой «независимости» буржуазного суда. Более принципиальным характером отличалась реформа нотариата и вспомогательных судебно-исполнительных и судебно-регистрационных органов, которые лишились своего положения получастных и полупубличных привилегированных учреждений. Нотариусы, пристава, регистраторы и проч. превращались теперь в государственных служащих на жалованьи, обязанных вносить в кассу Коммуны средства, выручаемые ими при совершении разных актов. Благодаря этому ставилось возможным, между прочим, сделать бесплатными или удешевить для нуждающихся граждан стоимость этих актов и вообще всего судебного процесса. Отмена политической и профессиональной присяги, запрещение председателю суда резюмировать прения сторон, чем обеспечивались интересы защиты, право для каждого выступать в суде и лишение таким образом адво-

катского сословия его привилегий — таковы элементы нового судопроизводства, которые успела провести Коммуна за короткое время. Правда, сложные формы старого судебного процесса были еще мало затронуты реформой, и точно также остались неприкосновенными бесчисленные судебные должности, характерные для бюрократической в сущности организации буржуазного правосудия. На это, естественно, требовалось больше времени, чем то, какое было в распоряжении Коммуны.

Автором всех этих реформ был, главным образом, бланкист Прото, делегат юстиции и сам адвокат по профессии. Необходимо отметить, что он медлил с их проведением до самого конца апреля, в чем нельзя не усмотреть определенного тактического хода по отношению к буржуазии.

В каком направлении развивались судебные учреждения Коммуны на основе проведенных ею преобразований, видно из ряда фактов, быть может иногда в очень мелких, разрозненных, но любопытных по своей новизне и весьма показательных по своим тенденциям. Например, среди мировых судей, назначенных делегатом юстиции вместо саботажников и приверженцев Версаля, было уже несколько рабочих. Эти последние при отправлении своих судебных обязанностей сознательно руководствовались не нормами буржуазного права, а революционным, пролетарским правосознанием. «У меня в принципе, — говорил один из них, — выносить всегда обвинение собственникам и буржуа. Эта революция совершена для народа, нужно, чтобы он ею воспользовался». Другой мировой судья, заседавший в камере Монмартрского округа, «был мало образован» и «носил огромный красный галстук». — «Вы собственник, — заявил он одной из тяжущихся сторон, — у вас повидимому есть деньги; нужно кончать, я больше не могу уделять вам времени» (18). Буржуазный исследователь, с возмущением приводящий эти факты, указывает, что особенно часто судьи Коммуны «теряли свою независимость» при разбирательстве тяжб, касающихся квартирной платы. Таким образом, суд Коммуны был уже в известной степени классовым, пролетарским судом, начинавшим осуществлять в своей сфере один из основных принципов диктатуры пролетариата — подавление эксплуататоров.

Более специально эта последняя задача была поставлена перед другим органом Коммуны — Комиссией общей безопасности, заменившей собою бывшую полицейскую префектуру. Во главе этой комиссии стоял с самого начала и до 24 апреля бланкист Рауль Риго, затем, после короткого периода в общем бесцветной деятельности якобинца Курне, с 13 мая — снова энергичный бланкист, Теофиль Ферре. В противоположность полиции

буржуазного государства, Комиссия общей безопасности опиралась в своей работе на поддержку и сочувствие широких гвардейских и рабочих масс. В конце марта она назначила комиссаров Шнейдера, Бюрло, Дианкура и Лемусси для собирания сведений о гражданах, «заподозренных в сообщничестве с Версалем», о чем население округа Монмартра было оповещено при помощи афиш. 31 марта представитель Комиссии Дюпон точно также обратился к национальным гвардейцам с предложением сообщать ему все сведения, которые могли бы оказаться полезными для борьбы с контрреволюцией (19). Ни одна буржуазная полиция в мире не осмелилась бы обратиться с подобным предложением к населению, заранее зная ожидающий ее прием. Иное дело в период диктатуры пролетариата, когда огромная масса трудящихся непосредственно заинтересована в подавлении ничтожного контрреволюционного меньшинства. Что обращение Комиссии встретило в массе сочувственный отклик, доказывается обилием писем, ежедневно поступавших в бывшую префектуру и другие органы Коммуны, с разоблачениями козней и происков агентов и шпионов Версаля (20).

Тем не менее Комиссия, нужно сказать прямо, не сумела справиться со своей задачей. Бланкисты, поставленные Комиссией на все наиболее ответственные посты, были преисполнены наилучших намерений, но совершенно не имели необходимого опыта, выдержки, организаторских способностей. Платные версальские агенты, явные шпионы, попадавшие в их руки, сплошь и рядом ускользали безнаказанно и продолжали свою подрывную работу. В бывшей префектуре, несомненно, сидели агенты Тьера, которые, пользуясь ненадежностью аппарата Коммуны, умудрялись освобождать людей, отягченных самыми тяжелыми уликами. Бдительный «Отец Дюшен» был безусловно прав, когда упрекал своих друзей Ферре и Риго в недостаточной активности и задавал первому из них вопрос: «Что за люди у тебя служат? В бывшей префектуре нельзя зевать...» (21).

В задачи Комиссии общей безопасности входила также борьба с уголовными преступниками, но эта задача была необычайно облегчена тем, что «весь распутный Париж», все аферисты, кокетки, шулера второй империи последовали за Тьером в Версаль. «В морге, — писал Маркс, опираясь на свидетельства современников, — ни одного трупа; нет ночных грабежей, почти ни одной кражи. С февраля 1848 г. улицы Парижа в первый раз стали безопасными, хотя на них не было ни одного полицейского». Однако преступники все же были, и Комиссия серьезно занималась вопросом о радикальной реорганизации прежних полицейско-тюремных методов борьбы с ними. Комиссия проекти-

ровала также рассылку в мэрии фотографических карточек рецидивистов, организацию ночных патрулей, устройство убежищ на случай пожара и т. п. (22).

Ряд свежих и плодотворных идей был выдвинут Коммуной, ее комиссией по просвещению во главе с Вайяном и сгруппировавшимися вокруг последнего передовыми педагогами также в области народного образования и реорганизации культурно-просветительных учреждений. Введение всеобщего, обязательного и бесплатного обучения, создание светской и профессиональной школы, применение научных и экспериментальных методов преподавания — таковы были важнейшие принципы, провозглашенные и проводившиеся в жизнь работниками Коммуны. Особенное внимание было обращено центральными и окружными органами народного образования на уничтожение в школах предметов культа, искоренение в детях остатков религиозного воспитания, решительное отстранение от школьной работы попов, монахов и монахинь. Отметим также заботу о бесплатном снабжении детей школьными учебниками. Реформой были затронуты также музеи, библиотеки и театры, причем в ее основе лежал принцип доступности всех культурно-просветительных учреждений для широких народных масс.

«Трудящийся, мыслящий, борющийся, истекающий кровью, но сияющий вдохновенным сознанием своей исторической инициативы, Париж почти забывал о людоедах, стоявших перед его стенами, всецело отдавшись строительству нового общества» (Маркс).

Над всеми новыми идеями и принципами, которые Коммуна провозгласила и которыми руководствовалась в своей деятельности с самого начала своего существования, доминирует лозунг интернационализма, лозунг всемирной республики. Коммуна включила его в свою программу, в свои воззвания, в некоторые из своих декретов и стремилась подчеркнуть его доступными ей актами, начиная с утверждения избрания в Коммуну иностранного подданного, венгерского еврея Френкеля, и кончая переименованием Вандомской площади в Интернациональную. Таким образом, узкий патриотизм, лежавший у истоков всего движения, в процессе развития революции обратился в свою противоположность.

3. — Оценивая деятельность Коммуны по переустройству всего государственного механизма, В. И. Ленин в неоднократно цитируемом месте «Государства и революции» говорит: «Итак, разбитую государственную машину Коммуна заменила как будто бы «только» более полной демократией... Но на самом деле это

«только» означает гигантскую замену одних учреждений учреждениями принципиально иного рода. Здесь наблюдается как раз один из случаев «превращения количества в качество»: демократия, проведенная с такой наибольшей полнотой и последовательностью, с какой это вообще мыслимо, превращается из буржуазной демократии в пролетарскую, из государства... в нечто такое, что уже не есть собственно государство» (23). Но, замечает в другом месте Ленин, «Коммуны не понимали те, кто ее творил... Ни одна фракция французских социалистов не признавала, что она делает» (24). Тем более не понимала и не признавала этого ни одна фракция французской республиканской буржуазии. Для нее все рассмотренные нами выше декреты Коммуны были в основном лишь попыткой осуществления ее собственной политической программы. Так, мелкобуржуазный журналист Дюшен, критикуя деятельность Коммуны, писал 11 апреля: «Уничтожение конскрипции, отделение церкви от государства, ответственность чиновников — все это вообще присуще республиканским учреждениям (!); но какое отношение имеют все эти декреты к компетенции парижского муниципалитета или любой коммуны?» (25). Точно также в уже цитированной нами (в гл. I) брошюре «Картина французской внутренней политики», вышедшей

в свет за несколько дней перед 18 марта, мы находим интересные замечания, относящиеся к тому же вопросу. Анонимный автор брошюры, отражая настроения широких кругов буржуазии (он ставит своей задачей указать «простое и буржуазное средство внести порядок в финансы и восстановить бюджетное равновесие»), считает необходимым уничтожение постоянной армии, полиции, бюрократии, бюджета култов, децентрализацию управления, обязательное и светское образование, радикальную реформу школы на всех ее ступенях. Опыт бонапартистских парламентов и Бордоского национального собрания наводит его даже на горькие размышления о парламентаризме вообще. «До сих пор, — говорит он, — наши представительные собрания создавали или поддерживали насилия деспотизма и политическую продажность. Ничто им не было более чуждо, нежели чувство права и справедливости». «Депутаты парламента, читаем в другом месте, надувают избирателей. Нужно требовать от них гарантий, давать им лишь строго определенные, ограниченные полномочия. Депутат должен быть всегда ответственным пред своими избирателями; он должен быть под постоянным контролем общественного мнения». Легко видеть, что круг этих идей внешне весьма близок к тем, которые стремилась проводить в жизнь Коммуна. Что эти идеи для республиканской буржуазии того времени не были чуждыми, доказывается программами таких буржуазных организаций, как Республиканский союз, Республиканская лига прав Парижа, Комитет республиканского равновесия, где мы находим почти тождественные требования (26). Мало того, некоторые пункты этой программы отдельные представители радикальной буржуазии пытались после переворота 4 сентября даже осуществить на деле и, так сказать, захватным порядком. Так мэр Бонвале ввел в своем 3-м округе обязательное обучение для детей школьного возраста, организовал особый отряд гражданской милиции и не допускал полицию в пределы округа. Другой радикальный мэр, Моттю, отстранил монахов от преподавания в школах 11-го округа, удалял распятия из госпиталей, воспретил духовенству доступ в госпитали и больницы для целей культа. Аналогичным образом действовал муниципалитет и 14-го округа (27). Конечно, это были лишь разрозненные попытки, не идущие ни в какое сравнение с делом Коммуны, и бесконечно прав Ленин, когда он пишет: «Коммуна являлась блестящим образцом того, как единодушно умеет пролетариат осуществлять демократические задачи, которые умела только провозглашать буржуазия» (28). Конечно, программа радикальной буржуазии так и осталась бы звонкой фразой, не будь 18 марта. Но нам здесь важно подчеркнуть, что в сознании этой буржуазии преобразовательная деятельность

Коммуны первоначально не ассоциировалась с какой-либо классовой пролетарской политикой, подобно тому как и 18-е марта не было ею вначале воспринято как победа пролетариата и удар по буржуазной государственности.

После всего изложенного становится понятным, каким образом радикальная буржуазия могла так долго сохранять иллюзии относительно подлинной сущности Коммуны. До середины апреля она даже носилась с мыслью всецело подчинить Коммуну своему влиянию и таким путем взорвать ее изнутри. Особенно ясно это видно на примере деятельности Республиканской лиги защиты прав Парижа, основанной после 18 марта по инициативе Клемансо, Лафона, Ранка, Дезонада, Адана, Локруа, Рошфора, Флокке и объединившей «передовых» купцов, промышленников, адвокатов и публицистов. В начале апреля Лига, как и вся парижская буржуазия, была еще убеждена в том, что версальским реакционерам не удастся победить Париж. Версаль и Коммуна, — доказывалось в одной из прокламаций Лиги, опубликованной 8 апреля, — имеют равные силы. Версаль никогда не будет в состоянии завладеть Парижем, но и Коммуна не в состоянии победить Версаль. Поэтому они должны между собою договориться, иначе Франция погибнет. — Но с Коммуной, в которой преобладали избранные пролетариатом крайние революционеры, Версаль решительно отказывался вести переговоры. Следовало поэтому захватить Коммуну изнутри, создавши в ней умеренно буржуазное большинство. Лига намеревалась для этой цели принять самое активное участие в дополнительных выборах в Коммуну, назначенных сперва на 5-е, затем перенесенных на 10-е, наконец состоявшихся 16 апреля. Расчет Лиги, по сообщению ее секретаря и историка Андре Лефевра, заключался в следующем: если на выборах победит кандидатский список Лиги, то она проведет в Коммуну 28 своих сторонников, которые, вместе с находившимися уже там 22 умеренными членами, будут иметь численный перевес над крайними партиями. Превратившись таким образом из «моральной силы в силу реальную», Лига могла бы успешно вести переговоры с Версалем, гарантировать Тьеру выполнение всех условий соглашения и сделать борьбу Версаля с Парижем излишней (29).

Если верить Лефевру, в самой Коммуне как среди «большинства», так и среди «меньшинства» имелись сторонники соглашения, достигнутого даже такой ценой (30). Действительно, один из влиятельных членов Коммуны, интернационалист Лефрансе, впоследствии говорил с сожалением о позиции воздержания умеренной и радикальной буржуазии. Подсчитавши, что между 28 марта и 16 апреля из Коммуны вышли 21 республика-

нец и радикал, он замечает: «Если бы умеренная буржуазия не ушла, а присоединилась бы к меньшинству, то все сложилось бы иначе. На республиканскую буржуазию и только на нее ложится вся ответственность за несчастья, к которым привело ее самостранение». Такого же мнения и другой видный член меньшинства, интернационалист Малон. Причины ухода из Коммуны радикалов — Ранка, Парана, Робине, Лефевра, Фрюно, Гупиля — для него «непостижимы». — «Если бы они не ушли, — пишет он, — социалистическое меньшинство стало бы большинством(!), а это имело бы необычайные последствия»(31). Известно, что некоторые члены прудонистского «меньшинства» предприняли «самые серьезные шаги», чтобы удержать в составе Коммуны представителей радикальной буржуазии. Совершенно очевидно, что такого рода соглашательская тактика, которая предала бы Коммуну в руки буржуазии, ничего общего не имела с тактикой компромисса с Версалем, о которой говорил Маркс в упомянутом выше (стр. 92) письме к Ньюенгуйсу. Именно такого рода прудонистская тактика привела бы к тому, что Маркс в письме к Кугельману от 17 апреля называл «сдаться без борьбы»; а сдача без борьбы имела бы своим ближайшим следствием, как он указывает далее, «деморализацию рабочих», которая «была бы гораздо большим несчастьем, нежели гибель любого числа «вожаров».

В этой связи для нас является чрезвычайно ценным указание Андре Лефевра об основной причине провала всех соглашательских попыток буржуазной Лиги. «Комитет Лиги, — пишет он, — имел в Париже много сторонников, но они были беспомощны вследствие недоверчивости и насильственных тенденций федератов, у которых в руках была сила и которые скорее увлекали за собой Коммуну, нежели ей повиновались» (32).

Таким образом парижский вооруженный пролетариат, руководимый своим верным классовым инстинктом, оказался главным и непреодолимым препятствием к соглашению, которое было бы куплено ценою поражения революции без борьбы, ценою деморализации рабочего класса. Но только необходимо отметить, что историк Лиги, вполне правильно подчеркивая выдающуюся роль «федератов» в отпоре соглашательским попыткам, глубоко заблуждается в отношении характера этой роли. Дело здесь, конечно, вовсе не в том, что сила, — как он указывает, — находилась в руках «федератов», вследствие чего сторонники Лиги, т.-е. соглашательства, в самой Коммуне были бессильными. Ибо федераты отнюдь не противопоставляли себя Коммуне, которая ведь была избранной ими же властью, за которую они бесстрашно

бились и умирали. Передовой парижский пролетариат, наученный горьким опытом прошлых революций, в данном случае (как и в ряде других, на которых еще придется остановиться), только выпрямлял ошибочную линию поведения своей руководящей верхушки, среди которой, действительно, имелись сторонники принципиально неверной и тактически вредной политики союза с республиканской буржуазией. В конечном итоге, политика, усвоенная Коммуной по отношению к республиканской буржуазии, свелась к тому, что, не препятствуя последней организовывать в своей среде соглашательские союзы и вести никого не обязывавшие переговоры с Версалем, Коммуна пресекала в корне попытки этих союзов организовать массовую пропаганду соглашательских идей путем устройства митингов и торжественно объявила предательством делу революции всякие разговоры о примирении с реакционным Версальским собранием. Таким образом, Коммуна добилась, по крайней мере, нейтрализации части буржуазии, что и было единственно достижимым и единственно необходимым в условиях тогдашней расстановки классовых сил.

Совершенно иные задачи стояли перед Коммуной по отношению к мелкой буржуазии, составлявшей наряду с пролетариатом основную массу населения Парижа. Если принять во внимание мелкобуржуазный характер всей Франции, а особенно Парижа того времени, ремесленный или полуремесленный характер значительной, даже подавляющей части парижского пролетариата, еще не обособившегося окончательно от мелкой буржуазии, то необходимость для Коммуны закрепить свой союз с последней, сохранить ее за собой в качестве «резерва революции» станет совершенно очевидной. Каким образом стремилась Коммуна достигнуть этой цели, будет видно при рассмотрении ее социально-экономической политики в течение всего первого периода ее деятельности.

ПРИМЕЧАНИЯ

(1) В комиссию для выработки прокламации вошли 3 бланкиста: Вайян, Тридон и Прото — и один якобинец — Груссе. См. «Procès-verbaux de la Commune de Paris, édition critique par G. Bourgin et G. Henriot, P. 1924, I, p. 52, где напечатана и самая прокламация.

(2) 30 марта «Journal Officiel» вышел под названием «Journal Officiel de la Commune de Paris» N°1, но после дискуссии в Коммуне того же 30-го было решено сохранить его старое наименование «Journal Off. de la République Française», N°90.

(3) Она была принята на секретном заседании 18 апреля всеми против одного голоса, после того как по предложению Риго было отброшено содержавшееся в ней осуждение «цезаристского коммунизма». Программу составил якобинец Делеклюз. «Procès-verbaux», p. 274, 277 sq, 282—284.

- (4) Maillard. Les publications de la rue, N° 292, p. 99.
- (5) Цит. у Ларонза, ук. соч. стр. 118. Повидимому, это место заимствовано из статьи в «Journal Officiel» от 31 марта.
- (6) «Rapport de Boreau Lajandie sur le rôle de la presse pendant l'insurrection de Paris» в «Enquête parlementaire», 75 sq, и C. Pelletan, о. с., p. 58.
- (7) «Journal Officiel». 12/IV.
- (8) См. ИОГН, 1930, стр. 482. (О Вайнштейн. Парижская Коммуна и пролетариат в революцию 1871 г.).
- (9) См. все ссылки на источники там же, стр. 483.
- (10) «Journal Officiel» от 3/IV.
- (11) «Père Duchêne», N° 23.
- (12) Debidour. L'Eglise catholique et l'Etat sous la 3^e République, p. 33.
- (13) Наиболее тщательно вопрос о школе разработан у А. Молок. Очерки быта и культуры Парижской Коммуны, Л. 1924.
- (14) «Liberté» от 4/IV.
- (15) «Procès verbaux», p. 492, 495.—Донесения Окунова, стр. 4 сл.
- (16) «Guerre des Communeux de Paris» (Paris, 1871) p. 189 sq.
- (17) Laronze. La Commune, p. 124; 452.
- (18) Jeb. Commissaire. Mémoires et souvenirs, t. II, p. 380 sq цит. у Laronze, 459 ss.
- (19) Ibid., p. 284 сл.
- (20) См. ряд таких писем у Добана, op. cit.
- (21) «Père Duchêne», 3 prairial.
- (22) Laronze, 294 ss.
- (23) Собр. соч., т. XXI, стр. 398.
- (24) Собр. соч., т. XXII, стр. 352.
- (25) «La Commune», № 23 (11/IV).
- (26) Firmin Maillard. Publications de la rue, N° 243, p. 94 sq.—«La Commune», N° 24, от 12/IV.—«Murailles politiques», II, pp. 212—213.
- (27) «Enquete parlementaire», 225, 277.—E. Lamé-Fleury, La guerre, la révolution etc. в «Journal des économistes français», t. XX, p. 306.
- (28) Собр. соч. т. XII, стр. 163.
- (29) André Lefèvre. Histoire de la Ligue d'Union Républicaine des droits de Paris, P. 1881. Эта очень важная работа, написанная в сентябре 1871 г. по горячим следам событий, прошедшая редакцию тьериста Тирапа (утверждение Лепелтье), дает много интересного материала для характеристики эволюции буржуазных кругов по отношению к Коммуне.
- (30) Lefèvre, о. с., 78.
- (31) Lefrançais. Etude sur le mouvement comm. Neufchatel 1871, pp. 193—197.—Malon. La troisième défaite du prolétariat français, p. 137.
- (32) Lefèvre, p. 147.